

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

МОТОВНИКОВА Елена Николаевна

**ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.Н. СТРАХОВА
(ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

09.00.03 – история философии

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант -
доктор философских наук, доцент
Щедрина Татьяна Геннадьевна

Москва – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3 -20
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ	21-224
Глава 1. Философская герменевтика и философская публицистика в России XIX в.: перспективы возвратного понимания.	21-53
1.1. Герменевтическая проблема в истории русской философской публицистики «долгого» XIX века	21-33
1.2. Философская публицистика Н.Н. Страхова: предпосылки (не)понимания	34-53
Глава 2. Философия как поиск и разговор: историко-философские ориентации Н.Н. Страхова	54-103
2.1. И. Кант в философских исследованиях Н.Н. Страхова.	54-72
2.2. Мышление и история: А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов.	72-87
2.3. Культурно-исторические исследования философско-научных утопий	87-103
Глава 3. Герменевтическое кредо Н.Н. Страхова: онтико-эпистемологические смыслы	104-166
3.1. Самопонимание и «зеркала сочувствия».	104-136
3.2. На пути к сущему: «вечные истины» в конкретно-познавательной перспективе.	136-151
3.3. Эпистемологический стиль Н.Н. Страхова: ответные смыслы.	151-166
Глава 4. Poleмика и понимание: герменевтика несогласия и преемственности	167-224
4.1. Национальный вопрос: опыт социальной герменевтики Н.Н. Страхова	167-190
4.2. Эпистемологическая асимметрия (контуры спора В.С. Соловьева и Н.Н. Страхова).	191-199
4.3. Н.Н. Страхов в кругу учеников: В.В. Розанов, Ю.Н. Говоруха-Отрок, Ф.Э. Шперк. Герменевтические установки общения	199-224
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	225-228
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	229-253
ПРИЛОЖЕНИЕ	264-288

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Философская герменевтика в России относится к числу наименее разработанных областей историко-философского знания. Исследование герменевтических начинаний и программ в истории русской философской мысли локализовано и представлено в нескольких, мало пересекающихся друг с другом исследовательских направлениях. Наиболее значительные исследовательские усилия предприняты по отношению к герменевтическим программам М.М. Бахтина, Г.Г. Шпета, В.В. Розанова и П.А. Флоренского; однако и эти усилия далеки от завершения. Возникшая в контексте мировой и отечественной мысли XIX в., русская философская герменевтика никогда не становилась университетской образовательной традицией. В XX столетии эпоха расцвета философской герменевтики в зарубежной философии совпала с вытеснением ее на познавательную периферию в России. Сбереженная преимущественно как некая особая форма литературоведения, русская герменевтика переоткрывается в конце XX – начале XXI вв. как собственно философское движение усилиями С.С. Аверинцева, А.В. Михайлова, В.В. Бибикина и др. уже в новом контексте – во многом благодаря переводам и исследованиям трудов западных мыслителей герменевтического склада (М. Хайдеггера, Г.Г. Гадамера, П. Рикера, Э. Бетти, А. Бело и др.). С конца 80-х гг. прошлого столетия это движение становится предметом систематического внимания и областью архивных разысканий и реконструкций В.Г. Кузнецова, Л.А. Микешиной, С.Г. Бочарова, В.Л. Махлина, С.С. Хоружего, В.П. Зинченко, Т.Г. Щедриной, Л.А. Гоготишвили, К.Г. Исупова, Н.И. Николаева, Н.П. Ильина, П.А. Ольхова и др. Мало-помалу вовлекаются в сферу историко-философских исследований герменевтико-ориентированные труды русских мыслителей XIX столетия – А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, Ю.Н. Говорухи-Отрока, Ф.Э. Шперка и др. Становятся предметом специального

исследования герменевтические установки ближайших к нам наших старших современников – А.Ф. Лосева, С.С. Аверинцева, А.В. Михайлова, В.В. Библихина и др. Однако и к середине 10-х годов нынешнего столетия внимание исследователей к отечественной философско-герменевтической традиции нельзя назвать устоявшимся и вполне развившимся в эпистемологическом и проблемно-тематическом отношениях. Остается во многом неясной сама «сфера разговора» – особая, концептуально открытая, диалогическая реальность, в которой возникала и крепла русская герменевтическая мысль.

Уточнение этой реальности, ее историко-философских контуров и смысловых доминант предполагает интенсификацию исследований в отношении ее первых активных творцов и участников, к числу которых следует отнести Николая Николаевича Страхова (1828–1896). Почти забытый к концу XX в., воспринимаемый тогда чаще всего как периферийный литературный критик, Страхов, как выясняется, был авторитетным, основательным собеседником или прямым оппонентом для русских мыслителей 60–90-х годов XIX столетия, очень разных по своим исследовательским предпосылкам и намерениям. Сам он числил себя учеником А.А. Григорьева; в течение десятилетий он был надежным сотрудником и корреспондентом, искренним другом для Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.Я. Данилевского, И.С. Аксакова, А.А. Фета, В.В. Розанова, В.С. Соловьева, А.М. Бутлерова, Ю.Н. Говорухи-Отрока, Ф.Э. Шперка и др., сходящихся со Страховым, при всех различиях, в своей приверженности к откровенному, критически открытому и целостному, ответственному по своим установкам, концептуально плюралистическому «совместному мышлению» (Г.Г. Шпет).

К концу XIX в. Н.Н. Страхов был признан как «один из самых прочных и прекрасных памятников русского философского писательства в XIX веке» (Н.Я. Грот) – памятников «понимающей» русской философии, историю которой теперь так трудно восстановить. Его труды, как правило,

публицистичны, – ограничены тем или иным журнальным жанром, а то и жанровой маской, под которой он выступал; однако, как это обстоятельно обосновывает Н.П. Ильин, Страхова можно было бы признать «первым классиком» русской философии, поскольку он с «полной ясностью» очертил проблемное поле русских философских исследований, – все то, что теперь определяется через дисциплинарное различие эпистемологии, философии и методологии науки, философской антропологии и философии культуры, философской психологии, эстетики, этики и собственно истории философии. В его работах обнаруживаются прямые переключки с идеями К. Поппера, А. Уайтхеда, Л. Витгенштейна, Г.Г. Гадамера, М.М. Бахтина и др. Целеполагание всей герменевтически ориентированной философии Н.Н. Страхова, шло ли дело о проблеме рационализма и природы научного знания, загадке человеческой души, тайне поэзии, типологии мировых цивилизаций, судьбе славянской культуры или значении конкретного философа в истории мысли, всегда было ориентировано на аргументативно отчетливое понимание предмета исследований, соблюдение органического единства мышления, историчного и не сводимого ни к каким окончательным, автономным теоретическим формам. В страховском «методе ставить и развивать понятия», реализовавшемся в его публицистических философских высказываниях, заметно особое стилистическое единство мышления, в котором скептически выверенное признание беспредпосылочных начал познания сочетается с умением критически удержать мысль, стремящуюся к теоретической самодостаточности. Эта особенность обосновывает еще один аспект актуальности обращения к философско-публицистическому опыту Н.Н. Страхова именно в плане выявления его «стратегического» характера. В современной науке, осуществляющей комплексные исследовательские проекты, как показывает Б.И. Пружинин, все большее значение приобретают не стандартизированные методологии, а именно методологические стратегии – способы методологической ориентации исследователей, где традиционные методологические нормы приобретают характер не жестких стандартов, но

гибко подбираемых инструментов исследования, что обеспечивает возможность предварительного понимания, истолкования и определения путей дальнейшего изучения принципиально новых проблем, порожденных жизнью и практикой и не подпадающих под квалификационные определения уже сложившейся предметно-дисциплинарной системы. Подобную гибкость мы встречаем и в тех публицистически (то есть жизненно-практически) ориентированных методологических поисках Н.Н. Стрхова, которые уместно назвать герменевтическими стратегиями и которые часто встречали непонимание и даже осуждение более жестко научно-идеологически ориентированных его современников. Изучение наследия мыслителя такого масштаба и склада – неперенное историко-философское условие понимания истоков и перспектив философской герменевтики в России.

Степень разработанности проблемы. Современные исследования истории русской философии переживают интенсивный период пересмотров концептуальных исследовательских программ, открытия новых и переоткрытия известных архивных ресурсов, возобновления прежде подвергшихся жесткой интерпретации имен. Ответно общим теоретико-методологическим «вызовам XXI века» (Н.В. Мотрошилова) возникают новые постановки проблемы историзма русской философии, несводимости русских философских практик к линейным схемам происхождения и развития ее основных тем, исследовательских форм и направлений. Новое понимание русской философии как особой, целостной культурно-исторической реальности различным образом формируется и развивается в работах Т.В. Артемьевой, Е.В. Бессчетновой, Н.К. Бонецкой, Е.А. Бутиной, А.Г. Гачевой, М.Н. Громова, Н.А. Дмитриевой, И.И. Евлампиева, А.А. Ермичева, А.Ф. Замалеева, К.Г. Исупова, В.К. Кантора, А.П. Козырева, А.Н. Круглова, А.В. Малинова, О.В. Марченко, М.А. Маслина, В.Л. Махлина, М.И. Микешина, Л.А. Микешинной, В.Й. Повилайтиса, В.Н. Поруса, А.И. Резниченко, Ю.В. Синеокой, А.В. Черняева, Т.Г. Щедриной и др. Возникла и реализуется потребность сосредоточиться на

XIX веке – ненаивном и весьма насыщенном в проблемно-тематическом отношении. Многие узловые пункты русских философских исследований XX века, его драматической и поучительной истории, определялись в XIX столетии. «Долгий» (Э. Хобсбаум) XIX век в России, как уже теперь ясно, был временем «цветущей сложности», не сводимым в своих исторических основаниях к гегелевско-марксистским или позитивистским сюжетам, программным инициативам отдельных мыслителей. Сильным и многообразным было влияние немецкой традиции (как это показали В.Ф. Пустарнаков, Н.А. Дмитриева, М.А. Ходаневич, А.Н. Круглов и др.); не были, надо полагать, гениальной внезапностью выдающиеся труды В.С. Соловьева, ставшие едва ли не самым ярким событием в 80–90-х гг. XX в., в самом начале современной истории русской философии (проблема целостности человеческого сознания и познания, которая, в числе других, систематическим образом занимала Соловьева, была им усвоена и развита в его весьма подвижной и продуктивной «сфере разговора») и т.д.

Возобновление интереса к философии Н.Н. Страхова в современной истории философии, между тем, все еще находится в фазе предварительных концептуальных поисков и архивных переоткрытий. Страхов был изгнан из актуальной философской памяти практически сразу после смерти, когда была актуальна борьба различных философских партий и очень немногим удавалось сохранять интерес к мыслителю энциклопедического склада, сторонившемуся всякой окончательности, «мертвых точек» в философском исследовании. Признательность к нему как к своему первому учителю сохранял В.В. Розанов, о нем размышляли Д.И. Чижевский, П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев; можно предположить преемственность его мысли и мысли М.М. Бахтина. Однако философские симпатии русского общества тогда распределялись по большей части между мыслителями совсем других познавательных ориентаций.

После без малого векового перерыва, в конце XX – начале XXI вв. первые значительные исследования философского мировоззрения

Н.Н. Страхова были реализованы Н.Н. Скатовым, обратившим внимание на особое положение Страхова в истории литературной критики, и Н.П. Ильиным (Мальчевским), указавшим на Страхова как на крупнейшего позабытого мыслителя в трагической истории русской философии. Ильиным же был впервые обстоятельно представлен целостный очерк философской антропологии и культурно-исторических взглядов Н.Н. Страхова, предвосхитившего, а в некоторых отношениях и превзошедшего исследовательские инициативы XX в. Важнейшие реконструкции интеллектуальной биографии и архивного наследия Н.Н. Страхова были предприняты М.И. Щербаковой, опубликовавшей юношескую переписку Страхова с его духовником о. Иоанном (Скивским), переписку Страхова с И.С. Аксаковым и др. Крупный источниковедческий вклад в исследование лаборатории страховского мышления внесли публикаторы и комментаторы наследия В.В. Розанова (И.А. Едошина, А.Н. Николюкин, В.А. Фатеев и др.). В это же время состоялась актуализация Н.Н. Страхова в западной интеллектуальной истории – благодаря Л. Герштейн, указавшей на Страхова как на особого русского славянофила, и Группе славянских исследований при Оттавском университете (А.А. Донсков, Д. Орвин, Дж. Вудсворт, при участии Л.Д. Громовой-Опульской и др.), переиздавшей беспрецедентную четвертьвековую переписку Толстого и Страхова, поддержавшей переиздание переписки Страхова с Аксаковым и др.

В конце 90-х годов XX в. и в первые полтора десятилетия XXI в. были опубликованы работы, в которых предварительно дисциплинарно идентифицировалось мышление и личность Н.Н. Страхова; при этом наибольший интерес со стороны исследователей вызывали его внешняя репутация идеолога почвенничества и консерватизма (Л.Р. Авдеева, А.В. Богданов, А.А. Васильев, А. де Лазари, А. Сметанников, Чжу Цзяньган и др.), а также главного защитника концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в многолетней полемике с В.С. Соловьевым (Б.П. Балугев, А.В. Белов, Н.А. Жукова, В.А. Фатеев и др.)

Среди исследований собственно философской предметной направленности особое внимание обращалось на страховский антропологизм или «диалогизм» (Е.А. Антонов, Л.А. Виликотская, С.М. Климова и др.), его место в истории философского органицизма (А.В. Белов, Ю.М. Микитюк), в русском шеллингианстве (М.А. Ходаневич) и, в целом, в мировой истории философии (Н.З. Бросова, В.А. Жучков и др.). Вызывает интерес исследователей его философия истории (П.А. Ольхов), философия педагогики (В.С. Лыкова, М.А. Шарова и др.) и иные специальные темы: философско-религиозные искания (Н.К. Гаврюшин), философия науки (О.Д. Маслобоева), сотрудничество с журналом «Вопросы философии и психологии» (А.П. Пушкарев) и пр.

Продолжаются филологические изыскания вокруг литературно-критического наследия Н.Н. Страхова: к написанным еще в 70-80 гг. XX в. трудам Э.Г. Бабаева, Н.А. Горбанева, У.А. Гуральника, В.Я. Кирпотина, Н.Н. Скатова прибавились работы нового поколения литературоведов, в которых неизменно преобладает интерес к творческим и личным взаимоотношениям Страхова с Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым (С.В. Белов, А.А. Донсков, В.Н. Захаров, Л.Л. Легошина, В.В. Тихомиров, А.В. Тоичкина, С.С. Шаулов) и к особенностям его литературно-критического метода (Т.В. Ведерникова, С.П. Гринева, К.А. Кокшенева, А.Н. Першкина).

Предварительная попытка комплексной интеллектуальной биографии Н.Н. Страхова была предпринята Н.В. Снетовой.

Вплотную подошли к переоткрытию русской герменевтики со стороны исследования литературно-критической методологии XIX в. филологи, занимавшиеся «органической критикой» А.А. Григорьева, – М.Г. Зельдович, А.И. Журавлева, В.П. Раков; к ним весьма близок Н.Н. Скатов, первый крупный современный исследователь-филолог, посвятивший себя исследованию литературной мысли Страхова. Истоки русской герменевтики

в XIX веке ищет в работах последних лет Н.К. Бонецкая, в связи с опытом философских исследований Серебряного века.

Особо следует выделить позицию Н.П. Ильина, который не считает возможным отождествить философскую герменевтику как универсальную теорию понимания, основывающуюся, как он полагает, на позитивистской феноменологии, с национальной программой культуры понимания (на основе самопонимания), предложенной А.А. Григорьевым и Н.Н. Страховым; тем самым Ильин недвусмысленно указывает на культурно-историческое своеобразие русской герменевтики. Другая отмеченная Ильиным особенность состоит в том, что именно в научно-философской публицистике и литературной критике философские размышления Страхова получают свою необходимую конкретизацию, непосредственно выступают как форма культурного и национального самосознания и понимания. Близкое понимание философской публицистики отстаивает и А.Л. Семенова на примере полемики «нулевых» годов XX века о новом обществе и новом человеке; можно было бы показать прямое продолжение в них полемик 60-80-х гг. XIX века о «нигилизме», в которых принимал активное участие Н.Н. Страхов.

Первое современное исследование оснований философской герменевтики Н.Н. Страхова в порядке историко-философского *case study* было осуществлено П.А. Ольховым и поддержано Н.К. Гаврюшиным по мере уточнения страховской методологии как «метафизической воздержанности». Герменевтико-публицистическую маску «Н. Косицы», под которой написан и опубликован корпус философско-публицистических работ Страхова в современных ему журналах «Время», «Эпоха» и «Заря», в последние годы исследует А.Н. Першкина.

Цель данного диссертационного исследования заключается в реконструкции основных герменевтических стратегий философской публицистики Н.Н. Страхова в контексте русской философской мысли второй половины XIX–XX столетий.

Достижение поставленной цели связано с решением следующих **задач**:

- раскрыть истоки герменевтической традиции русской философии в контексте современных историко-философских и историко-филологических споров;
- дать общую содержательную и методологическую характеристику философской публицистики Н.Н. Страхова; выявить основополагающие эпистемологические и мировоззренческие установки и принципы его исследовательской и просветительской деятельности;
- реконструировать герменевтические приемы в историко-философских исследованиях Н.Н. Страхова;
- показать герменевтический характер органического понимания истории в совместной разработке Н.Н. Страхова с А.А. Григорьевым;
- выявить и акцентировать экзистенциально-личностные и коммуникативные аспекты герменевтического мышления Н.Н. Страхова; проанализировать герменевтические особенности его языка и стиля письма;
- раскрыть герменевтические основания социально-философского исследования Н.Н. Страховым национального вопроса;
- прояснить предпосылочные основания полемики Н.Н. Страхова с В.С. Соловьевым.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования. Под герменевтическими стратегиями в диссертации понимается ориентированное на конкретно-историческую предметность и жизненно-практический здравый смысл постижение, осмысление в определенном контексте ценностно значимых событий, явлений, текстов, не связанное жесткими стандартами научности и теоретико-методологической монопарадигмальностью.

Герменевтические стратегии философской публицистики Н.Н. Стрхова требуют для своего обнаружения и раскрытия адекватных исследовательских приемов герменевтического же порядка. Яснее всего они проявляются при исследовании содержания и стиля журнальных полемик с позиций широко понимаемой теории и практики аргументации, исторической реконструкции авторских аргументативных стратегий, выявления в рассуждениях формальных и неформальных компонентов полемической логики и риторики, психологических и социокультурных, научных и повседневных предпосылок и контекстов. Поэтому в диссертации, помимо известных в традиции систематической философской герменевтики методологических подходов Г.Г. Гадамера, П. Рикера, Э. Бетти, применяются подходы, разработанные в неформальной логике в порядке анализа герменевтики отношения формального и неформального (И.Н. Грифцова), эпистемологии гуманитарных наук (Л.А. Микешина), диалогически ориентированной гуманитарной эпистемологии (В.Л. Махлин).

Исследование опирается самым существенным образом на достижения проекта культурно-исторической эпистемологии, в котором была предпринята концептуализация понятий эпистемологического стиля, архива эпохи, сферы разговора, внутренней формы слова и др. (Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина), и в связи с которым развивается как особое органическое развитие этого проекта – специальное исследование вопроса о методологических стратегиях (переводческих, конвенциональных, интерпретативных и др.) современных эпистемологических исторических реконструкций (Н.С. Автономова, Ф.Е. Ажимов, В.П. Зинченко, Л.А. Микешина, И.И. Мюрберг, П.А. Ольхов, Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина и др.). В рамках этого проекта, в частности, показана специфическая методологическая практичность герменевтики как следствие ее неременной погруженности в повседневность и жизненную активность (Ф.Е. Ажимов). Особое значение для анализа философского творчества Н.Н. Стрхова имеет концепт *эпистемологического стиля* русской интеллектуальной традиции,

под которым здесь понимается самобытность научно-философского поиска, своеобразное понимание историзма, акцентуация личностного смысла познания и антиномичная трактовка рациональности, в которой полагается необходимым единение истин разума с личной искренностью и правдой в отношениях.

Так же значимы для методологического обеспечения осуществленного исследования эпистемология и философия естествознания как культурно-исторического феномена (П.П. Гайденоко, Н.И. Кузнецова, Л.А. Микешина, В.Н. Порус) и эпистемология русской религиозной философии (В.Н. Порус), практика архивно-эпистемологической реконструкции (Т.Г. Щедрина).

В силу специфики предмета в диссертационном исследовании применяется методология *case studies*, позволяющая сочетать методы герменевтической реконструкции, биографического анализа и проблемно-тематического анализа источников в общем культурно-историческом контексте (применительно к философскому наследию Н.Н. Стрхова методология апробирована в диссертационном исследовании П.А. Ольхова).

Философская публицистика в настоящем исследовании понимается не столько как специфический жанр журналистики, сколько как основная форма философского творчества в России середины XIX века, когда философия была деинституционализована как университетская дисциплинарная практика (1850-1863 гг.), а затем возобновлялась в университетах и межуниверситетской интеллектуальной среде посредством литературно-философских журналов. Так, основанный в 1889 г. журнал Московского психологического общества «Вопросы философии и психологии», с которым сотрудничал Н.Н. Стрхов, будучи специализированным, сохранял ориентацию на широкий круг образованных читателей. К философской публицистике XIX века относятся работы общего литературно-критического характера, статьи и полемики в журналах по вопросам новейших научных открытий и их мировоззренческого значения, поскольку в этих статьях делались выводы о новом понимании основ бытия общества и человека,

знания и веры, свободы и закономерности, этики и эстетики и т.п. На этих основаниях, **источниковую базу** диссертационного исследования составили:

- общеполитические, естественнонаучные и литературно-критические статьи Н.Н. Стрхова, опубликованные в журналах конца 50-х–90-х гг. XIX в. и объединенные самими Стрховым в монографические сборники «Философские очерки» (1895), «Мир как целое: черты из наук о природе» (1892, 2-е изд.), «Об основных понятиях психологии и физиологии» (1894, 2 изд.), «Борьба с Западом в нашей литературе» (1-я книжка 1882 и 1887; 2-я 1883, 1887 и 1890), «Заметки о Пушкине и других поэтах» (1888); «Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом» (1885, 1887 и 1895);
- материалы журнальных полемик Н.Н. Стрхова с революционно-демократической критикой 60-х гг. «Из истории литературного нигилизма» (1890), полемик с А.М. Бутлеровым в сборнике «О вечных истинах (Мой спор о спиритизме)» (1887) и с Вл. Соловьевым в третьей книжке «Борьбы с Западом» (1896);
- литературно-критические статьи и воспоминания о Н.Н. Стрхове К.Н. Бестужева-Рюмина, А.И. Введенского, А.Л. Волынского, Ю.Н. Говорухи-Отрока, В.А. Гольцева, Н.Я. Грота, С.А. Левицкого, К.Н. Леонтьева, Н.К. Михайловского, Б.Н. Никольского, М.А. Протопопова, Э.Л. Радлова, В.В. Розанова, Ф.Э. Шперка и др.;
- опубликованные материалы переписки Н.Н. Стрхова с И.С. Аксаковым, П.Д. Голохвастовым, А.А. Григорьевым, Н.Я. Данилевским, К.Р., В.В. Розановым, В.С. Соловьевым, Л.Н. Толстым, А.А. Фетом;
- впервые вводимые в научный оборот архивные материалы переписки Н.Н. Стрхова с К.Н. Бестужевым-Рюминым и П.Д. Голохвастовым;

- литературно-критические работы и письма Ап. Григорьева как литературного учителя и философского единомышленника Н.Н. Стрхова;
- материалы герменевтических коллизий 10-20-х гг. XX в., за которыми последовало вытеснение собственно герменевтической традиции из актуальных практик русских философских исследований (полемики А.И. Введенского и В.А. Тер-Ваганяна).

Отдельные наиболее важные источники представлены в приложении как иллюстративный материал, требующий герменевтического анализа непосредственно в рамках темы диссертационного исследования.

Научная новизна исследования. В диссертации предпринято исследование и историко-философская реконструкция основных герменевтических стратегий философской публицистики Н.Н. Стрхова в контексте русской философской мысли второй половины XIX столетия.

При этом получены следующие результаты:

- раскрыто содержание проблемы истоков герменевтики в русской философской публицистике XIX в. и показаны ближайшие перспективы ее разработки;
- философская публицистика Н.Н. Стрхова проанализирована и охарактеризована в аспекте ее полемического стиля; выявлены основополагающие мировоззренческие и эпистемологические установки и принципы исследовательской и просветительской деятельности Н.Н. Стрхова;
- проанализированы на метауровне типичные герменевтические приемы в историко-философских исследованиях Н.Н. Стрхова;
- выявлены основные смыслы и неявные предпосылочные компоненты в структуре органического понимания истории, разработанного в публицистике Н.Н. Стрхова и А.А. Григорьева;

- рассмотрены социально-коммуникативные контексты и экзистенциальные установки творчества и личного общения Н.Н. Страхова; проанализированы специфические черты страховского языка, стиля его мышления и письма;
- рассмотрены герменевтические полемические стратегии исследования Н.Н. Страховым национального вопроса;
- показаны ценностно-эпистемологические основания полемики Н.Н. Страхова и В.С. Соловьева;
- введены в научный оборот архивные документы переписки Н.Н. Страхова с К.Н. Бестужевым-Рюминым и П.Д. Голохвастовым.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования.

Результаты исследования вносят существенный вклад в современное понимание истории русской философской герменевтики. Историко-философская реконструкция герменевтических исследовательских стратегий в творчестве одного из основателей русской философии Н.Н. Страхова, выполненная в диссертации посредством *case studies*, способствует уточнению представлений о методологическом арсенале русских мыслителей XIX века и намечает новые перспективы в исследовании проблемы русской герменевтики. Исследование также является новым шагом к сближению историко-философских и историко-литературных исследований, способствует интенсификации изучения и радикальной переоценки места и значения в культуре ключевых фигур интеллектуальной истории России.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке и чтении учебных курсов для студентов и аспирантов по философии, истории философии, философии социальных и гуманитарных наук, спецкурса по актуальным проблемам истории русской философии, а также привлекаться при подготовке курсов по теории и истории культуры, теории и практике аргументации, психологии и отечественной истории.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Русская философская публицистика, пережившая своей первый масштабный расцвет в литературно-философских и научных журналах конца 50-х – 90-х гг. XIX в., являясь целостным и концептуально нелинейным явлением в истории русской философии, содержит в себе герменевтические условия понимания единства русского философского мышления, его полемической специфики.
2. Н.Н. Страхов одним из первых русских мыслителей указал границы эффективности теоретически отвлеченного мышления и конкретно-исторически описал опасности отвлеченного схематизма в познании мира как целого, уточнил необходимость гуманитарной поликонцептуальности в онтологической перспективе философских полемик и стратегий аргументации – при сохранении приверженности вечным истинам, предстающим в практических идеалах красоты, добра и правды.
3. Философско-публицистическое наследие Н.Н. Страхова является свидетельством его подвижнической просветительской деятельности по формированию в русском обществе конкретно-теоретических идеалов и эпистемологически ответственной культуры философского мышления, органического, избегающего крайностей догматизма и скептицизма или абстрактно-теоретической самодостаточности.
4. Обширное страховское эпистолярное наследие позволяет уточнить многообразие социально-коммуникативных контекстов и единство экзистенциальных установок творчества и личного общения Н.Н. Страхова, показывает практическую герменевтическую открытость и целостность его философского опыта, свидетельствует о глубокой искренности, бесстрашии и целостности личности и мышления Н.Н. Страхова.
5. Самобытность мышления, изощренность аргументативных приемов, избегание шаблонов, простота и литературное изящество стиля, ирония

и языковая игра, выступление «под маской» и строгое воздержание от высказывания недодуманной мысли – эти черты философской публицистики Н.Н. Страхова были ему сознательно дороги и являлись непривычными для современного ему массового читателя, склонного к следовать за идейно-типическими сюжетами или усматривать в истории философской мысли идеологическое противостояние, борьбу за или против новых или возобновляемых идей.

6. Органическое историческое понимание, как его разрабатывали Н.Н. Страхов и А.А. Григорьев, опирается на непосредственное живое «историческое чувство», позволяющее рационально понять историю как жизненное целое в противоположность метатеоретическим (прогрессистским) воззрениям на историю.
7. Н.Н. Страхов в течение всей своей творческой жизни сохранял интерес к «роковому» вопросу о национально-культурной идентичности, полагая, что поиск решения должен вестись в конкретно-смысловой реальности историчной социальной практики.
8. Одно из важнейших событий истории русской философии XIX в., спор между Н.Н. Страховым и В.С. Соловьевым из-за концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, – неидеологический со стороны Н.Н. Страхова, – имеет значение как опыт смысловой, стилистико-познавательной асимметрии, радикального расхождения в ценностно-эпистемологических предпосылках оппонентов.
9. Историко-философские исследования Н.Н. Страхова имеют в своем основании глубокий герменевтико-эпистемологический настрой, характеризующийся стилистическим единством содержательной ясности, метафизической осмотрительности и концептуального плюрализма.
10. Отношения Н.Н. Страхова с немногочисленными преемниками (учениками) были основаны на принципах свободы и ответственности, взаимного искреннего интереса и обусловлены поколенческой

дистанцией, создававшей возможность продуктивного применения герменевтических стратегий в обоюдном анализе творчества учителя и учеников.

Апробация результатов научного исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в 37 публикациях общим объемом 28,25 п.л., из них 16 статей в журналах, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации (10,55 п.л.) и трех монографиях (7,95 п.л.).

Апробация работы осуществлялась по мере её выполнения при чтении специальных курсов по социальной философии и философии науки для студентов Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Белгородского государственного технологического университета, Белгородского государственного национального исследовательского университета. Основные положения и выводы исследования получили освещение в научных публикациях автора, а также в его выступлениях: с докладом «О философии языка и языке философии» на III Российском Философском Конгрессе (Ростов-на-Дону, 16–20 сентября 2002 г.), с докладом «К проблеме социального диалога» на Втором международном симпозиуме «Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии» (Хабаровск, 18-19 мая 2006 г.), с докладом «Стратегии понимания: коллизии социальной аргументации» на 4-й Всероссийской конференции «Проблемы российского самосознания» в ИФ РАН (Москва, 27–29 мая 2009 г.), с докладом «Аналитическая философия и герменевтика: точки соприкосновения» на постоянно действующем семинаре ИФ РАН в Белгородском государственном университете «Современная философия в критическом диалоге с собственной традицией» (Белгород, сентябрь 2009 г.), с докладом «Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов: к онтологическим основаниям одного исторического спора» на заседании регионального круглого стола, посвященного 100-летию со дня смерти Л.Н. Толстого «Творческое наследие Л.Н. Толстого в современном гуманитарном сознании» (Белгород, 16 декабря 2010 г.), с докладом «Единство научного знания как культурно-историческая проблема (к органической

типологии Н.Н. Страхова)» на Международной научной конференции «Культурно-исторический подход в гуманитарных науках: проблемы и перспективы» (Владивосток, октябрь 2011 г.), с докладом «Славянский вопрос в философской публицистике Н.Н. Страхова» на VIII международной научно-практической конференции «Проблемы гармонизации многонациональных отношений на постсоветском пространстве» (Харьков, 19 декабря 2012 г.), с докладом «Духовная культура: к проблеме разговора» на I Международной научно-практической конференции «Евангелие в контексте современной культуры» (Белгород, 15 мая 2013 г.), с докладом «К проблеме методологического статуса интерпретации» на научной конференции «Конвенция как методологическая стратегия социально-гуманитарного знания» (Владивосток, 14–19 октября 2013 г.), с докладом «Н.Н. Страхов – В.С. Соловьев: к основаниям полемики 1888-1894 гг.» на Международной научно-практической конференции «Приоритетные направления в развитии современного общества: междисциплинарные исследования» (Белгород, 21 ноября 2013 г.), с докладом «Об условиях успешного диалога: Г.-Г. Гадамер – О. Розеншток-Хюсси» на II Международной научной конференции «Культура. Политика. Понимание» (Белгород, 24-26 апреля 2014 г.), с докладом «О свободе толкования Евангелия (Н.Н. Страхов о Л.Н. Толстом)» на II Международной научно-практической конференции «Евангелие в контексте современной культуры» (Белгород, 16 мая 2014 г.). Концепция диссертации обсуждалась на заседаниях кафедры философии Московского педагогического государственного университета.

Структура и объем диссертации. Структура диссертации определяется замыслом и логикой исследования, подчинена последовательному решению поставленных задач. Работа состоит из введения, четырех глав, одиннадцати параграфов, заключения, приложения и списка литературы, включающего 362 наименования на русском и иностранном языках. Общий объем диссертации составляет 288 страниц машинописного текста.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Глава 1. Философская герменевтика и философская публицистика в России XIX в.: перспективы возвратного понимания

1.1. Герменевтическая проблема в истории русской философской публицистики «долгого» XIX века

Россия, по замечанию Н.Н. Страхова, принимала участие в европейской культуре XIX века преимущественно через литературу, которая долгое время была заменой социальным наукам и массовой формой научно-гуманитарных практик. Актуальной литературной группой тогда стала полемичная русская философская публицистика, в которой происходило формирование и непрерывная критическая проверка и уточнение целостного и концептуально плюралистического понимания социальной действительности. Философские парадигмы, привходящие со стороны зарубежных исследователей и встречавшиеся с отечественными традициями философского мышления, давали себя знать прежде всего с некоторой публицистически-речевой, жанровой определенностью. Философские и научные парадигмы проявились в русской литературе именно в виде разговорных жанров, герменевтически встречно: натурализм здесь оказывался феноменологичен, романтизм экзистенциален, позитивная социальная критика одушевлена социально-утопическими настроениями и т.д. Соответственно, стратегии участия в философских публицистических практиках – удел большинства русских мыслителей XIX века – имели герменевтическую перспективу, предполагали установку на личностно ответное или, во всяком случае, отчетливо индивидуальное познавательное действие и конкретное аргументативное единство каждого возникавшего таким образом философского разговора.

Что русская философия выросла из публицистики, это несомненный исторический факт: «русская философия в значительной степени обязана

своим существованием русской журналистике»¹ – единственной философской трибуне 1850–1963 гг., во времена запрета преподавания философии в университетах. Литературно-философские журналы – место организации славянофильства, западничества, почвенничества, либерализма, радикализма и других идейных течений и направлений; мыслительная среда зарождения и развития русской философской антропологии и философии всеединства во второй половине XIX века, а в XX веке – «путейства», «веховства» и других направлений, прямо связанных названиями со своими журнальными органами².

Русская философская публицистическая герменевтика остро исторична: ее расцвет приходится на считанные десятилетия XIX века (самое яркое из них – 60-е годы столетия); век жизни философских журналов был короток, исчерпывался, как правило, одним поколением литераторов, ярко сгоравших «в атмосфере диких споров»³. Драматическое завершение, «прерванный полет» (В.Г. Кузнецов) литературной, публицистической истории философской герменевтики совпадает с прекращением литературного ангажированного «долгого» (Э. Хобсбаум) XIX века – на его внешней смысловой границе 10–20-х гг. XX в., с вольным или вынужденным, в целом стремительным уходом мыслителей, воспитанных в литературоцентричном духе XIX в. Последним эпизодом этой истории можно считать полемику между философскими журналами «Мысль» и «Под знаменем марксизма», начавшаяся с момента учреждения этих журналов в 1922 г. и была прервана известным рейсом «философского парохода». Poleмика, пока остающаяся специально не исследованной историками философии, содержит, между тем, важные ключи для понимания некоторых родовых отличий русской философской публицистики, проявившихся здесь с

¹ Замалеев А.Ф. Философия и русская журналистика // Вече. Журнал русской философии и культуры. Вып. 20. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 5.

² См.: там же. С. 6-9.

³ Чижевский Д.И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. С. 302.

предельной ясностью⁴. На исходе российской социальной и интеллектуальной революции 10–20-х гг. логические, эпистемологические, теоретико-методологические проблемы выходили на первый план общего разговора философии с научным естествознанием, в борьбе марксистского материализма с религиозно-философской традицией, и новые способы решения этих проблем ясно проявляли издержки и преимущества прежнего герменевтически открытого, публицистичного философского разговора.

Жанровая структура русской философской публицистики напоследок позволяла сторонникам философских партий идеализма и материализма высказаться откровенно и полно, демонстрируя вольно и невольно как идейные, так и поколенческие разногласия, обнаруживая культурно-исторические предпосылки своего спора, в котором не оказалось победителей. Литераторы-материалисты, которым со временем суждено было претерпеть институциональное преобразование⁵, защищая марксистско-ленинское философское учение, еще не разработанное в деталях, в самых трудных вопросах усиливали аргумент к социальному опыту, к практике, игнорируя и безоглядно редуцируя индивидуальный, личностный опыт к социальному. Сильнее всего в полемике сказался, по-видимому, общеевропейский мировоззренческий конфликт «духа научного понимания» и «метафизического, теологизирующего мышления»⁶; в споре побеждало первое. В этой полемике выявились и акцентировались как некоторые устойчивые типы аргументационной стратегии, так и общие черты герменевтико-эпистемологического стиля, развившегося в истории русской философской публицистики XIX в. Эти общие черты и особенности в

⁴ См.: Мотовникова Е.Н. «Под знаменем марксизма» – «Мысль»: герменевтическая коллизия 1922 года // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 123–136.

⁵ См.: Яхот И. Подавление философии в СССР (20-е – 30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9, № 10, № 11.

⁶ См.: Карнап Р., Ганс Г., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок // Логос. 2005. № 2. С. 13.

последние годы постепенно изучаются все подробнее и уточняются в ретроспективном анализе полемического поведения русских ученых и писателей разных профессиональных и социально-политических ориентаций⁷.

В современных философско-гуманитарных исследованиях реализуются несколько подходов к прояснению исторических корней отечественной философско-герменевтической традиции. В частности, это работы широкого круга авторов, в той или иной степени причастных современным направлениям культурно-исторической и социальной эпистемологии⁸.

⁷ См., напр.: Гуторов В.А. Социально-политическая теория А.Д. Градовского // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 18. СПб., 2007. С. 169-214. О публицистической деятельности и самых значительных полемиках с участием А.Д. Градовского см. особенно с. 179-191. В этом же номере альманаха анализируются профессиональные полемике философов следующего поколения, членов университетской корпорации: Бажанов В.А., Баранец Н.Г. Полемика о способах аргументации и философском доказательстве на рубеже XIX–XX вв. // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 18. СПб., 2007. С. 230–241.

⁸ Почти полный список этих философов можно увидеть в юбилейном сборнике к 70-летию Б.И. Пружинина «Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы» (М., 2014). Исследовательские работы, представленные авторами сборника, относящиеся к самым разным предметным областям от общей методологии и истории науки (В.А. Лекторский, А.Ф. Зотов, П.П. Гайденок, Н.И. Кузнецова, И.Т. Касавин, В.Н. Порус, Н.С. Автономова, Н.М. Смирнова и пр.) до психологических (В.П. Зинченко), экономических (В.П. Филатов), политических (Д.М. Фельдман) и других социально-гуманитарных наук и более узких тем, так или иначе, все обращаются к необходимости выявления исторических истоков анализируемых проблем и их интерпретаций в предшествующей традиции. Среди авторов сборника в связи с темой диссертации особо необходимо выделить Л.А. Микешину, Т.Г. Щедрина и П.А. Ольхова. В своих фундаментальных историко-эпистемологических трудах Л.А. Микешина новаторски показывает глубину и богатство герменевтического опыта в познании, понимании, интерпретации, «укорененных в историческом и социокультурном контексте, тесно связанных с жизнью, традицией и историей» (Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М., 2009. С. 70.), все чаще обращаясь, в

Самым непосредственным образом здесь участвует и программа гуманитарной эпистемологии, ориентированная на осмысление «собственной конкретно-исторической укорененности, мотивированности и обусловленности в общественном мире опыта, в данной (своей) социокультурной ситуации»⁹.

том числе, к опыту истории отечественной мысли. В работах Т.Г. Щедринной, в связи с герменевтическими исследованиями исторического архива Г.Г. Шпета, поставлен актуальный вопрос об особой русской эпистемологической традиции и предложен ряд концептуально-методологических подходов к его решению (см.: Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008.). Это особенно актуально для исследований страховского философско-публицистического наследия, в значительной части состоящего из работ, которые необходимо отнести к философии науки и которые, как это уже предварительно показал Н.П. Ильин (см.: Ильин Н.П. Последняя тайна природы. О книге «Мир как целое» и ее авторе // Страхов Н.Н. Мир как целое. М., 2007. С. 5–62.), радикально меняют наши представления об истории идей в этой области философских исследований. П.А. Ольхов является фактическим первооткрывателем философско-исторической герменевтики Н.Н. Страхова (см.: Ольхов П.А. Здравый смысл и история : Заметки к полемической эпитафии Н.Н. Страхова "Вздых на гробе Карамзина" // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125–132. Его же. История как искусство: «Война и мир» Л.Н. Толстого в истолковании Н.Н. Страхова // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2010. № 4. С. 181–192. Его же. Свободный консерватор: на подступах к философии истории Н.Н. Страхова // Философия и культура. 2010. № 8. С. 103–109. Его же. Историзм Льва Толстого в интерпретации Аполлона Григорьева и Николая Страхова // Культурология. 2011. № 1. С. 218–233.), чьи работы и были ближайшим поводом для постановки основного вопроса данной диссертации – вопроса о месте и значении герменевтических исследовательских и писательских стратегий в целом страховского творчества.

⁹ Махлин В.Л. Второе сознание: Подступы к гуманитарной эпистемологии. М., 2009. С. 49. Один из очерков этой книги, посвященный актуальности переосмысления в эпистемологическом ключе «парадоксально современного» наследия В.В. Розанова, содержит в заголовке цитату М.М. Бахтина «Читайте Розанова», которая значимо перекликается с рассуждениями самого В.В. Розанова в феврале 1916 года о том, что «Раз Страхова не читают – мир глуп». И я не нахожу себе места». – Розанов В.В.

Важным подтверждением актуальности герменевтической проблемы в русской философской публицистике XIX века являются теоретико-методологические исследования филологов, историков русской литературной критики¹⁰. Для сегодняшних философско-филологических изысканий особенно полезен опыт М.Г. Зельдовича, ставившего еще в 1960–80-е гг. задачу осознать историю литературной критики как целостный органический процесс, как вид «творческого поведения» (М.М. Пришвин), нуждающегося в самосознании творческого субъекта¹¹. М.Г. Зельдович представлял собой нетипичный пример филолога-методолога, систематически обращавшегося с эпистемологическими вопросами к философским трудам, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки в его работах на статьи в «Вопросах философии» и «Философских науках», не считая монографий по теории истории философии и истории литературы¹². Опираясь на опыт отечественных методологов в обосновании системного и конкретно-исторического подходов в изучении литературной критики, М.Г. Зельдович,

Собрание сочинений. Последние листья. М., 2000. С. 43. Несмотря на все свои позднейшие творческие кризисы и «повороты», В.В. Розанов оставался писателем, получившим от Страхова первое важное признание таланта и путевку в литературно-философскую критику и публицистику.

¹⁰ В 2000 году переиздан сборник статей литературно-критических статей Н.Н. Страхова с обширным предисловием Н.Н. Скатова, уточненным по сравнению с написанным к изданию 1984 года, в котором впервые в новейшей российской истории литературной критики дается всесторонний анализ и общая характеристика литературной публицистики Н.Н. Страхова.

¹¹ Зельдович М.Г. «Творческое поведение» О феномене литературной критики, логике ее развития в русской культуре середины 19 века и общих принципах подобных штудий. Проблемно-систематизированные фрагменты избранных работ автора. Части 1 и 2. Харьков, 2010.

¹² Систематическим образом были исследованы монографии А.С. Богомолова, Т.И. Ойзермана, В.П. Шестакова; статьи: З.А. Каменского, П.В. Копнина, И.В. Бычко, М.А. Барга и мн. др. – См.: Зельдович М.Г. О теории истории критики, историзме и системном подходе // Зельдович М.Г. «Творческое поведение». Часть 1. С. 15-22 и др.

подойдя к проблеме постижения субъективной стороны критического творчества, вынужден был констатировать, что «до сих пор отсутствует хотя бы рабочая гипотеза о сущности и параметрах творческой индивидуальности критика»¹³. К сожалению, и философские труды этого времени не дали филологу герменевтического ключа к его вопросам. Практическую реализацию такой развитой критической индивидуальности глубокий знаток и специалист в русской литературной критике XIX века М.Г. Зельдович обнаружил в лице Ап. Григорьева, автора единственной в своем роде *программы* литературной критики своего времени. Именно концептуальная программность, первая в русской литературной критике осознанная отчетливая структурированность литературного процесса на определенной теоретико-методологической основе определяет, по справедливой оценке М.Г. Зельдовича, масштабность работы Григорьева, ее уникальность в качестве многостороннего и особым образом выстроенного свидетельства о литературном движении и его влиятельных составляющих со стороны участника этого движения (разумеется, у такой включенной позиции свидетельства есть не только плюсы, но свои неизбежные изъяны)¹⁴.

¹³ Зельдович М.Г. О теории истории критики, историзме и системном подходе. С. 51. В связи с отсутствием искомой теории или гипотезы Зельдович обратился к эстетике Гегеля, к его суждениям об отождествлении оригинальности художника с «истинной объективностью», соединяющей подлинную душу художника с природой изображаемого предмета, и позволяющей своеобразию художника выступить как своеобразие самого предмета. – См. там же. С. 53.

¹⁴ См.: Зельдович М.Г. Творческое самоопределение критика в контексте современных литературно-критических течений (К интерпретации статьи Ап. Григорьева «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства») // Зельдович М.Г. «Творческое поведение». С. 497. Оценка Ап. Григорьева как уникального по философско-методологическим качествам его работ критика впервые была высказана Н.Н. Страховым в предисловии к первому тому сочинений Ап. Григорьева. См.: Страхов Н.Н. Предисловие // Сочинения Аполлона Григорьева. Том I. Изд. Н.Н. Страхова. СПб., 1876. С. VIII-IX.

Показательно само по себе и, полагаю, перспективно для дальнейших исследований русской герменевтики то, как М.Г. Зельдович формулирует характерные черты григорьевской программы литературной критики. Историк-методолог подчеркивает в первую очередь отсутствие дидактического высокомерия и догматизма, сочетание в программе Григорьева убежденности в своей правоте с открытой полемичностью, диалогическими формулировками своих тезисов, обращенных к конкретным оппонентам «с их программными же установками, с творческой практикой». Более того, Григорьев полемизирует и с самим собой, уточняет и выверяет свои собственные убеждения перед судом читательской аудитории. Такая «многоадресная» полемика обуславливает и особенности стилистики григорьевских работ: богатство приемов и содержательная полнота аргументации, исчерпывающая аналитичность, комплексность, историко-литературная контекстуальность и философичность, явственно устремленные к убедительности и доказательности¹⁵. Признавая итоговый характер «многозначительной формулы»¹⁶ Ап. Григорьева «Что художество в отношении к жизни, то критика в отношении к художеству: разъяснение и толкование мысли, распространение света и тепла, таящихся в прекрасном создании»¹⁷, видя здесь указание на первостепенность, «”кроме” идей и наряду с ними» – вопроса о «”способе”, исследовательском приеме, с помощью которых эти идеи добыты, обоснованы, включаются в литературные дискуссии»¹⁸, М.Г. Зельдович решается назвать этот «особый

¹⁵ См.: Зельдович М.Г. Творческое самоопределение критика в контексте современных литературно-критических течений. С. 497-498.

¹⁶ Там же. С. 508.

¹⁷ Там же. См. также: Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Статьи. Письма. М., 1990. С. 21.

¹⁸ Зельдович М.Г. Творческое самоопределение критика в контексте современных литературно-критических течений. С. 508.

комплекс» соотнесения реалий искусства (литературы), жизни и литературной критики – «структурной моделью критической системы», пригодной и для формирования положительной программы, и для полемики¹⁹. Называя в следующих строках григорьевский метод алгоритмом решения однотипных задач о природе и принципах литературной критики²⁰, М.Г. Зельдович тем самым еще раз актуализирует проблему теоретического и методологического статуса герменевтики в истории русской литературной критики как ведущего публицистического жанра XIX века.

Фактически, работы М.Г. Зельдовича об А.А. Григорьеве раскрывают и подробно обосновывают идею В.В. Розанова, высказанную им в статье 1892 года «Три момента в развитии русской критики»²¹ и одобренную Н.Н. Страховым²², о «научном», исследовательском отношении григорьевской «органической критики» к литературным произведениям, сочетающем в себе и эстетическое, и историческое, и биографическое исследования – слова «герменевтика» В.В. Розанов не знал и не употреблял, так же как и Д.С. Мережковский²³. Замечателен и требует особого

¹⁹ См.: Там же. С. 509.

²⁰ См.: Там же.

²¹ Розанов В.В. О трех фазисах в развитии нашей критики // Русское обозрение. 1892. № 8. С. 576–594.

²² Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 110.

²³ Не встречается это слово и в работах Н.Н. Страхова, в том числе и на той странице рассуждений «О задачах истории философии», где он прямо сетует на недостаточное внимание современных историко-философских обозрений к крупным философам, среди которых дважды называет Шлейермахера. – Страхов Н.Н. О задачах истории философии // Философские очерки. 2-е изд. Киев, 1906. С. 451. Опытный переводчик с немецкого, популяризатор научной и философской литературы, Н.Н. Страхов старался писать по-русски и не вводил без крайней необходимости термины и заимствования. Эта простота слога немало торопливых читателей ввела и продолжает вводить в заблуждение относительно содержания страховских размышлений.

исследования вопрос о том, почему, несмотря на явное и недвусмысленное указание В.В. Розанова на Н.Н. Страхова как на продолжателя и истолкователя школы Ап. Григорьева, многие позднейшие последователи и исследователи «последнего романтика» как будто не замечают этой преемственности. И сегодня еще стилистическая мягкость Н.Н. Страхова²⁴ настораживает и «отпугивает» искателей надежных определений и классификаций. Так Н.Г. Коптелова в диссертационном исследовании методологической и жанрово-стилевой специфики критического творчества того же Д.С. Мережковского, защищая тезис о его оригинальном синтезе многих методологических стратегий и продуктивном сочетании объективной и субъективной интерпретации литературных произведений²⁵ и убедительно показывая Мережковского «прямым продолжателем критической программы А. А. Григорьева»²⁶ и В.В. Розанова²⁷, заявляет об отсутствии «наследников»

²⁴ Современники часто просто не понимали и не принимали страховской идейной гибкости и толерантности; более близкий нам Д.И. Чижевский понимал ее как опасность для философской последовательности, но уже и оправдывал: «...в создании философской традиции и философской культуры играют роль не только непримиримые, неуступчивые, до конца последовательные бойцы типа Б. Чичерина, но и женственно чуткие и эстетически восприимчивые мыслители, смягчающие суровость и строгость рациональной мысли каким-то лирически окрашенным проникновением в многообразные типы систем и мировоззрений, улавливающие всюду элементы правды; облики таких мыслителей, которым мы не можем отказать в этом имени, сохраняются в памяти потомства и в истории мысли как несколько расплывчатые, нечеткие, но все же имеющие свое определенное место и свою функцию в истории мысли образы, которым свойственно своеобразное очарование лиризма: к таким образам философского прошлого русской мысли принадлежит и образ Николая Николаевича Страхова». – Чижевский Д.И. Гегель в России. С. 304.

²⁵ Коптелова Н.Г. Специфика рецепции русской литературы XIX века в критике Д. С. Мережковского (1880–1917 гг.). Автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01. Кострома, 2001. С. 11.

²⁶ Там же. С. 10.

²⁷ Там же. С. 17.

этой программы в XIX веке, хотя в розановской литературной биографии не заметить фактор Страхова, кажется, совершенно невозможно.

Несчастливая историко-литературная судьба «маргиналов» А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова в ближайшее время должна радикально перемениться. Двигаясь в обратном направлении от хорошо известных философских интерпретаций творчества Ф.М. Достоевского, созданных в Серебряном веке Д.С. Мережковским и Л.И. Шестовым, к «предмнениям», пришедшим из предыдущего века от В.В. Розанова, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева и Н.К. Михайловского²⁸, историко-критическое исследование с необходимостью выйдет на следующем этапе на статьи о Достоевском Н.Н. Страхова²⁹, а еще дальше – на вопрос о динамике философско-литературной интерпретации и оценок творчества Достоевского 60-х гг. Ап. Григорьевым, слышавшим в «могущественном стоне сентиментального натурализма» продолжение слова «бедного поэта-идеалиста» Гоголя³⁰ и т.д.

²⁸ См.: Бонецкая Н.К. Д.С. Мережковский: герменевтика и экзегетика // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 97-113. Бонецкая Н.К. У истоков русской герменевтики // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 83-91. Бонецкая Н.К. Предтечи русской герменевтики // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 90-98.

²⁹ См.: Страхов Н.Н. Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание // Страхов Н.Н. Литературная критика. СПб., 2000. С. 96-123 и комментарий В.А. Котельникова на с. 437: «Общую оценку художественного таланта Достоевского Страхов дал еще в заметках, посвященных двухтомному собранию сочинений писателя (изд. Стелловского, 1865-1866 гг.) и опубликованному в "Русском вестнике" (1866) "Преступлению и наказанию". Страхов подчеркнул у Достоевского "способность к очень *широкой симпатии*, умение симпатизировать жизни в очень низменных ее проявлениях, пронизательность, способную открывать истинно человеческие движения в душах искаженных и подавленных, по-видимому, до конца" ("Отечественные записки", 1867, № 2, с. 551), а также умение изображать "все виды страданий, порождаемых нравственной неустойчивостью" (там же, с. 556)».

³⁰ См.: Григорьев А.А. Реализм и идеализм в нашей литературе // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Статьи. Письма. М., 1990. С. 268.

Именно в литературно-философской публицистике А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова Н.П. Ильин нашел не менее чем истоки самобытной русской национальной философии самопонимания как программу формирования «русского типа рациональности, или *национальной культуры понимания*, ... затем поддержанную небольшой группой классиков русской философии»³¹. Если пренебречь неким личным предубеждением Н.П. Ильина против «нынешней “философской герменевтики”», построенной на «рафинированной разновидности позитивизма, которая носит название “феноменологии”», т.е. якобы построенной на гносеологии Гуссерля и его эпигонов, уже можно было бы, опираясь на это существенное историко-философское достижение Н.П. Ильина, двигаться дальше вглубь исторических предпосылок и контекстов этой по сути открытой им, но отрицаемой, самобытной русской герменевтики. В ней же, впрочем, помимо «сознательной самобытности» (Страхов) можно еще заметить и сохранение классической герменевтической формулы средневековья Иоанна Кассиана и Августина Дакийского, предполагающей четырехуровневое истолкование предмета мышления, что дало себя знать в герменевтических стремлениях Страхова при выявлении «вечных истин»³² – а Страхов был систематическим читателем средневековой религиозно-мистической литературы³³. Дальнейшее прояснение и уточнение поэтому требуются, прежде всего, относительно истоков этой герменевтической установки, связей ее с

³¹ Ильин Н.П. Трагедия русской философии. М., 2008. С. 451.

³² См. формулировку четырехуровневого смысла в словах Августина Дакийского: «*Littera gesta docet, quid credis allegoria, // Quid agis moralis, quo tendis anagogia*. Дистих имеет следующее значение: Буквальное нас учит тому, что случилось, аллегорическое тому, во что надо верить, нравственное тому, что надо делать, и анаagogическое тому, к чему надо стремиться». – Слесинский Р. Поиски в понимании. Введение в философскую герменевтику. Гатчина, 2001. С. 34.

³³ Об этом можно с уверенностью судить не только по материалам переписки с Л.Н. Толстым и И.С. Аксаковым, но и по составу знаменитой страховской библиотеки.

русскими течениями шеллингианства, гегельянства, органицизма, к которым были причастны Григорьев и Страхов – но не только они, и значит, можно ждать открытия новых имен, так или иначе связанных с русской герменевтической традицией.

Укрепляясь на методологических подступах к исследованию русской философской герменевтики, следует обратить внимание на ее особую социальность – речевую самобытность и нюансы, которые часто стираются или концептуально поглощаются при повороте к объективированному языку и речи в исследованиях русского философской публицистики за пределами «долгого» XIX столетия. Смысл публичного, общественного слова – в оживленном философском разговоре того времени – создавался не только говорящим индивидуумом, но и тем «океаном обычаев», в котором сама социальность становилась речевым со-существованием, со-присутствием. Эта социальность, в которой, по слову Г.-Г. Гадамера, «до всякой дифференциации понимания на различные направления прагматического и теоретического интереса понимание является способом бытия человека, поскольку оно есть способность бытия и "возможность"»³⁴. Сфера русского философского разговора, философской публицистики социальна и герменевтична; в ее открытой, историчной полноте нет ничего предрешенного, «самозаконного». Это сфера «онтологии социальной причастности» (В.Л. Махлин) – возвратного понимания и актуального расположения исконных и привходящих познавательных смыслов, их речевого, жанрового переопределения и приведения в диалогически цельное и целостное состояние.

1.2. Философская публицистика Н.Н. Страбова: предпосылки (не)понимания

³⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 311.

В ряду публицистов своего времени Н.Н. Страхов выделяется как фигура спорная и противоречивая: с одной стороны, всерьез писавшие о нем отмечали его общедоступность и стилистическую ясность, мастерство в разъяснении самых сложных вопросов, эстетическую и логическую стройность аргументации, оригинальность трактовки привычных вещей, одновременно они же фиксировали его редкостную неудачливость в полемике, «затапывание в грязь» (Страхов), «забитость» (Флоренский), постоянные поражения от журналистов-оппонентов. Что означает эта противоречивость оценок? И для чего в таком случае Страхов вновь и вновь возвращался на журнальную стезю, столь неблагодарную и неблагородную?

Публицистика как жанр в своих основных характеристиках противоположна научному или философскому исследованию, что точно и ясно выразил литературный теоретик А.Г. Горнфельд в конце XIX века: «Публицистика – обсуждение в печати насущных вопросов общественно-политической жизни». Общность предмета, подчеркивал специалист, не должна вести к смешению науки и публицистики. Главная разница – в мотивах – практическом в публицистике и теоретическом в науке; для публицистики изучение, теория есть всегда лишь средство...»³⁵. Страхов проявил себя в первых же самостоятельных печатных работах конца 50-х гг. как серьезный исследователь – ученый-естественник, рецензент, а затем и литературовед, философ и методолог; он был замечен Ап. Григорьевым и почти сразу (с 1861 г.) был введен в яростные пореформенные журнальные полемики старшими товарищами круга братьев Достоевских. Положительную оценку сочетания в личности Страхова полемиста и исследователя привел с симпатией в своих знаменитых «Литературных изгнанниках» В.В. Розанов, его ученик и верный почитатель. Автор некролога, пораженный разнообразием тематики и жанров страховских

³⁵ Публицистика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/brok/120.php

произведений, колеблется, какую сферу его занятий считать основной – философию ли, критику или публицистику. Он действительно был разным, но «вникнув в сущность» его деятельности, приходится согласиться, что «Страхов прежде и главное всего – философ. Это помогло ему быть и хорошим публицистом, и выдающимся критиком»³⁶. Более того, Д.И. Чижевский ставил в заслугу Страхову «защиту основ немецкого идеализма и попыток их приложения к основоположениям конкретных наук» и в 30-е годы XX века утверждал, что работы Страхова можно считать почти век спустя «украшением русской популярной философской литературы»³⁷.

Это гармоничное описание мешают принять, однако, многочисленные разногласия в оценках страховских полемик, а более всего – постоянное поражение Страхова при подведении итогов.

Проанализировать страховские стратегии и полемический стиль удобно на примере одной из «вечных» не только для России тем межэтнических отношений, говоря публицистическим языком, «национального вопроса». Эта тема стала и для Страхова сквозной и принципиальной: от «Рокового вопроса» (1863 г.) в начале его журнальной карьеры – практически до последнего в жизни (1888-1894 гг.) – спора об оригинальности теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Оба раза Страхов потерпел поражение, не достиг ни одной из своих практических целей. В первой статье, написанной по поводу восстания в Польше, он призывал читателя задуматься о глубинных причинах национальной, культурной вражды между славянскими народами, убеждал в необходимости сознательного развития русской цивилизации, искреннего и широкого проявления лучших черт русского народа. Реакция же журналистских

³⁶ Скопинский А. О Н.Н. Страхове / Некрологи и заметки о Н.Н. Страхове // Литературные изгнанники. Том первый. СПб., 1913. С. 429. Розановское примечание в конце, к подписи сообщает: «Если не ошибаюсь, это псевдоним Владимира Карловича Петерсена, который много лет писал в “Новом Времени” под другим псевдонимом – А-т».

³⁷ Чижевский Д.И. Гегель в России. С. 309.

собратьев обернулась, напротив, проявлениями самыми худшими – нетерпимость, иррациональное предубеждение, цензурный запрет по доносу и окончательное закрытие журнала «Время». По недоразумению в самом прямом смысле этого слова, из-за публицистической торопливости в выводах со стороны умных и опытных руководителей влиятельных симпатизирующих «Времени» редакций, М.Н. Каткова и И.С. Аксакова³⁸, совершилась несправедливая и для всех досадная ошибка. Важный и глубокий смысл статьи поняли много позже ближайшие ученики Страхова Б.В. Никольский и В.В. Розанов³⁹; постановка проблемы в «Роковом вопросе» признается актуальной для сегодняшней России в работах Н.П. Ильина⁴⁰ и других философов национально-патриотического направления, но в своём «здесь и сейчас» высказывание Страхова было перетолковано до неузнаваемости.

В позднейшей затяжной шестилетней полемике об историческом развитии человечества и отдельных национальных культур цели Н.Н. Страхова были тоже благородны и небезосновательны: он защищал прежде всего и главным образом личную и научную репутацию своего друга Н.Я. Данилевского – а в итоге нажил себе легион врагов на десятилетия вперед в лице почитателей Вл. Соловьева. Стремясь пояснить сильные стороны оригинальной, объективно интересной теории культурно-исторических типов, Страхов попал в нее и автора апологеты, что по существу

³⁸ Н.Н. Страхов – И.С. Аксакову 7 июня 1863 г.: «Статья моя патриотическая. Прочтите ее еще раз; не подозревайте везде поляков да космополитов и Вы убедитесь сами в народном смысле статьи. ... Я требую от Вас только внимания; я прошу Вас только на минуту отложить предубеждения, и Вы увидите, как мало я заслужил страшное недоразумение». – И.С. Аксаков – Н.Н.Страхов : Переписка. Оттава, Квебек, 2007. С.11.

³⁹ См.: Никольский Б.В. Н.Н. Страхов, критико-биографический очерк. СПб., 1896. С. 37, 43; Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 60.

⁴⁰ См.: Ильин Н.П. «Роковой вопрос» как вопрос о конфликте цивилизаций. Против мессианизма // Ильин Н.П. Трагедия русской философии. М., 2008. С. 458-483.

неверно. Кропотливо разоблачая сконструированные версии Вл. Соловьева о якобы заимствованиях Н.Я. Данилевского, он запутал в итоге даже своего преданнейшего ученика В.В. Розанова⁴¹. Утешался Страхов в этой истории только тем, что знал – у него уже были свои читатели, внимательные, вдумчивые, с сочувствием к его мысли, сам же он уже имел гораздо меньшие амбиции, чем некогда в молодости; однако общепризнанным, громким итогом этого спора стало на долгие годы и десятилетия именно страховское поражение⁴², его репутация неудачника.

У Страхова была привычка тщательно анализировать причины своих поражений в публицистических спорах, писать об этом, часто довольно подробно, в письмах близким друзьям. Гораздо сдержаннее признавал он свои расхождения с публикой в способах достижения популярности в журнальных статьях. В истории с «Роковым вопросом» Страхов немедленно признал долю собственной вины в недосказанности, вызванной цензурными последствиями военных правительственных мер, признал неоправданность своей надежды на понятливость умного читателя к намекам, на то, что

⁴¹ См. статью В.В. Розанова «Рассеянное недоразумение» в «Литературных изгнанниках» 1913 года и комментарии к ней. Коротко говоря, Розанов нечаянно, не вполне понимая накал полемической ситуации, стремясь «защитить» Страхова и Данилевского от унижений Соловьева и желая добавить точке зрения Данилевского дополнительной весомости за счет сближения ее с другими подобными исторически авторитетными идеями, написал буквально то, что совпало с основным тезисом обвинения Соловьева, а именно, что «не *открытие*, не *изобретение* он сделал, приоритет которого мог бы бояться потерять». – Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. СПб., 1913. С. 109. «Розанов огорчил меня выше меры, – писал Страхов в этой связи Толстому. – Я думаю – как торжествует Соловьев! То-то ему радость!» – Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки: в 2 т., Т. 2. 2003. С. 953-954.

⁴² С.А. Левицкий дал самую «высокую» для Страхова оценку из лагеря последователей Вл. Соловьева: «По существу, спор между обоими философами закончился вничью». – Левицкий С.А. Н.Н. Страхов (Очерк его философского пути) // Новый журнал. 1958. № 54. С. 175.

развернется широкая общественная дискуссия, в которой будет возможно высказаться и яснее, и полнее. «Статья моя породила соблазн; она была поводом к странным перетолкованиям и сомнениям; она радовала тех, против кого собственно шла, и печалила тех, за кого стояла»⁴³, что, с позиций журналистики, конечно, недопустимо, но не содержало намерения запутать читателей, а, по-видимому, явилось следствием недооценки степени разномыслия в публике. Страхов писал «с обыкновенной доверчивостью», не обратил внимания на «недоверие и подозрение, которое у нас господствует»⁴⁴. Как видно, Страхов судил о своей работе адекватно, по законам жанра публицистики, признавая необходимость соразмерять задачи просветительства с текущими настроениями публики, идти к сложным началам от простых и поверхностных постепенно, только подготовив их, «указывать читателям всю глубину задачи»⁴⁵. Читатели «Рокового вопроса» не были готовы углубляться, и движение вглубь не состоялось, а дискуссии с компетентными коллегами и вовсе не случилось – журнал с якобы непонятным направлением-концепцией был просто запрещен⁴⁶.

Судя по оценкам современников, главную роль в неудаче Страхова в полемике конца 80-х – начала 90-х гг. по национальному вопросу сыграли яркое вдохновение и мастерство полемиста, продемонстрированные его оппонентом Вл. Соловьевым, который для победы над Страховым в этом споре решился на многое: вступил в союз с «Вестником Европы», до тех пор ему идейно враждебным, – ради заведомо антиславянофильской аудитории, а заодно и ради больших тиражей; цинично нарушал в своих статьях и письмах

⁴³ Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1890. С. 136.

⁴⁴ Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1890. С. 136-137.

⁴⁵ И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка. С. 21.

⁴⁶ «Философские работы Страхова, конечно, теряют от того, что мы всегда застаем его в беседе с философскими дилетантами, а то и в споре с лишенными всякого философского интереса врагами философии!» – замечал, тоже несколько полемично, Д.И. Чижевский. См.: Чижевский Д.И. Гегель в России. С. 303.

все нормы академической этики, а с развитием событий – и нормы приличия по отношению к Н.Н. Страхову и покойному Н.Я. Данилевскому, чем неприятно удивил и удивляет тех, кто углубляется в материалы этой полемики⁴⁷. В продолжение нескольких лет, негодуя по поводу полемического поведения Соловьева, почти клятвенно обещая Л.Н. Толстому (ближайшему в эти годы другу) отказаться от бесперспективной «разноголосицы», вновь и вновь Страхов откладывает «задушевные» свои философские и научные труды, возвращается в публицистику и отвечает на «угорелые» нападки рассудительными попытками вернуть спор к его предмету, увещеваниями и призывами к серьезности очевидно не желающего быть серьезным оппонента, давно увлекшегося своей новой миссией и перешедшего от спора по существу к откровенной пропаганде. Чем это можно объяснить?

В течение всей своей журналистской жизни «вечный педагог»⁴⁸ Страхов боролся за внимание и признание читательской аудитории. Той самой аудитории, на радость которой «подбитые ветром господа», «самозванные прогрессисты», как ворчал на них В.В. Розанов, третировали Страхова, сознавая в глубине души свое ничтожество по сравнению с ним, беззастенчиво и «развязно» для умаления страховского авторитета в глазах журнальной аудитории переиначивали, замалчивали его слова и труды, – в

⁴⁷ Из известных нам работ отметим статью В.А. Фатеева, который особенное внимание уделил нравственно-этической стороне полемики Соловьева против Страхова и не скрывает своего разочарования в личности «великого» Соловьева. См.: Фатеев В.А. «... в Страхове я вижу миниатюру современной России»: полемические заметки об отношениях Н.Н. Страхова и Вл.С. Соловьева // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. Вып. 1. С. 111-127.

⁴⁸ «Действительно, Страхов – вечный педагог. ... Страхов вечно болел о читателе, о путанице в уме его и о притуплении в русских читателях нравственных и всяческих вкусов.... Это же было и одной из причин его неуспеха. «Ах, этот старик вечно учит!...» ... *Примечание 1913 года.*» – Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым // Розанов В.В. Собр. соч. Т. 13. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 67.

общем, использовали в борьбе с ним «все приемы литературного шулерства» и не напрасно: «Страхов долго и долго был писателем для немногих»⁴⁹. При этом предпочтение широкой аудиторией Соловьева Страху почти невероятно – стоит раскрыть и сравнить по внятности письма любые страницы любых журнальных публикаций двух названных авторов. Этот выбор публики свидетельствует о том, что речь здесь идёт о чем-то ином, не о понятности и понимании. О чем же? Скорей всего, тут срабатывает тот самый практический, сиюминутный мотив жанра публицистики, который не выносит органически никакого сомнения, замедления, раздумья, да еще такого, которое не приводит к однозначному и окончательному результату, а выводит на новые вопросы, требует все новых умственных и нравственных стараний. «Кому надо в чужом споре добираться до сути, проверять цитаты, следить за "основными точками"» как постоянно призывал своих оппонентов и читателей Н.Н. Страхов⁵⁰. С горечью В.В. Розанов вспоминал, как с начала 1860-х и до 1894 года «зрители-читатели» то тихо, то громко смеялись «над умницей». Зная об этом, полемисты, тем не менее, соблазнялись легкими лаврами и не старались сдержаться мотивами порядочности – таковы были общие нравы.

Б.В. Никольский, обдумывая карьеру Страхова-публициста, пришел к еще более определенным выводам, что страховская поразительно глубокая, тонкая, остроумная журнальная полемика не была успешной именно в силу противопоставления себя общим нравам, потому, что «она являлась именно критикой публицистики и ее приемов»⁵¹ – бесполезным и неблагодарным

⁴⁹ Некрологи и заметки о Н.Н. Стракове // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. СПб., 1913. С. 426.

⁵⁰ См.: Розанов В.В. К литературной деятельности Страхова. Н.Н. Страхов. Критические статьи (1861-1894). Том второй. Издание И.П. Матченко. Киев. 1902. // Новое время. 1902. 22 августа. № 99.

⁵¹ Никольский Б.В. Николай Николаевич Страхов : критико-биографический очерк. СПб., 1896. С. 43.

делом, возбуждавшим против него «ненависть всей периодической печати»⁵². Страхов, таким образом, писал в журналы, понимая, но игнорируя противоречия собственных развивающих и просветительских, т.е. «педагогических», целей – жанровым особенностям публицистики. Ему, завязтому библиофилу и знатоку художественной и научной литературы, было необходимо поделиться с читателями любимых книг своими размышлениями о прочитанном. Он считал свои мысли нетривиальными и важными, и его талант понимания подтверждали многие его собеседники, среди которых было немало авторитетных писателей, редакторов, критиков, ученых, государственных деятелей и пр. Страхова не взяли на кафедру в университет, читать же публичные лекции ему не позволял его темперамент, в чем он вполне отдавал себе отчет. Кроме того, ему нужно было зарабатывать себе на жизнь и на книги, и у него практически не было выбора: приходилось за счет личного мужества и терпения одолевать неприятные последствия стилевых противоречий между научно-философской и журнально-публицистической литературой. Фактически, вместе с такими писателями и журналистами, как А.И. Герцен, К.Н. Леонтьев, как позднее присоединившиеся Вл.С. Соловьев, В.В. Розанов и другие уже многочисленные их последователи, Н.Н. Страхов был одним из главных движителей создания в России серьезной философской и массовой научно-популярной литературы.

Ни «занозистые» боевитые журналисты, ни выпестованная ими читательская аудитория России не были готовы к столь существенным инновациям, и Страхову пришлось испытать на себе полной мерой, сколь непросто в читающем обществе добиться внимания, какую враждебность и отчужденность со стороны остальной журналистики встречает всякая оригинальность и самостоятельность взглядов, как сильна эта агрессивная одержимость, порой помогающая широкому распространению самых пустых мыслей и способная равнодушно «задавить идею, самую высокую и

⁵² Там же.

плодотворную»⁵³. Не испытывая никаких иллюзий насчет качеств ума, вкусов и чувств «так называемых образованных людей», Н.Н. Страхов писал И.С. Аксакову о причинах своего первого катастрофического провала, что считает главным свой конфликт с предрассудками толпы: «я вооружил против себя божество – *общественное мнение*»... Этот идол ... *способен выходить из себя*, и то, *когда подтолкнут другие*, и тогда бьет своею палицей, не разбирая кого и за что»⁵⁴. Но и после двадцати лет относительной свободы печати и демократических реформ, когда произошло событие чрезвычайное – убийство царя – Страхов видел столь же мало поводов для почтения к общественному мнению и писал Толстому о своем «неистовстве», вызываемом речами («болтовней, принимаемой за дело») и «непрерывными умничаньями, не содержащими капли ума» «милых петербуржцев»⁵⁵.

Однако читатели были такими, какими они были, и именно для них Страхов собирал всю свою волю, ум и талант, снова и снова разъяснял и прояснял, боролся с невежеством и легкомыслием большинства, не потакая слабостям, наклонностям и привычкам, а стараясь действовать логическим и правдивым словом на сознание. В жестокой полемике с Соловьевым, приведшей к разрыву отношений, Страхов не отступил от корректных приемов борьбы, не захотел симметрично грубостям оппонента злословить, не стал потакать и склонности праздного общества к «аргументам к личности»; он намерен был учить и воспитывать, а потому не обнародовал в статьях (хотя очень переживал и делился этими переживаниями и размышлениями в письмах) свое возмущение, ограничиваясь риторическим недоумением по поводу полемического поведения своего визави,

⁵³ Розанов В.В. О борьбе с Западом, – в связи с литературною деятельностью одного из славянофилов // Розанов В.В. Литературные изгнанники. 1913. С. 57.

⁵⁴ И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка. С. 30-31.

⁵⁵ См.: Письмо Л.Н. Толстому 25 мая 1881 г. – Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894 / Толстовский музей. Том II., 1914. С. 276.

сосредоточиваясь на существо спорного вопроса. «Я ограничил задачу “наинужнейшим”, как мне показалось»⁵⁶. Стоическая установка в журнальной работе Н.Н. Страхову давалась не просто. Быстро освоившая логику противоположностей публика привыкла мыслить «от противного» и всякое критическое замечание толковать как поддержку противоположного критикуемому утверждения: либо «за Дарвина», либо «за катехизис», раз против нигилистов-революционеров, значит, сторонник деспотии и произвола государства; критикует европейский Запад – обскурант и т.д. «...Не раз я молчал, чтобы не прибавлять силы тому, чему не следует»⁵⁷. Идеинный фанатизм и односторонность Страхов переживал, как неизбежное зло, к которому приходится приспосабливаться («я изворачиваюсь и изгибаюсь, сколько могу»⁵⁸), средства против которого не существует: «Все серьёзные люди терпят ту же беду...»⁵⁹.

Пока не прояснен вопрос о том, чей именно и насколько помогал Страхову пример других «серьезных людей» выдерживать борьбу с фанатизмом идеологической прессы, но можно уверенно говорить, что сам он поступал последовательно в согласии со своим личностным строем, совестью и призванием. Н.Н. Страхов нередко высказывал неудовольствие публицистикой, пробовал не раз удалиться вовсе от журналистики. Б.В. Никольский писал с его слов, что журнальной деятельностью Страхов

⁵⁶ Письмо Н.Н. Страхова В.В. Розанову от 18 мая 1888 г. – Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. 2001. С. 13. См. там же комментарий Розанова о количественном давлении общественного мнения: «...в споре *шум* победы был на стороне Соловьева, а *истина* победы была на стороне Страхова. ...Страхов был измучен и угнетен этою полемикой, зная хорошо, что его “читать не будут”, а Соловьева будут “читать и аплодировать” подписчики Стасюлевича, т.е. вся (условно) образованная Россия».

⁵⁷ Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 21 мая 1890 г. – Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 404. См.: Фрагмент 1 Приложения к данной диссертации. С. 229.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

заялся случайно, без особого желания, и вначале, главным образом, ради заработка, в отсутствие других возможностей обеспечить себя⁶⁰. Несмотря на все эти справедливые констатации, в них выражена только одна половина правды. Вторая же половина, очевидно, состоит в том, что Н.Н. Страхов не мог не вступить на журнально-публицистическую стезю, не мог бы вовсе не писать статей о науке и литературе, об общественных настроениях и актуальных событиях, поскольку однажды ему стало понятно, что у него есть дар письменного слова, и что есть люди, которые готовы быть его читателями, пусть и весьма немногочисленными. Он не мог не сказать своего серьезного слова в разговоре о «роковых» русско-польских отношениях и их глубинных корнях, будучи движим органичным, с детства усвоенным патриотическим чувством, с которым не собирался расставаться, соответственно, не желал отречься и от своей статьи, наоборот, выражал надежду «никогда не иметь причин отказаться хотя бы от одной ее строчки»⁶¹ и двадцать семь лет спустя помнил всё свежо и остро: «Польский вопрос я почувствовал *сердцем* – ведь во мне боль говорила»⁶².

Созерцатель-философ Н.Н. Страхов всегда интересовался жизнью, и взглядами самых различных людей на жизнь, и природой заблуждений, всем, что так ярко и полно проявляется в полемике. Поэтому он интересовался и самими полемикой, анализировал их, в том числе и в качестве предметных поводов для психологии и философии познания. Так, Страхова очень интересовали заблуждения, исследование которых, думал он, может привести к пониманию самых глубоких сторон человеческого существа⁶³. Только очень важная, «непобедимая потребность» может заставить человека

⁶⁰ См.: Никольский Б.В. Николай Николаевич Страхов : критико-биографический очерк. С. 41.

⁶¹ И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка. С. 18-19.

⁶² Письмо В.В. Розанову от 13 сентября 1890 г. – Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 70.

⁶³ См.: Страхов Н.Н. О вечных истинах. С. VI.

противоречить логике, действовать вопреки очевидности, и эта потребность связана с самыми основами «Предубеждения и заблуждения – это какое-то творчество, постоянно живое в душе человека»⁶⁴. Выглядевший в статьях подчеркнуто сдержанно и объективно, равно-заинтересованно в каждом предмете обсуждения, в письмах Страхов признавался близким адресатам, какие темы его действительно «взбудоражили», а о чем он пишет лишь затем, что писать «надо» – хотя и «скучно», и не хочется. И когда он понимал или чувствовал, что писать необходимо, что кроме него написать как следует некому, то любые хвори и обстоятельства бессильны были его остановить, как и мудрые советы и предостережения Л.Н. Толстого, дружески уговаривавшего его не связываться с Соловьевым. «Меня не Соловьев трогает, ...а мне важны читатели»⁶⁵, – объяснял Страхов одну сторону своей мотивации в этом тяжелом споре. Вторую сторону составляла память Н.Я. Данилевского, о котором могло сложиться усилиями Вл. Соловьева (и сложилось, к сожалению) совершенно искаженное общественное мнение и, что еще хуже, несправедливое суждение людей знающих, научного сообщества, как сказали бы мы сейчас. «Страх не хочется» писать⁶⁶, – признавался Страхов Толстому на третий год полемики, собираясь ответить на выход «Национального вопроса в России» Вл. Соловьева, и признавал свой долг изложить в очередной раз свою позицию хотя бы в самом общем виде. Иначе, «по всем литературным расчетам и правилам», молчание будет истолковано как признание правоты неутомимого оппонента.

Страхов считал полемическую публицистику, можно сказать, своим призванием, она стала для него формой выполнения «профессионального»

⁶⁴ Там же. С. VII.

⁶⁵ Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 20-го сентября 1890 г. – Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 414.

⁶⁶ Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 17 сентября 1891 г. – Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки. Т. 2. С. 876-877.

долга, служения истине, способом наилучшего выяснения очередной общезначимой проблемы, и уж после всего – способом удовлетворения писательского тщеславия⁶⁷. Прояснять какое-нибудь неочевидное предположение удобно именно посредством полемики⁶⁸. Полемика неизбежна как борьба несовместимо расходящихся воззрений, а значит, это столкновение диалектически «служит ко взаимному уяснению»⁶⁹. Общий универсальный смысл полемик в случае Н.Н. Стрхова дополняет его особенный личный бесстрашный интерес, вызывающий немалое удивление и восхищение, поскольку раскрывает в этом скромном человеке недюжинное мужество и самообладание, постоянную готовность к поиску лучших, чем уже найдены, аргументов: «только одно может меня рассердить: “перестанем говорить”, “знать не хочу” и тому подобное»⁷⁰. Кроме того, именно в «несчастной и неудачной» страховской критике, казалось, «никому в свое время не нужной»⁷¹ со временем открывается для нас такой историко-философский смысл, какого сам Стрхов помыслить, разумеется, никак не мог, хотя и тщательно собрал свои сборники наиболее значительных статей.

⁶⁷ «...У меня большое честолюбие – мне хочется что-нибудь значить для *лучших умов* своего народа» – Письмо В.В. Розанову 5 января 1890 г. – Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Стрховым // Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Стрхов. К.Н. Леонтьев. С. 52.

⁶⁸ См.: Стрхов Н.Н. О вечных истинах. С. VII-VIII.

⁶⁹ Стрхов Н.Н. Нечто о полемике (Письмо в редакцию «Времени») // Время. 1861. № 8. С. 69-78. То же: [Электронный ресурс] Режим доступа http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0240oldorfo.shtml

⁷⁰ Письмо Н.Я. Данилевскому от 21 марта 1883 г. – Письма Н.Н. Стрхова к Н.Я. Данилевскому // Русский Вестник. 1901. Февраль. № 2. Т. 271. С. 463. Этими словам в письме предшествует дружески-шутливое «воспитание» адресата: «Вы, наконец, сознались в вашем недостатке, что не в силах читать того, что несогласно с вашими мыслями, старайтесь исправиться, дорогой Николай Яковлевич». Там же.

⁷¹ Розанов В.В. К литературной деятельности Стрхова. // Новое время. 1902 г. 22 августа. № 99.

Эти «неудачные» полемики и их обсуждение в обширных искренних письмах с такими разными собеседниками, как А.А. Фет, Л.Н. Толстой, Н.Я. Данилевский, В.В. Розанов, – приоткрывают перед нами настоящую «лабораторию» мысли; только благодаря их исследованию возможно, пусть век с лишним спустя, приблизиться к достойной оценке ширины и глубины страховского «озера» (В.В. Розанов)⁷², точности и важности не понятных современникам страховских «постановок». Именно благодаря яркому полемическому следу Страхова не удалось полностью замолчать в истории русской философии – а значит, действительно «надо» было терпеть хулу, вмешиваться и безнадежно спорить ради истины одиноким голосом, не вставая под «знамена», не примыкая к «лагерям» и «направлениям».

Страхов терпеливо сносил легкомыслие, невежество, «отчаянное русское недоброжелательство и злоречие»⁷³ коллег-публицистов, настойчиво противопоставлял им «вечные истины» логики и требовал соблюдения правил спора, как бы они не казались невыполнимы. Еще в начале журнальной карьеры, в 1861 г., начинающий публицист «Времени» Н. Косица запрещал себе и товарищам обижаться на грубых оппонентов и унывать, считал сами жалобы причинами для слабости и упадка духа, призывал обязательно что-нибудь делать, непременно «а иначе – горе *только* сетующим и плачущим!»⁷⁴ От этих максим Н.Н. Страхов не отказывался и все сорок лет своего не всегда успешного писательства.

Такую же педагогическую, просветительскую позицию занимал Н.Н. Страхов и в отношении внешних правил, традиций публицистических споров: «сущность полемики хорошая, только форма не соответствует этой

⁷² «Соловьёв вечно пенился, и пена эта поднимается высоко; Страхов – недвижимое озеро, но воды его глубоки». – Там же.

⁷³ Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому 3 августа 1893 г. из Мюнхена. – Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 447.

⁷⁴ Страхов Н.Н. Нечто о полемике. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0240oldorfo.shtml

сущности, форма – дурная, фальшивая, бесплодная»⁷⁵. Считая идейную полемику абсолютно необходимой для органического развития самих идей, Страхов никак не мог согласиться с неизбежностью «дурных» форм, характеристик публицистики, составляющих ее специфические жанровые особенности, согласно литературоведческой теории и практике журналистики в России. Идеологически предвзятая, «партийная» полемика предполагает отношение к противнику в споре как к «носителю и защитнику вредных воззрений», отношение к самим противоположным воззрениям – как к «пагубным для общества»; ну а уже на почве такого отношения весьма легко переходить «от воззрений противника к его личности...»⁷⁶. Страхов считал неправильным, достойным изменения порядок, при котором «принцип понимания совершенно чужд нашей полемике», когда каждый участник спора всеми средствами старается превратить своих противников из людей, способных сказать что-то разумное, в глупцов, способных произносить одни только бессвязные слова⁷⁷. Статьей «Нечто о полемике» (1861 г.) он учит читателей строго отличать полемику взглядов и идей от полемики направлений, кружков и лиц. Этой глубоко продуманной статьей Страхов на всю жизнь задал себе критерии оценки публицистических высказываний, которые применял к другим и которыми руководствовался сам. «Истинная полемика есть прогресс, движение мысли вперед»⁷⁸, но это дело не простое, оно требует не просто понимания мысли оппонента, но понимания лучшего, чем понимает сам противник, такого понимания, которое позволяет адекватно судить о мысли, объяснить ее, развить ее следствия. Определенно можно утверждать, что Страхов здесь вкратце и популярно излагает некоторые существенные основания герменевтического

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Публицистика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/brok/120.php

⁷⁷ См.: Там же.

⁷⁸ Там же.

мышления, заодно предупреждая, что «полемика такого рода есть истинная драгоценность, и значительные образцы ее только изредка встречаются в самых развитых литературах»⁷⁹. Так и сам Страхов, вполне серьезно отнесшись вначале к нападкам Вл. Соловьева на концепцию Данилевского и всерьез разбирая его аргументы, понял постепенно, что не добьется от Соловьева полемики по существу. О своем огорченном удивлении бесплодностью состоявшегося обмена статьями Страхов писал Толстому очень подробно, что свидетельствует о долгом предварительном самоанализе и размышлениях о ходе спора: «Мысль у него не развивается, и он в каждой статье повторяет все те же аргументы, – меня удивляет, как он всегда умеет их приплести, – а дело не подвигается ни на шаг. ... и на глаза многих я побит совершенно»⁸⁰ – бесстрастно, как посторонний, анализировал Страхов уже проигранную полемику.

Н.Н. Страхов считал одним из своих главных дел оказание возможно большего положительного влияния на полемически-продуктивное развитие русской литературной критики, науки, философии, и страдал поэтому от осознания своих недостатков для выполнения этого дела: публицистическая слабость, полемическая вялость, медлительность, отсутствие таланта проповедника, недостаток вдохновения, необходимого для победительности «энергизма души», отсутствие «тарана, которым писатель режет воду, а при столкновении топит неприятельский корабль»⁸¹. Много раз он признавал

⁷⁹ Там же. К сожалению для нас, хотя и вполне корректно с точки зрения жанра, в популярных статьях Н.Н. Страхов не старался усилить воздействие на читателя ссылками на авторитетные источники своих поучений и наставлений. В данном случае представляется несомненным, что Страхов, когда писал, конечно, имел в виду конкретные «значительные образцы» правильных полемик и конкретных представителей «самых развитых литератур», у которых он почерпнул идеи «лучшего понимания» и «истинной полемики».

⁸⁰ Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому 3 декабря 1890 г. – Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки. Т. 2. С. 847.

⁸¹ Розанов В.В. К литературной деятельности Страхова.

свою «вину», что не имел сил для принуждения людей слушать себя и уважать свои мысли⁸², – и это не было притворством или игрой, а было выражением действительно искреннего сожаления о свойстве своей самобытной натуры. О Н.Я. Данилевском, которому адресовано одно из упомянутых признаний, Н.Н. Страхов, наоборот, судил очень высоко как о полемисте, причислял его к тем, кто по-настоящему развивает русскую мысль, называл «писателем дерзким мыслью, смелым умом»⁸³. В этой же статье Страхов выражал восхищение как будто не свойственной ему самому публицистической силой и меткостью, свободой и смелостью, «резкостью» суждений, которые считал прекрасными в основе, а дурными лишь в тех случаях, когда они безосновательны и глупы. Когда же резкие суждения произносят умные люди, когда они выносят смелые приговоры, их «всегда приятно читать и слушать»⁸⁴, – признавался Н.Н. Страхов. Эстетическая оценка, к которой прибегает здесь Н.Н. Страхов, означает у него наивысшую степень одобрения. «Стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает цивилизацию»⁸⁵. Страхов в XIX веке был полемист настолько цивилизованный, как никто или почти никто из его оппонентов. С этой точки зрения следует признать несомненную правоту недоброжелателей, подозревавших Страхова в «скрытом западничестве». Страхов действительно был честен и поразительно объективен и бескорыстен в своих полемиках. Он всегда помнил о возможности чужой или своей

⁸² См.: Письмо Н.Я. Данилевскому 29 ноября 1883 г. – Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому // Русский Вестник. 1901. Март. № 3. Т. 272. С. 127.

⁸³ Страхов Н.Н. Свобода от авторитетов / Разборы книг. 1870. / Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3. 2-е изд. Киев, 1898. С. 239. Неспроста «Дарвинизм. Критическое исследование» Н.Я. Данилевского с предисловием Н.Н. Страхова впервые было переиздано с 1885 года только теперь, в 2015 году (М.: Изд-во «ФИВ», серия «Православная мысль»).

⁸⁴ Там же. С. 236-237.

⁸⁵ Померанц Г.С. Догматы полемики и этнический мир // Звезда. 2003. № 6. С. 171-178.

ошибки, нечаянного ли недосмотра, и потому тщательно ограничивал свою поэтическую творческую мысль строгими рамками, настойчиво отучал себя от метафизической свободы, от безответственности «легкого движения мыслей»⁸⁶. Страхов «заземлял», конкретизировал и развивал мысль на примерах, а не ловил ее «из воздуха»; он сам называл это стремлением мыслить предмет «с подобающей скромностью и смелостью», где скромность означает готовность показать открыто свои основания, а «смелость в том, чтобы судить о предметах самостоятельно, как бы важны они ни были»⁸⁷. В то же время Страхов был совсем не против индивидуального «творчества», а лишь стоял за диалог, за разговор, трактуя настоящий спор именно как настоящий разговор, где каждый говорит не сам с собой и не в расчете на суждение посторонних слушателей, а друг с другом, а значит, оба стремятся понять друг друга. В продуктивном споре оппоненты находят общую почву, некий общий интерес и единую основу для своих рассуждений, и, в конце концов, тот из них, кто прочнее и шире держится в своих мыслях за найденную общую позицию, тот и оказывается победителем⁸⁸. Для своего времени бурных идеологических войн Страхов уже был слишком строг и старомодно консервативен в понимании природы и назначения полемики и публицистики и одновременно слишком опережал свое время в понимании диалогичности истины. Не «у всякого правда своя», а – каждый в чем-то прав, каждый причастен чем-то своей общей большой правде. Взаимный интерес, взаимная тяга противоположностей «с чуткостью, которая возбуждается противоположными убеждениями», их столкновение в споре для продвижения каждого в знании жизни и в самопознании, для взаимного развития и обогащения – в этом главное, если не единственное,

⁸⁶ Письмо Н.Н. Страхова к В.В. Розанову от 29 апреля 1888 г. – Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 12.

⁸⁷ Страхов Н.Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. Киев, 1900. С. 58.

⁸⁸ Страхов Н.Н. О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). СПб. 1887. С. 5.

оправдание всегда чреватой враждой полемики. Еще при жизни Н.Н. Страхова В.В. Розанов писал о нем в критической статье, стараясь понять истоки своеобразия личности философа, что разобраться в этом непросто, что для современников Страхов как будто ничем не примечателен, не выделился никакой «яркой идеей», даже никаким окончательно выясненным ответом на вопрос «Он не столько разрешает наши вопросы, сколько научает нас серьезно искать их разрешения»⁸⁹. Это же значение философской публицистики Н.Н. Страхова считал важнейшим и Б.В. Никольский, прочитывая в ней призыв к умственной независимости, к свободе перед авторитетами, другими словами, – к умственной самобытности перед западной культурой⁹⁰.

Полемический перфекционизм Н.Н. Страхова «напоминает о будущем» – о Л. Витгенштейне, который тоже старался всегда писать и говорить очень определенно, предельно точно и ясно, и при этом не проясненным оставалось его «знамя» – чего он в конце концов хочет? Абсолютно понятным может быть только то, что известно как понятное заранее, то есть не нуждается в усилиях понимания. Все остальное – в зоне риска и гарантированных неприятностей, в то время как шансы быть хоть кем-то понятным чаще всего весьма сомнительны. Поэтому проблема смысла высказывания – всегда на практике есть вопрос диалогической решимости. Страхов решался на полемическое слово на протяжении всей жизни, вопреки опыту неудач. Сегодня приходит время воспользоваться возвращением его текстов и возобновить внимание к «скромным и смелым» страховским размышлениям о его ведущих проблемах, снова ставших для нас остро актуальными: об отношениях между Россией и Западом, о философии и ее истории,

⁸⁹ Розанов В.В. О борьбе с Западом, – в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. СПб., 1913. С. 63-64.

⁹⁰ См.: Никольский Б.В. Николай Николаевич Страхов : критико-биографический очерк. С. 47.

философии образования и науки... Время по-страховски умерить творчество все новых концепций и моделей, сосредоточиться, помыслить и поспорить в цивилизованном стиле, без предубеждений, о собственных основаниях.

Глава 2. Философия как поиск и разговор: историко-философские ориентации Н.Н. Страхова

2.1. И. Кант в философских исследованиях Н.Н. Страхова

Н.Н. Страхов был изгнан из русской философской памяти практически сразу после смерти – тогда, когда была актуальна борьба различных философских партий, и очень немногим удавалось сохранять интерес к мыслителю энциклопедического склада, сторонившегося всякой окончательности, «мертвых точек» в философском исследовании. Признательность к нему как к своему первому учителю сохранял В.В. Розанов, о нем размышляли П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев; можно предположить преемственность его мысли и мысли М.М. Бахтина. Однако философские симпатии русского общества распределялись между мыслителями совсем другой традиции и другого склада. Менее всего было востребовано то, что теперь все больше вызывает интерес: новаторство Н.Н. Страхова в области философской герменевтики – его острый, «светлый» (Н.Я. Грот) диалогичный рационализм, который давал себя знать как в области философии науки, так и в литературно-философской критике, в его переводах, переписке с современниками, чтившими его как «всепонимающего философа» (Ап.А. Григорьев) – отзывчивого и основательного мыслителя.

Это новаторство стало возможным в тесной связи с немецкой философской традицией, восприятие и толкование которой занимало Н.Н. Страхова со студенческих лет. Интерес Страхова к немецкой философии оформился и сохранился прежде всего по отношению к И. Канту («Назвать Канта – назвать философию»⁹¹) и исторически совпал с широким развитием общего интереса к Кантову наследию в России середины 60-х–80-х гг. Первый теоретически подробный анализ кантовской философии предпринял П.Д. Юркевич в своем сочинении «Разум по учению Платона и

⁹¹ Страхов Н.Н. Английская психология («Немецкая психология в текущем столетии» М. Троицкого. М., 1867) // Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб., 1895. С. 207.

опыт по учению Канта» (1865 г.); ключевая для понимания философского новаторства работа Страхова «Главная черта мышления» (1866 г.) написана как отзыв на выступление П.Д. Юркевича. Пишет ли Страхов о Гегеле, Фейербахе, Гартмане или Шопенгауэре, формулирует ли «задачи истории философии» (1894, одна из последних его работ), – повсюду присутствует Кант⁹². Современное кантоведение только приступает к знакомству с Страховым. Уже нельзя не видеть, что Страхов «дает весьма тонкую и глубокую трактовку кантовского понимания специфики субъективности мышления»⁹³, но уяснение присутствия И. Канта в трудах Н.Н. Страхова – дело не малого времени⁹⁴.

⁹² По замечанию Н.Н. Страхова, неверно ставить Гербарта и Шопенгауэра в истории философии после Гегеля; это ошибка *post hoc, ergo propter hoc*: «в сущности, эти философы были противоположны не только Гегелю, а и Шеллингу, и Фихте; они примыкали прямо к Канту, да и писали почти одновременно с Фихте и Шеллингом, так что их следовало бы излагать вслед за Кантом и ранее Гегеля как особые ветви, отделившиеся от общего ствола. Но пока господствовали в умственном мире чистые идеалисты, эти ветви были в пренебрежении и стали процветать только тогда, когда рост главного ствола остановился». – Страхов Н.Н. О задачах истории философии // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 1(21). С. 30. И ниже – очевидно, о неокантианстве: «Нечто подобное такому пользованию прошлыми подвигами философии совершается, как известно, пред нашими глазами. Университетская философия в последние десятилетия решила *возвратиться к Канту*, чтобы дать, наконец, определенность и устойчивость своим рассуждениям». – Там же. С. 34.

⁹³ Жучков В.А. Комментарий к работе Н.Н. Страхова «Главная черта мышления» // Кант: pro et contra / Сост. А.И. Абрамов, В.А. Жучков, предисл. и коммент. СПб.: РХГИ, 2005. С. 847.

⁹⁴ В обширных исследованиях философии Канта в России, предпринятых в последнее время Н.А. Дмитриевой (Дмитриева Н.А. Русское неокантианство : «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М., 2007.) и А.Н. Кругловым (Круглов А.Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М., 2009; Круглов А.Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. М., 2012), о страховском вкладе в русскую кантиану замечается либо бегло (Дмитриева Н.А. Указ. соч. С. 109),

Современники Страхова, размышлявшие вместе с ним о Канте, не нашли досуга для обширного публичного высказывания об этом. В нашем распоряжении теперь есть материалы четвертьвековой интенсивной переписки Страхова с его авторитетным ровесником Л.Н. Толстым (вместе с Толстым Страхов открывал для себя Шопенгауэра и переоткрывал Канта) и пятнадцатилетней переписки со старшим на восемь лет поэтом и переводчиком А.А. Фетом (Страхов дотошно редактировал фетовский перевод основных работ Шопенгауэра и едва отговорил Фета от нового перевода «Критики чистого разума», прежде выполненного М.И. Владиславлевым). Кроме этой долговременной эпистолярной переключки, делу косвенно помогает переписка Страхова с В.В. Розановым, называвшим себя страховским учеником, который так и не освоил, несмотря на все настояния учителя, немецкий язык, немецкое речевое мышление⁹⁵. Эскизно проясняются установки страховского историзма в работах его молодых сторонников, критично и ответно ему мысливших, – Ю.Н. Говорухи-Отрока (1854–1896) и Ф.Э. Шперка (1872–1897), к сожалению, ушедших из жизни почти одновременно со Страховым. Очевидные препятствия для выявления немецких смыслов страховского наследия создала во многом досадная история дружбы Страхова и много младшего Владимира Соловьева, начавшаяся со внимания, которое проявил Страхов к «Кризису Западной философии»⁹⁶ и завершившаяся полемическим

либо через смысловой повтор полемической позиции немногочисленных, но влиятельных страховских оппонентов – В.С. Соловьева, Э.Л. Радлова, С.А. Венгерова и др.

⁹⁵ Реплика Страхова в письме к Розанову: «Как хотите, а нельзя двигаться свободно в области мысли, не зная по-немецки». – Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым // Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 11. Розановский комментарий: «Страхов и я (или «германский идеализм» и «О понимании») движутся в совершенно разных морях, что мы думаем далеко не об одних предметах, и, словом,.. тут – все разное». Там же. С. 19.

⁹⁶ Страхов Н.Н. Гартман и Шопенгауэр («Кризис Западной философии» Владимира Соловьева. М., 1874) // Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб., 1895. С. 374-427.

уничижением Страхова со стороны оппонента *post mortem*⁹⁷. От немецких, кантовских интересов Страхова был далек и его литературный душеприказчик, благодаря которому издавались и переиздавались сочинения Страхова, его переписка и некоторые бумаги из его архива, муж страховской племянницы И.П. Матченко. Оставил без комментария кантовские мотивы в переписке Страхова и Толстого первый ее издатель, скрупулезный Б.Л. Модзалевский⁹⁸.

Особое внимание Канту как непременно присутствующему в исследованиях Страхова мыслителю уделил А.И. Введенский – в своей речи, с которой выступил 27 января (8 февраля) 1896 г., через три дня после смерти Страхова, на лекциях в Санкт-Петербургском университете и на Высших Женских курсах. Вполне отчетливо указывая на общую «заслугу Страхова перед нарождающейся русской философией»⁹⁹, Введенский подчеркивал, что

⁹⁷ Специального исследования заслуживают положительные последствия этой дружбы. Переписка Страхова дает основания предполагать, что эволюция Соловьева по отношению к Канту – от рассмотрения кантовской философии с онтологических позиций (вслед за своим учителем Юркевичем) и выведения кантовской критики за пределы собственно кантовских установок в «Критике отвлеченных начал» до известной корректной статьи о Канте для энциклопедического словаря Брокгауза и Евфрона (1895) – была связана с теми домашними разговорами, которые велись Соловьевым в гостях у Страхова, на встречах у Толстого и др.

⁹⁸ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894 / Толстовский музей. Том II. С предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб., 1914.

⁹⁹ «...В чем заслуга Страхова перед нарождающейся русской философией ...: она не в том, чтобы он писал специальные исследования, которых на Руси прежде почти некому было бы читать и которые могли бы, пожалуй, уже потерять свое значение к тому времени, когда и у нас появились бы в достаточном числе читатели, вполне способные понять их и оценить по достоинству. Но значение Страхова состоит в том, что прислушиваясь к философским потребностям своего времени..., он написал просто, но увлекательно изложенные, а потому всем и каждому доступные, книги, сильнейшим образом возбуждающие мысль читателя, *принуждающие* его мыслить философски и трактующие о таких крупных вопросах, с размышления о которых почти все начинают свое

в своих философских статьях он ясно и очень убедительно показывал недостаточность только естественнонаучного подхода к миру для понимания мирового целого и убеждал в «необходимости пополнить естествознание изучением мышления, т.е. философией, и при том, развивающейся на почве открытого Кантом критицизма»¹⁰⁰. Страхов, с точки зрения Введенского, вполне справлялся с задачей ориентироваться в мышлении – выявляя смысловой горизонт «преходящих увлечений нашего общества», помогая «свести основательные счета с материализмом вообще»¹⁰¹, как, впрочем, и с онтологически ангажированным идеализмом.

Н.Н. Страхов относился к числу тех глубоких русских мыслителей, которые избегали увлечения какой-либо идеей (прогресса, народа, власти и др.), как последней, непреходящей познавательной ценностью и не старались причислить себя к какой бы то ни было философской партии. Трудность историко-философской идентификации Страхова – прежде всего по

философское развитие. ...Он написал несколько книг, при помощи которых в России еще долгое время будут охотно начинать учиться мыслить и которые столь же долгое время будут считаться образцами философского изложения, именно все это будет, по крайней мере до тех пор, пока не явится у нас философ, еще более талантливый, разносторонне образованный и преданный научным интересам, чем Н.Н. Страхов». – Введенский А.И. Значение философской деятельности Н.Н. Страхова // Образование. 1896. № 3, отд. II. С. 7–8. Надо признать, что и Страхов вполне ценил Введенского, «молодого профессора философии», «умного и даровитого» (Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 405); читал, судя по всему, работы Введенского «Опыт нового построения теории материи на принципах критической философии» (ч. 1, СПб., 1888); «Критико-философский анализ массы и связь высших законов материи в законе пропорциональности» (Журн. Мин. нар. пр., 1889, № 3); «К вопросу о строении материи» (ibid. 1890, № 7 и № 8). Примечательно, что редакция «Образования», где была опубликована памятная речь А.И. Введенского, сочла своим долгом оговориться, что не разделяет взглядов Н.Н. Страхова (см. сноску-примечание: Введенский А.И. Значение философской деятельности Н.Н. Страхова. С. 1).

¹⁰⁰ Введенский А.И. Значение философской деятельности Н.Н. Страхова. С. 6.

¹⁰¹ Там же.

отношению к Канту – заключается именно в том, что страховские философские исследования не стремятся к идеологизации – теоретически окончательному осмыслению своего предмета; они чаще всего герменевтичны, ответны ему, стремятся к его целостному, событийному пониманию¹⁰². Исследовательские установки Страхова дают себя знать *не столько* в оригинальной *конструкции*, сколько в *реконструирующем стилистическом единстве* его обстоятельных или беглых философских высказываний с высказываниями тех, с кем «совместно» размышляет Страхов, – своего рода *эпистемологическом стиле* его мышления, подразумевающим формально-логическую и содержательную отчетливость, метафизическую осмотрительность и концептуальный плюрализм¹⁰³. Стиль мышления Страхова есть стиль мышления принципиально не одинокого, поэтому своевременным будет, приступая к выявлению кантовских смыслов в философском наследии Страхова, уточнить их в некотором предварительном диалогическом контуре. Наиболее подходящими для этого, как это представляется на сегодняшний день, являются пятнадцать небольших заметок-новелл, образующих статью «Главная черта мышления», очерки «О времени» и «О задачах истории философии», статья «Об основных понятиях психологии» и материалы его обширной переписки.

1. Принцип эпохы. «В сущности Кант – скептик, и притом глубочайший. Но так как скептицизм есть дело очень противное человеческой душе, то последователи Канта принялись быстро строить высокие здания на вновь расчищенном месте. Обыкновенно Канта и принимают за такого

¹⁰² Весьма способствовали этому пониманию многочисленные работы Н.П. Ильина (Мальчевского), нашедшие наиболее обстоятельное выражение в монографической главе «Философия Н.Н. Страхова как парадигма национальной культуры понимания». – Ильин Н.П. Трагедия русской философии. М., 2008. С. 439-544.

¹⁰³ О методологическом смысле понятия «эпистемологический стиль» подробно см.: Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX-XX веков: От личности к традиции. М., 2013. С. 26–27 и др.

подготовителя следовавших за ним систем. Но Кант, взятый отдельно, ничем не уравновешенный, есть вопрос без ответа, сомнение без разрешения»¹⁰⁴. Некорректно будет прочитать эту фразу, адресованную Н.Н. Страховым А.А. Фету, идеологически. Указание на скептичность Канта не означает здесь отнесения его к некоей исторической идеологии или партийно-философскому движению; речь идет о глубинном познавательном настроении, принципиальном бесстрашии кантовского мышления, в котором нет никакой напрасной борьбы с «высокими башнями метафизики» и никакого стремления к познавательной бесконечности, созиданию автономных идей. Страхов рассматривает кантовскую критику чистого разума как критику мышления в его «глубочайшей» свободной смысловой перспективе. Буквальным было понимание этой перспективы у Шопенгауэра: его обнаружение «*воли самой в себе*, помимо мира явлений, коренится... в общем грехе его философии, в грехе, простирающемся и на Канта. Они положили границу для разума, не внутреннюю, а какую-то внешнюю; поэтому им и мечтается, что ее можно обойти, и сама сущность, Ding an sich, может через нее прорваться...»¹⁰⁵.

Фет, подобно Шопенгауэру, увлекается этим способом, «манерой» кантовского философского исследования, к которой, как замечает Фету Страхов, Кант не сводится и в случае такого увлечения понимается односторонне. Страхов поясняет «разрубание» мира на отдельные области (политическая, экономическая, художественная и др. «сферы», как мы привыкли их называть) удобством для логического анализа, для исчерпывающего изучения всех следствий из предпринятого абстрагирования, но при этом совершенно нельзя забывать об искусственном характере этого разделения, о том, что в действительности «все связано», что мир един, и для его осмысления как целого необходимо найти точку зрения

¹⁰⁴ Переписка [А.А. Фета]с Н.Н. Страховым. 1877–1892 // А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. Литературное наследство. Т. 103. В 2 кн. М., 2011. С. 248.

¹⁰⁵ Там же. С. 401.

единства, «подняться над разделением». Такой целостный взгляд дает искусство, напоминает Страхов Фету, именно оно поднимает человека над всеми частными сферами, хотя нередко это забывается, и тогда напоминать о настоящем смысле искусства призвана художественная критика. На эту критическую задачу, замечает Н.Н. Страхов, «фыркают художники, фыркаете и Вы, как урожденный поэт»¹⁰⁶. Такую же односторонность ставит Страхов в упрек Фету и в исторической релятивизации абсолютов добра и зла, проводя аналогию с подобным же толкованием абсолютных понятий истины и лжи. «Напротив, и истина и нравственность от века те же и от века доступны человеку. И вспомните, кто старался это доказать? Старался Кант, на которого Вы так любите ссылаться. Он нашел в уме твердые законы и в совести категорический императив. Но Вы берете Канта только с одной стороны, как берете и его последователя Шопенгауэра»¹⁰⁷. Точнее, по Страхову, думать, что Кант показывал способность ума отличать в своей работе истинное от ложного, а значит, его способность «быть сам себе судьей» и предписывать себе правила деятельности¹⁰⁸.

Как пронизательно замечает Н.К. Гаврюшин, Страхов – последовательный сторонник принципа *εποχή*, воздержанности от метафизических суждений. Сугубую немногочисленность, даже скупость метафизических тезисов Страхова он объясняет смиренным сознанием ограниченности рассудочного способа познания мира, «неявным предпочтением метафизических *предчувствий* и *настроений*, лейтмотивы которых – антропоцентризм и органицизм»¹⁰⁹. Выработка этого принципа,

¹⁰⁶ Там же. С. 392.

¹⁰⁷ Там же. С. 521.

¹⁰⁸ См.: Страхов Н.Н. Главная черта мышления // Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб., 1895. С. 113.

¹⁰⁹ Гаврюшин Н.К. За кулисами философской драмы: метафизика и историософия Н.Н. Страхова. 23 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/3693498.html>

его формирование происходит в трех основных эпистемологических средах – в связи с категориальным мышлением Аристотеля, логикой Гегеля, «чистейшего мистика»¹¹⁰, и ключевой для Страхова трансцендентальной эстетикой Канта, в которой отчетливо проявляется как смысловая перспектива кантовского философского гения, так и его логико-эпистемологическая «манера», то, каким образом очерчивает Кант горизонты критически свободного мышления.

Примером метафизической воздержанности Страхова может служить его размышление о Кантовом представлении времени¹¹¹. Страхов подчеркивает противоречивость описания времени и как онтологической сущности, и как представления, образа. Замечая также многообразие и конечную неудовлетворительность толкований взаимоотношений временных категорий настоящего, прошедшего и будущего. Метафизическая воздержанность Страхова здесь, как видно, ответна познавательному настроению Канта и позволяет уточнить кантовскую логико-эпистемологическую манеру, не сводя ее к очевидной инструментальности, – уточняя ее как стилистическое влечение Канта («Кант часто впадает в объективное представление»), как объективирующий эпистемологический стиль кантовского мышления, уравнивающий Кантов «вопрос без ответа, сомнение без разрешения», – стиль, не всегда и не во всем самому Канту подвластный, с риском попадания в «ловушки языка», в которых время эмпирическое, измеряемое, связанное с созерцаемым вовне движением, и время осознаваемое, мыслимое, истинное кажутся неразличимыми и легко отождествляются.

2. *Построение a priori*. «...При всяком познании мы делаем некоторое построение, без такого построения познание невозможно...»¹¹². «Но нам мешает то, что нашим построениям мы

¹¹⁰ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 37-358.

¹¹¹ См. Фрагмент 2 Приложения к данной диссертации. С. 229-230.

¹¹² Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 88.

беспреданно придаем существенность; мы не в силах правильно развивать наши мысли, потому что ошибаемся в их значении, признаем знание сущности там, где его нет. Таким образом, путь этих построений никогда не приведет нас к тому, чего одного мы желаем, то есть, к познанию сущности. Сущность открывается иначе, и во-первых следует сбросить все то, что я назвал построениями. Тогда получится, может быть, другое знание, которое мне хотелось бы назвать живым, но о котором пока ничего не умею сказать»¹¹³. В этом письме к Толстому Страхов намечает стилистико-эпистемологическое понимание кантовского учения о синтетических суждениях *a priori*, излагая существенные моменты содержания своего «заветного» труда об основах познания, книги, которую Страхов долго готовил, но так и не успел написать. набросок, предлагаемый Толстому, посвящен математизации представления о пространстве, – некоторой стилистической доминанте, которая, по мысли Страхова, вызывала определенное познавательное возбуждение и ответные стилистические реакции со стороны научного мышления, для которого становилось удобна такая форма познавательного самополагания. Согласно Страхову, это доминанта нуждается в некотором контринтуитивном *εποχή*.¹¹⁴

Математическое обобщение о многообразии пространств, основанное на многообразии способов измерения так называемых пространственных отношений между вещами – при отсутствии мыслимой альтернативы этим «пространственным отношениям» и потому принятии единственного мыслимого за единое (и единственное) сущее – вот что стало поводом для критической эпистемологической рефлексии Н.Н. Страхова. Отталкиваясь сразу от математического, по сути универсального научно-методологического мышления, Страхов хотел добраться не просто до интуитивных оснований математики, но через математическое проникнуть в

¹¹³ Там же. С. 90.

¹¹⁴ См.: Фрагмент 3 Приложения к настоящей диссертации. С. 233-234.

еще более общее, фундаментальное познавательное начало ума, чтобы попытаться нащупать или прояснить в высказывании некие рациональные способы представления нематериальных, нематематизируемых (потому что не обладают пространственными отношениями) сущностей. Интересны приемы обнаружения парадоксов субстантивации, которые применяет Н.Н. Страхов. Аналогия между «пространством» и «кражей»¹¹⁵, конечно, была бы понята не только Л.Н. Толстым, многие пытливые читатели могли бы подивиться действительной шаткости рациональных оснований для несокрушимой уверенности в надежности универсальных категорий мышления. (Здесь всплывает еще одна ассоциация с Кантом, который в свое время «слишком» внимательно и серьезно отнесся к рассуждению Юма об индукции причин.) Но писать о таком предмете для широкой аудитории с чисто отрицательной задачей Страхов не мог себе позволить, он должен был сначала найти альтернативное естественнонаучному описание для «живого знания», которое обречены искать все мыслящие о мышлении.

Очевидно, что Страхов здесь выступает сторонником последовательного соблюдения кантовского «глубочайшего» сомнения – ставит под сомнение конструктивистские стратегии научного познания. При этом Страхов не настолько наивен, чтобы разгадывать загадку математизированного представления о пространстве исключительно посредством разоблачения типичного познавательного заблуждения – «объективации субъективного», безотчетного гипостазирования субъективного образа мысли. Острота логических наблюдений привычна Страхову; однако, эти наблюдения не создают непреодолимого препятствия для эмпирически мотивированного научного мышления. Страхов, сам уверенно мысливший математически, предлагает заглянуть за горизонт математизирующего стиля мышления, опознать его «энтелехию», неявное оцеляющее его начало, – усмотреть, вслед за Кантом, неподрасчетный и

¹¹⁵ См.: Приложение к настоящей диссертации. С. 233.

несомненный в своей истинности порядок человеческой «души», впрочем, доступный человеку цельно и целостно мыслящему. «Шопенгауэр имел полное право истолковать Кантовскую философию своею более определенной формулою: мир есть мое представление»¹¹⁶.

«Но довести до конца это объективирование мы не можем, по крайней мере не можем, не убив в себе всякой способности мыслить и действовать»¹¹⁷, – продолжал размышлять о проблеме Страхов уже в психологическом ключе. Скепсис имеет границы в самом мышлении. Как ни глубоко скрыты в душе основы нашей субъективности, «они есть в каждом и иногда вдруг обнаруживаются с большою силою»¹¹⁸. Страхов на заре становления научной психологии был убежден, что философы постепенно объективировали душевные силы и процессы, и теперь, во избежание ошибок, их прежде всего не следует повторять, а начать скрупулезный анализ с картезианской непосредственной данности нашего сознания. «...Правильно будет, если мы не будем заранее делать в психических явлениях никаких подразделений, а сперва научимся на весь этот мир смотреть как на имеющий действительность только в нашей душе»¹¹⁹.

3. *Мышление и созерцание.* «Рассматривая мышление в высшем его проявлении, мы должны сказать, что оно абсолютно свободно ... Повинуясь внешним законам, оно было бы слепую силою, произведения которой не могли бы иметь притязания на значение истины. ... Мысль освободилась в Канте. Он нашел, что она может вполне владеть собою, сама собою управлять. Какое следствие отсюда?»¹²⁰.

¹¹⁶ Страхов Н.Н. О задачах истории философии // Вопросы философии и психологии. М., 1894. Кн. 1 (21). С. 18-19.

¹¹⁷ Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб., 1894. С. 45.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Страхов Н.Н. Главная черта мышления // Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб., 1895. С. 112-113.

Прежде всего следует признать свободу мышления как свободу его остранимости, негативного самополагания. Основа этой остранимости, как показывает Н.Н. Страхов, в том, что самому акту познания предположено ничем не устранимое различие между познающим и познаваемым, между мыслью и ее предметом¹²¹. Это различие усматривается мышлением по мере освоения им своей свободы, узнавания своей ничем не отменяемой субъективности: «Мысль, не знающая своей субъективности, принимает видимое движение за действительное; мысль, сознавшая свою субъективность, знает, где истинный центр движения, и умеет различать действительное движение от кажущегося»¹²².

В отличие от чувств, ощущений, представлений, которые могут ошибаться в смысле отсутствия искомого в предмете, мысль всегда влечется к цели, существующей в ней самой, и потому всегда находит в предмете то, что ищет¹²³. Стиль объективирующего мышления не должен вводить в заблуждение свободное мышление: граница между субъектом и объектом прокладывается в самом созерцающем мышлении и служит условием его познавательной действительности. «Таким образом, так или иначе, мы должны получить *субъективную логику*, то есть науку, в которой мысль опирается только на самую себя, в которой она излагает все свои законы и движения и дает абсолютный метод своего действия, заключающий в себе все другие методы как частные случаи. ... То, что я назвал здесь субъективной логикой, есть так называемая *диалектика*»¹²⁴.

Негативное самополагание мышления, как бы ярко оно ни представлялось самому мышлению, несколько не исчерпывает, а только подчеркивает тезис «в действительности все связано». Так и идеал мышления – непреходящее бытие, вечное в обычном значении этого слова, то есть

¹²¹ См.: Там же. С. 100-101.

¹²² Там же. С. 105-106.

¹²³ См.: Там же. С. 111.

¹²⁴ Там же. С. 114.

мыслимое как простирающееся на прошлое, настоящее и будущее. Лишь такое бытие мышление признает существующим истинно – как вечные неизменные частицы-атомы для физика, как Божество для богослова. Созерцательная вечность как некая «остановка» в настоящем (вечно длящееся настоящее) не просто отличается, но противостоит вечности мыслительной, которая представляет собой непрерывное и беспредельное течение времени из бесконечного прошедшего в бесконечное будущее. Мышление полностью отрицает созерцания, признавая истинно существующим лишь свою длящуюся вечность, как и созерцание может полностью отрицать мышление, если признает истинно существующим лишь созерцаемое настоящее, «существующее налицо»¹²⁵.

Жизненность мышления в некотором смысловом пределе есть тождество «вечности созерцательной» и «вечности мыслительной»; в этом пределе мышление стремится совпасть с созерцаемым им сущим, увидеть и признать себя как сущее. Нет особенного труда в том, чтобы признать сущее в его отдельности, или некой протяженности. «Самая удивительная загадка заключается не в том, что мир существует, а в том, что у него есть зритель»¹²⁶. Самым большим чудом мира Страхов признавал действительность не только мира, с его удивительным порядком и еще более удивительной красотой, но мыслящего о себе и о мире человека. При все диалектической гибкости ума он не мог допустить такой «странности», чтобы «слепая картина породила из себя зрителя, для того, чтоб он ее видел и ею любовался»¹²⁷. Это было бы не менее странным, чем предположение, что весь этот мир порожден человеческой мыслью.

¹²⁵ Страхов Н.Н. О времени // Страхов Н.Н. Философские очерки. С. 414. Ср.: Гаврюшин Н.К. За кулисами философской драмы: метафизика и историософия Н.Н. Страхова.

¹²⁶ Страхов Н.Н. Главная черта мышления // Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб., 1895. С. 119-120.

¹²⁷ Там же.

Во всяком случае, указывает Страхов, именно и только в этой точке «мы прикасаемся к истинной загадке бытия и мышления. Что бы ни существовало и как бы ни существовало, бытие должно быть таково, чтобы возможно было мышление. И обратно – нельзя ничего понять, если мы не понимаем мышления»¹²⁸.

4. *«Печать христианского воспитания»*. «Часто историки, рассматривая Возрождение и новую философию, больше всего обращают внимание на те элементы, которые противоречат религии и церкви; но и на этих элементах лежит тот же новый характер, которого уже не может сбросить с себя человеческая мысль»¹²⁹.

Нет никакого сомнения, что жизненность мышления для Страхова исторична, нуждается в исторически событийном понимании – уточнении, прежде всего, некоего типологического контекста, в котором мышление усиливается до отчетливого самополагания, развивает свою принципиальную способность к обособлению и своего рода деятельному самоумалению, *εποχή*. Исторический контекст этого радикального усиления создается появлением христианства, когда человек стал иначе относиться к Богу и природе, потому что человеческая личность получила такое высокое значение, какого никогда не имела в древности. С этим новым отношением и мысль человеческая «приобрела новые силы, новую смелость и твердость; природа ей стала покорнее, и мир духовный яснее и понятнее»¹³⁰.

Новая философия, уверенно утверждает Н.Н. Страхов, «носит на себе печать христианского воспитания», которая видна и в том, например, как отчетливо стали, в отличие от древних, отделять материальное от духовного;

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Страхов Н.Н. О задачах истории философии // Вопросы философии и психологии. М., 1894. Кн. 1 (21). С. 24.

¹³⁰ Там же. С. 24.

как Декарт и Кант обратились к своей душе и к своему познанию и в самих формах этого обращения¹³¹.

Метафизическая сдержанность Страхова здесь обнаруживает себя в решимости признать некое живое зеркало мышления, в котором усматриваются определенные неявные, событийно преобразующие его смыслы. Мышление признается в качестве некоего открытого целого, незавершенного и незавершимого в своем смысловом единстве. Это особое «органическое» понимание мышления, в котором структура, устройство мышления «оцельняются» прежде всего предположением его конкретно-исторической жизненности, весьма активно обсуждается Страховым в диалоге с Толстым¹³².

Н.Н. Страхов признается Л.Н. Толстому, что считает самым важным второй из трех кантовских вопросов¹³³, в силу неотложности требования ответа на него, в отличие от первого и третьего, которые могут и вовсе остаться нерешенными. Более того, Страхов пишет это письмо в таком настроении, когда ему кажется, что от вопросов о познании и «о будущности души» он и вовсе мог бы отказаться в обмен на ясный и твердый ответ на главный вопрос «что делать, – в переводе на христианский язык: как спасти свою душу»¹³⁴.

Этот вопрос Страхов называет «страшным» вопросом¹³⁵, для ответа на который у человека нет возможности ни совладать, ни договориться с силами всемирной истории или даже собственной природы, а значит, он обречен на решение одних «отрицательных задач», на вечную борьбу без возможности

¹³¹ См. там же.

¹³² О разностороннем, долговременном и творческом интересе Толстого к Канту см., напр.: Круглов А.Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. М., 2012. С. 122-159.

¹³³ См. Фрагмент 4 Приложения к настоящей диссертации. С. 234-236.

¹³⁴ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 69.

¹³⁵ Там же.

победы или на полный отказ от своей воли и принятие всего, что неведомые силы могут сотворить с ним в жизни¹³⁶.

Мышление, деятельно исполняющее свой долг свободы, есть мышление, полагающее себя в определенном аспекте, экзистенциально императивное; отличие этого мышления – в его особом послушании императиву свободы. Органическое мышление позволяет «подняться над разделением», увидеть, что этому императиву предстоит в своей жизненной полноте кенотическое начало, свободное самоумаление, у которого нет отчетливой формулы и за которым нет рациональной максимы доброй воли, но есть то, что может быть узнано и признано мышлением в историчном «зеркале абсолютного сочувствия» (М.М. Бахтин): «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). Вопрос о мышлении здесь уточняется как вопрос о его теонии¹³⁷.

Л.Н. Толстой в ответ раскрывает Н.Н. Страхову свою заветную идею, перетолкованную через Канта, о том, что единственной и всеохватывающей формой априорного знания является истина «я живу». В этом знании заключается всё, что разделяют на сферы, и на части, и на отдельные понятия, но действительное содержание его, то, «что составляет это знание 1) не может быть познано разумом и 2) без этого знания не может существовать ни одного разумного понятия»¹³⁸.

Н.Н. Страхов в ответе Л.Н. Толстому дает его взглядам философское определение пантеизма, в котором место шопенгауэровской воли или гегелевского мышления занимает любовь, но давать подробный критический анализ отказывается: «для настоящей критики нужно иметь свой взгляд, а у меня его нет. Я скажу только, что в Ваших мыслях должно быть много

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Ср.: Зеньковский В., прот. Автономия и теония [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/path/3/4/>

¹³⁸ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 78.

правды, – так они красивы, так желательны. Но по этому же самому они и подозрительны»¹³⁹.

Толстой уходит в сторону от Канта, явно эстетизирует жизненность мышления – ограничивает его автономию некоей онтологией всеобщего жизненного сочувствия, тогда как автономное мышление есть частный случай мышления теомного или, иначе, мистически ориентированного. По Страхову, это верно не только в отношении Канта, указавшего на свободные условия мышления¹⁴⁰. Страхов характеризует общую «прогрессистскую» историко-философскую схему, по которой все повороты в сторону мистики считаются у философов «упадком» и не заслуживающими внимания, поскольку не могут внести вклад в науку. Н.Н. Страхов делится с Л.Н. Толстым замыслом реабилитации мистического сознания как «самого ясного и чистого, так что к ней приходит всякое строгое мышление»¹⁴¹. Л.Н. Толстой обрадован: «Как хорошо и верно все, что вы пишете о Канте и мистиках! Как бы хорошо было написать об этом. Жидущие оставили камень, который должен быть во главе угла»¹⁴².

Исторический разрыв между философскими исследованиями Канта и интенсивными размышлениями о Канте, предпринятыми Страховым, значителен. Попытки преодолеть этот разрыв, понять Канта изнутри опыта русской интеллектуальной культуры 1860-90-х годов известны наперечет, так же как вполне известно, что выявление особого полемического единства этих попыток, общего им герменевтического горизонта – дело будущего. Исследование кантовских размышлений Страхова, до сих пор мало известных и еще менее изученных, их герменевтико-эпистемологической настроенности, позволяет приблизиться к пониманию основных параметров

¹³⁹ Там же. С. 87.

¹⁴⁰ См. Фрагмент 5 Приложения к настоящей диссертации. С. 236-237.

¹⁴¹ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 357-358.

¹⁴² Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений (Юбилейное). Т. 64. Письма 1887-1889. М.: 1953. С. 123.

масштабного русского разговора о Канте и – как в случае с самим Страховым – к опыту ответного понимания Канта и его философии как непрямого творческого условия русского философского опыта XIX столетия.

2.2. Мышление и история: А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов

XIX столетие – весьма интенсивное время в истории исторического знания. Попытки установить его символические границы всегда наталкиваются на необходимость выбора оснований. Избрать ли в качестве ключевого условия антропологическую метафизику исторических идей И.Г. Гердера? Трактовать ли как исходную феноменологию духовного опыта Гегеля или предположения об историчном самотождестве этого опыта, предложенные Шеллингом? Как принять во внимание коммуникативные установки и ироничный стиль Т. Карлейля? Концептуальное многообразие века, «гордого своей исторической критикой» (В.П. Бузескул), беспрецедентно. В этом многообразии особое место занимают инициативы русских мыслителей, в том числе и те, внимание к которым, в силу известных причин, на долгое время было утрачено или подчинено неаутентичным интерпретационным моделям. Среди наиболее утраченных или деформированных – концепции сторонников так называемой «органической критики», рационального и целостного исторического понимания. Первые и наиболее последовательные в этом отношении – А.А. Григорьев и ближайший к нему его «всепонимающий философ» Н.Н. Страхов. Они, по существу, стояли у истоков русской герменевтической эпистемологии истории; без тщательного исследования их познавательных инициатив нельзя с удовлетворительной полнотой представить полемико-диалогические условия исторических исканий Л.Н. Толстого или Б.Н. Чичерина, К.Н. Леонтьева или В.С. Соловьева, Н.Я. Данилевского, В.В. Розанова, Ю.Н. Говорухи-Отрока, Ф.Э. Шперка, П.А. Флоренского, М.М. Бахтина и др. В ненаивные, скептические десятилетия XIX в. попытки органического понимания истории в России были проявлением своего рода

здорового смысла¹⁴³, противостояли метатеоретической мифологизации – философски партийному, идеологизирующему объяснению исторических процессов и «наваждению скептицизма» (С.Л. Франк) в области теории исторического знания.

Опыт органического понимания истории распределен в разных сочинениях и эпистолярном наследии А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова и не представлен в доктринально обособленном виде. Возобновление этого подхода – дело времени и, как представляется, дополняющих друг друга исследовательских усилий по уточнению условий его возможности и его собственных исторических перспектив¹⁴⁴. Однако и теперь возможно

¹⁴³ Ольхов П.А. Здравый смысл и история : (заметки к полемической эпитафии Н.Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина») // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125-132; Ольхов П.А. Историзм Льва Толстого в интерпретации Аполлона Григорьева и Николая Страхова // Культурология. 2011. № 1. С. 218–233; Кривушина В.Ф. О генезисе понятия «тип» в «органической критике» Аполлона Григорьева: Григорьев и И.В. Гёте // Credo New: электронный журнал. 2006. № 2. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/544/31/>

¹⁴⁴ См., напр.: Гольцев В.А. Н. Н. Страхов как художественный критик // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 3 (33). С. 431–440; Гуральник У.А. Ап. Григорьев и Н.Н. Страхов // Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С. 456–477; Журавлева А.И. «Органическая критика» Аполлона Григорьева // Григорьев А.А. Эстетика и критика. М., 1980. С. 7–47; Журавлева А.И. Аполлон Григорьев // Русская драма и литературный процесс: к 75-летию А.И. Журавлевой. М., 2013. С. 42–60; Зельдович М.Г. Поэтика годовых обзоров Аполлона Григорьева (1991) // Творческое поведение. О феномене литературной критики, логике ее развития в русской культуре середины XIX века и общих принципах подобных штудий. Проблемно-систематизированные фрагменты избранных работ автора. Часть 2. Харьков, 2010. С. 546–556; Кривушина В.Ф. О генезисе понятия «тип» в «органической критике» Аполлона Григорьева: Григорьев и И.В. Гёте // Credo New: электронный журнал. 2006. № 2; Ольхов П.А. Историзм Льва Толстого в интерпретации Аполлона Григорьева и Николая Страхова // Культурология. 2011. № 1. С. 218–233; Ольхов П.А. История как искусство: «Война и мир» Л.Н. Толстого в истолковании Н.Н. Страхова // Дом Бурганова.

уточнить некоторые эпистемологические контуры искателей органического понимания истории.

1. *«Историческое воззрение» и «историческое чувство»*. Аполлон Александрович Григорьев, как показано в последнее время исследователями и комментаторами его творчества, был одним из самых глубоких русских шеллингианцев¹⁴⁵, усвоившим и весьма продуктивно использовавшим в собственном творчестве философские и поэтические органические идеи и язык Шеллинга – «исходную громадную руду» органической критики¹⁴⁶. По складу своего мышления Григорьев не был эпигоном Шеллинга или кого бы то ни было еще; широко образованный и весьма деятельный, он «чувствовал себя полноправным наследником и продолжателем европейской культурной традиции»; его «бесспорная связь с Шеллингом и Карлейлем была свободной», связью единомышленников¹⁴⁷.

Григорьевское экзистенциальное свободолобие вполне выразилось в его отношении к гегельянскому философско-историческому монизму, хорошо принявшемуся на русской почве и ставшему философской базой исторической (нигилистической, революционно-демократической – по-разному называемой в зависимости от степени симпатии) литературной критики, в форме которой происходила в середине XIX века основная интеллектуальная жизнь России. В 1857–1864 гг. Григорьев выступил в разных журналах с рядом статей, в которых постарался разъяснить все

Пространство культуры. 2010. № 4. С. 181–192; Раков В.П. Аполлон Григорьев – литературный критик. Иваново, 1980.

¹⁴⁵ См.: Ходаневич М.А. Влияние философии Шеллинга на мировоззрение почвенников А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова // Философия Шеллинга в России XIX века / Под общ. ред. В.Ф. Пустарнакова. СПб., 1998. С. 449–476. Именно о Григорьеве см.: с. 445–446, 449–460.

¹⁴⁶ Григорьев А.А. Парадоксы органической критики // Григорьев А.А. Эстетика и критика. М., 1980. С. 164.

¹⁴⁷ Журавлева А.И. Аполлон Григорьев // Русская драма и литературный процесс. С. 50.

пункты согласия и расхождений с оппонировавшими направлениями эстетической (у Григорьева «художественной») и исторической критики (у Григорьева – «исторического воззрения»). Понимая литературу и искусство как целостные, живые, взаимосвязанные проявления всей полноты и сложности жизни, Ап. Григорьев категорически отвергал идею исторической «теории» как некой заданной мысли, мерки, которою якобы можно измерить и оценить жизнь. Историческое же воззрение возмущало его особенно своими «деспотическими», безнравственными выводами.

Применение к пониманию человеческой жизни чисто логической формы мысли, писал Григорьев, породило «безотраднейшее из созерцаний», в котором все формы и мгновения жизни являются переходными на бесконечном пути к другим, тоже переходным формам; «бездонная пропасть, в которую стремглав летит мысль, без малейшей надежды за что-либо ухватиться, в чем-либо найти точку опоры»¹⁴⁸. Логико-теоретические «исторические воззрения», стремящиеся к автономии, приносят в жертву «отвлеченному духу человечества», не существующему в действительности, живые настоящие интересы, цели, чувства людей, племен и народов. В этом состоит существенный порок «исторического воззрения» и исходящей из него «так называемой исторической критики». Идеал, преднаходимый в человеческой душе, не требует никакого насилия над историческими фактами: «он ко всем равно приложим и все равно судит». Если же идеал выбирается произвольно, с позиций настоящего момента жизни и ее понимания, то он «гнет факты» под это свое сиюминутное настоящее, а все прошедшее – чем древнее, тем незначительнее, и представляется лишь «ступенями к нему»¹⁴⁹. Неоднократно в разных статьях возвращаясь к этому произволу, Ап. Григорьев показывает абсурдность применения теории

¹⁴⁸ Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Статьи. Письма. / Сост. с науч. подгот. текста и коммент. Б. Егорова. М., 1990. С. 23.

¹⁴⁹ Там же. С. 24-25.

исторического прогресса к оценке великих исторических личностей, невозможность выстраивания гениев человечества в историческую иерархию, где каждый «новый» художник якобы должен быть выше, лучше «старого», т.е. современные поэты по этой логике прогресса превосходят Гомера, Данте и Шекспира, которые между собой тоже выстраиваются какими-то необходимыми «ступенями развития», «в силу чего Гоголю становится монумент на обломках статуи Пушкина»¹⁵⁰.

Усматриваемая Ап. Григорьевым правота исторического воззрения вся заключается только в том, что оно «есть одна из попыток определить, узаконить, формулировать ... новую силу» – «*историческое чувство*»¹⁵¹. Само это чувство – замечал Григорьев – еще не сформулировано, потому что не вызрело еще, не стало всеохватывающим принципом («принципом историчности», который сменит «принцип историзма») и не может остановиться на произвольно поставленном принципе. Он предсказывал ближайшее наступление «века истории» в словах о том, как историческое чувство непосредственно дано целому веку (прошедшему) и «в даровитейших представителях» развито до тонкости, но еще не сформулировано¹⁵². Историческое чувство – само исторический органический результат, оно является совершенно новым по сравнению с временами «допотопного», не различающего себя и других, неразвитого духа народов, не встречавшихся в своей исторической жизни с необходимостью понять и выразить свое природно-историческое и национально-культурное своеобразие, соотнести себя с внешними влияниями, разобраться в особенных народных формах проявления единого общечеловеческого идеала нравственности.

Историческое чувство не может быть виновно в той ложной форме, которая его выражает в данный момент развития, оно, «справедливо, как

¹⁵⁰ Там же. С. 25.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² См.: Там же.

указатель новых сторон жизни»¹⁵³. Эта новая сторона жизни есть национальная жизнь, «народный организм», который «сам в себе замкнут, сам по себе необходим, сам по себе имеет полномочие жить по законам, ему свойственным»¹⁵⁴, а не служит переходной формой какого-то другого, как представляют историческую жизнь сторонники теории общественного прогресса. Важнейшим тезисом всего художественного и критического мировоззрения Ап. Григорьева стала мысль о том, что существует и единство между всеми народными организмами, это неизменное единство, не подлежащее никакому развитию, заключается в вечной правде человеческой души¹⁵⁵. В то время как народные организмы взаимодействуют, объединяются в миры и эпохи, живут исторической жизнью (которая и подвластна историческому чувству), правда души может только осознаваться более или менее ясно, выражаться в совершенных, мощных или слабых, тусклых творениях искусства народного или авторского – но у этой правды нет никакой истории переходных форм, она не бывает древней или новой, юной или зрелой, она просто есть всегда, сколько есть человек. Чтобы вера была *живою*, то, во что веришь, должно быть непременно и непреходящим, единым и непреложным. Невозможно верить как в нечто заслуживающее веры в то, что, как мы знаем, завтра окончит свое бытие (пребывание). Историческое *чувство* восстает против формулы вечного развития, в которую втеснило его историческое *воззрение*¹⁵⁶.

¹⁵³ Там же. С. 26.

¹⁵⁴ Там же. С. 27.

¹⁵⁵ См.: Там же. С. 27-28.

¹⁵⁶ См.: Там же. С. 41-42. Неслучайно Ап. Григорьев посвящает Н.Н. Страхову, своему молодому другу-философу полемическую статью против автономии этических и эстетических идеалов, против социально-исторического нравственного релятивизма в искусстве, об обязательности народных нравственных начал для всякой национальной литературы. – См.: Григорьев А.А. Искусство и нравственность. Новые Grübeleinen по поводу старого вопроса (Н.Н. Страхову) // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. С. 246–260.

А.А. Григорьев не просто формулирует, «Что же оно такое, это историческое чувство?», но показывает, «каким откровением», каким «колумбовым яйцом» стала для века Просвещения очевидная, казалось бы, истина о том, что сущность жизни – органическая, и все ее проявления органически связаны между собой, эта простая истина, основанная на историческом чувстве – *«чувстве органической связи между явлениями жизни, чувстве цельности и единства жизни»*¹⁵⁷. Это чувство должно было разбить и разбило изощренную рациональную формулу «всечеловеческого образования и всечеловеческого эстетического чувства»¹⁵⁸, данную «чисто аналитическим взглядом»¹⁵⁹ в блестящий век так называемого классицизма («ходульного» по слову Григорьева), перед которой всё иное, самобытное, национальное выглядело дикостью, обскурантизмом и невежеством. Григорьев намечает пунктиром большие и малые события и их деятелей, расшатавших и подорвавших полное господство «формулы» – Летуэрнера, Фонвизина, Клопштока, Лессинга и др., давших отпор «мумиям» «прикосновением мысли к живому телу»¹⁶⁰. Великий вклад в дело «разъедания формулы» внесло «живое историческое чувство Гердера», не потерявшее воспитательного значения, после которого начинаются уже исторические действия во Франции, «всеобщая ломка истории» и за нею недолгий всплеск романтизма, успевший однако «утвердить, узаконить чувство органической любви, связующей прошлое с настоящим, умершее с живым»¹⁶¹. Снова и снова Григорьев настаивает на превосходстве живого чувства, веры, над утратившей жизненное значение формулой. Именно веру в историю, «глубокую и пламенную», дает для начала историческое чувство.

¹⁵⁷ Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства. С. 37.

¹⁵⁸ Там же. С. 39.

¹⁵⁹ Там же. С. 38.

¹⁶⁰ Там же. С. 38-40.

¹⁶¹ Там же. С. 40-41.

И вера эта, а никак не формула и не теория, дает нам первое правильное определение исторического чувства. «В правильном приеме исторической критики заключается только *вера в то, что жизнь есть органическое единство*»¹⁶².

Такое понимание исторической жизни Ап. Григорьев считал гораздо более естественным, простым и понятным, чем воззрение теоретическое, «головное», навязанное философскими авторитетами. И мысль Григорьева была не одинока: вместе с ним и вслед за ним единую линию общечеловеческой истории и историческую телеологию в России отрицали Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. Для всех для них мыслить единую историческую логику означало мыслить неисторично, попадать в неправду теоретизма¹⁶³. В эту ошибку впадали даже такие выдающиеся

¹⁶² Там же. С. 41. В 1860 г. Страхов отреагировал статьей «Органические категории» на выступление в печати критика Е.Н. Эдельсона, старого друга Ап. Григорьева, с протестом против перенесения идеи организма из естествознания в литературную критику. Н.Н. Страхов разясняет глубокую ошибочность этого взгляда (так называемой «биологической метафоры»), весьма распространенного и в наше время: органичность развития означает самодвижение в направлении совершенствования, и известен этот тип развития человеческому уму прежде всего из опыта самопонимания, а уж затем он обнаруживает нечто подобное в других явлениях мира, в том числе – через проблематизацию и исследование – в биологических «организмах». – См.: Страхов Н.Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. Киев, 1900. С. 58-59, 62-63. Н.Н. Страхов подчеркивает заслугу А.А. Григорьева в том, что тот сделал «попытку ввести сознательное употребление указанных [органических] категорий в одну из областей нашего умственного мира, именно в область критики... Григорьев смотрит на литературу как на живую силу, которою управлять никому не дано, которую нельзя подводить под готовые понятия, но нужно понимать и истолковывать из нее самой». – Там же. С. 57.

¹⁶³ См. Сакулин П.Н. Историко-литературные беседы. «"Органическое" мировосприятие» // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 110. Один из исследователей и продолжателей традиции органицизма в филологии, П.Н. Сакулин (1868-1930) в 20-е годы работал над синтетической концепцией литературных стилей, основанной на органическом тезисе

критические таланты, вовсе не лишённые исторического чувства, но временно поддавшиеся обаянию законченности «гегелизма», как «поздний» В.Г. Белинский и Н.А. Добролюбов. Страхов писал о Добролюбове, что он, как очень даровитый человек и талантливый критик, если бы не умер в молодом возрасте, скорее всего, перерос бы уже совсем скоро «формулу» исторического воззрения и повернул бы решительно от правды «головной» к вечным истинам жизни. «Его последняя статья указывает на какое-то колебание, на какой-то поворот в убеждениях»¹⁶⁴. За три года до этих слов практически в том же духе писал Григорьев о Белинском, что если бы Белинский дожил до 60-х, он, в силу сохранения возвышенности натуры, не пошел бы против правды искусства и стал бы «во главе критического сознания»¹⁶⁵.

Наоборот, никогда не доверял ничьим теориям (пока сам не придумал свою) великий правдолюбец и носитель тонкого исторического чувства Л.Н. Толстой, к которому от Ап. Григорьева «тянется одна и довольно прочная нить». П.Н. Сакулин приводил любимое выражение Толстого о постижении истины «*”всем существом”*»; в его глазах это была высшая аргументация»¹⁶⁶. В этом пункте Толстой совершенно сходил с органицистами, подчеркивая, что и у теории прогресса нет (и невозможно

«каждая эпоха народной жизни имеет свой стиль культуры, свое культурное лицо». См. о нем подробнее: Минералов Ю. Концепция литературоведческого синтеза // Сайт поэта Юрия Минералова [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://mineralov.narod.ru/sakul.htm> Раков В.П. Новая «Органическая» поэтика (Литературные теории В.Ф. Переверзева, В.М. Фриче и П.Н. Сакулина). Иваново, 2002.

¹⁶⁴ Страхов Н.Н. Н. А. Добролюбов. По поводу первого тома его сочинений // Время. 1862. № 3, о. II. С. 30–54. То же: [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0290oldorfo.shtml

¹⁶⁵ См.: Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. С. 52-53.

¹⁶⁶ Сакулин П.Н. Историко-литературные беседы. «”Органическое” мировосприятие». С. 112.

найти) других обоснований, кроме веры. Он, Толстой, в прогресс («религию прогресса») не верит и старается поколебать в других веру в «неизменные исторические законы». Первостепенную важность для Толстого представляет совсем иное, «вечное начало», выражающееся в явлениях жизни и написанное в *душе* каждого человека¹⁶⁷.

Литературно-историческая критика и вера в историю. Если Л.Н. Толстой, последовательный скептик, не испытывал нужды верить в прогресс и всеобщие законы истории¹⁶⁸, то Ап. Григорьев и Н.Н. Страхов отличались особого рода метафизической сдержанностью: у «пульса истории» есть свой неслучайный и не хаотичный ритм, которым нельзя управлять, но в который можно вслушиваться и угадывать его повторения, замечать жизненные органические циклы, т. е., возможно не теоретическое историческое познание. Истинное познание не может двигаться от теории к жизни – наоборот, оно идет от живого чувства, восприятия, интуиции, через осознание и прояснение этих интуиций в категориях разума – к творческому выражению понятого, в единстве стихийного и сознательного, – если есть художественный талант или естественное развитие своего понимания, – органическое саморазвитие, историчное самосовершенствование. Но требуется непременно «органично сочетать основные элементы познавательного акта: дискурсивное мышление и различные виды непосредственного сознания (интуиция, вера, чувство и т. д.)»¹⁶⁹. История как жизненный процесс известна каждому внимательному мыслящему индивидууму на собственном опыте *исторического чувства*. В набросках к неоконченной работе «Главная задача истории» Н.Н. Страхов пояснял этот субъективный опыт, удивительно современно связывая его, в первую

¹⁶⁷ См. : Там же. С. 111. Ср.: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 73–75, 78.

¹⁶⁸ См.: Ольхов П.А. История как искусство: «Война и мир» Л.Н. Толстого в истолковании Н.Н. Страхова // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2010. № 4. С. 181–192.

¹⁶⁹ Ильин Н.П. Трагедия русской философии. М., 2008. С. 349.

очередь, с памятью и с изменением точки зрения на прошедшее: мы на себе непосредственно испытываем историю, когда видим, как на наших глазах забывается и исчезает то, что еще помнится как важное и громкое; бледнеют имена иных знаменитостей, в то время как другие прошлые деятели растут в наших глазах «все больше и больше, и не только не помрачаются новыми, а скорее выигрывают от сравнения. Вот действие истории!»¹⁷⁰.

Н.Н. Страхов подхватил и развил мысль А.А. Григорьева о том, что все значительные русские писатели переживают периоды увлечения и борьбы с «чужими» влияниями, но, если они действительно национальные художники, непременно возвращаются к «корням», к народной «почве». Даже советское литературоведение вынуждено было признать такие сильные стороны историко-литературной концепции «почвенников», как понимание подлинной взаимосвязи «настоящих» литературных явлений с «прошлыми», чуткость к развитию целого национальной художественной культуры, понимание живого значения традиций и стремление обнаружить их истоки¹⁷¹. Известно, что такой подход к творчеству Л.Н. Толстого позволил Н.Н. Страхову далеко опередить современников в понимании историчных смыслов его творчества, дать самые убедительные, непревзойденные интерпретации всех отдельных произведений (самых разных форм и жанров) и целостной картины художественной деятельности великого русского писателя. Страхов впервые оценил «Войну и мир» как органический результат длительного исторического развития русской литературы, ее народных и реалистических корневых традиций¹⁷².

Верность принципам григорьевской органической критики Н.Н. Страхов продемонстрировал и в работе над «Заметками о Пушкине и других поэтах» (1888), относительно которой и современные Страхову, и

¹⁷⁰ Страхов Н.Н. Главная задача истории // Исторический вестник. 1901. № 3. С. 1018.

¹⁷¹ См.: Гуральник У.А. Ап. Григорьев и Н.Н. Страхов // Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С. 469.

¹⁷² См., напр.: Там же. С. 470.

сегодняшние критики признают ее методологическую и содержательную значимость и плодотворность¹⁷³. Продолжил Страхов и григорьевскую критику увлеченности современных ему писателей и поэтов школы «исторического воззрения» понижающими сатирическими и ироническими формами. Он противопоставлял писателям-сатирикам Островского и Толстого как создателей действительно живых лиц, которым мы можем и сочувствовать, и негодовать, то есть можем признавать интерес и важность их духовной жизни. В этом суждении, замечает историк литературы, содержится явная парафраза григорьевской мысли об Островском, в свое время вызвавшей критическое несогласие Добролюбова и Чернышевского. Ссылка на Льва Толстого тоже не случайна: его опыт в системе доказательств Н.Н. Страхова должен был подтверждать правоту идеи о неизбежности возвращения русской литературы от (революционно-демократической) критики действительности «к утверждению положительных начал, к тому “прямому приему искусства”, который был утрачен после Пушкина»¹⁷⁴.

Вера в историю возможна благодаря конкретному и живому знанию о *рождении* и долгой жизни в веках подлинных «перлов создания» истории мировой культуры. Идеальное, в отличие от теоретических схем, не есть нечто, от жизни отвлеченное. «Как скоро знание вызреет до жизненной полноты, оно стремится принять литые художественные формы»¹⁷⁵, и это справедливо не только по отношению к историческому знанию, но ко всей сфере смысла: и в логическом развитии мысли есть возможность художественной красоты, если в самой мысли есть жизнь. Опуская вечно живые творения древности, Ап. Григорьев ответственно сообщает тем, кто еще этого не понял, не ощутил сам, как «поэтическая струя» бежит по

¹⁷³ См., напр., Гуральник У.А. Ап. Григорьев и Н.Н. Страхов. С. 472.

¹⁷⁴ Гуральник У.А. Ап. Григорьев и Н.Н. Страхов. С. 475.

¹⁷⁵ Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства. С. 19.

страницам, Карлейля, Тьерри и Маколея, а равно и «по абстрактной феноменологии Гегеля», «по строго логическому... изложению Шеллинга»¹⁷⁶.

Разумеется, конкретную историческую веру вызывает не только, а иногда не столько само произведение, но его создатель, личность, воплощающая в себе и исключительный индивидуальный дар, и талант народный, национальный, органически слитый с индивидуальным. Неслучайно Ап. Григорьев замечает и подчеркивает распространение биографических истолкований смысла произведений из области словесного творчества на критику пластическую и музыкальную. Художника нужно понять прежде всего как человека из плоти и крови, потомка известных предков, сына известной эпохи, известной страны, известной местности этой страны, причем, конечно, как наиболее даровитого из соплеменников, более других чуткого и отзывчивого «на кровь, на местность, на историю», – словом, как одно из полнейших выражений определенного типа; а затем нужно понять его личную натуру и личную жизнь; наконец, главное, нужно понять его как «великую зиждительную силу, действующую по высшему закону»¹⁷⁷.

Историческая критика как истинная критика, базирующаяся не на теоретическом (а значит, заведомо частичном, ограниченном) воззрении, а на историческом *чувстве* и *вере* в жизненную историю мастера и его произведения – это жизненная задача критика и как члена обществ, народа, и как органического элемента своей национальной культуры. А.А. Григорьев всегда подчеркивал ближайшее родство художника и критика, их

¹⁷⁶ См.: Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства. С. 19.

¹⁷⁷ Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства. С. 20; ср.: Леонтьев К.Н. Несколько воспоминаний о покойном Ап. Григорьеве (письмо к Ник. Ник. Страхову) // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. Т. 6. Ч. 1. СПб., 2003. С. 7–26.

впечатлительных натур, восприимчивых к вопросам и тайнам жизни, ее стремлениям и болезням. Критик «не в силах» выразить свое восприятие в цельном художественном творении, но он обладает в высшей степени «отрицательным сознанием идеала», он чрезвычайно тонко чувствует (именно чувствует, подчеркивает Григорьев, и это гораздо важнее знания), если что-то в чужих творениях «не так», «где есть фальшь в отношении к миру души или к жизненному вопросу, где не досоздалось или где испорчено ложью воссоздание живого отношения»¹⁷⁸. Таков именно был замеченный А.А. Григорьевым особенный критический талант Н.Н. Страхова, который часто повторял, что у него мало творчества, но много любви и силы понимания. Несмотря на многочисленные события политической, военной, гражданской, экономической сторон истории России, выпавшие на жизнь Н.Н. Страхова, от участия в которых он отнюдь не уклонялся, главным содержанием его жизни и его личной истории были, конечно, научные «черновики» и аккуратная, изящная, тонкая критика – «разъяснение и толкование мысли, распространение света и тепла, таящихся в прекрасном создании»¹⁷⁹. Страховская критика – прекрасный образец такого умения связать произведение с почвою, из которой оно родилось, рассмотреть отношение художника к жизни, углубиться критическим анализом в самую суть жизненного вопроса, «ибо иначе что же ей делать?»¹⁸⁰.

Всестороннее исследование основ и консолидация практик органического понимания истории – дело будущего. Очерчивая эпистемологические контуры этого понимания, уже теперь можно заметить, что его органичность не должна истолковываться в некоем понижающем смысле; это органичность экзистенциального порядка – усиленно рационального понимания жизненного единства истории, ее открытой

¹⁷⁸ Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства. С. 21.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Там же.

смысловой событийности, несводимой к обособленным или самодовлеющим идеям, критико-методологическим или метафизическим схемам. Придерживаясь принципа метафизической воздержанности, своего рода герменевтического *εποχή*¹⁸¹, А.А. Григорьев и особенно последовательно Н.Н. Страхов развивают его в нескольких эпистемологических средах – подвергая переработке «руды» Шеллинга, в связи с категориальным мышлением Аристотеля, логикой Гегеля, «чистейшего мистика»¹⁸², и ключевой для Страхова трансцендентальной эстетикой Канта. Органицизм в таком понимании есть его «эпистемологический стиль», когнитивно-стилистический лейтмотив или определенное познавательное настроение, а отнюдь не онтологическая или, тем более, «объективная» характеристика исторического понимания¹⁸³. Границы в органическом понимании истории пролегают, как, вероятно, мог бы сказать М.М. Бахтин, не между понимающим и понимаемым (его «объектом» и субъектом»), а в каждом из них – размечаются в самой энтелехии исторического понимания – в его конкретно-событийном, открытом смысловом единстве. А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов показали это, обращаясь к истории литературной критики,

¹⁸¹ Ср.: Гаврюшин Н.К. За кулисами философской драмы: метафизика и историософия Н.Н. Страхова.

¹⁸² Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 357–358.

¹⁸³ Замечательно суждение о методе литературной критики Н.Н. Страхова неоднократно уже цитированного Д.И. Чижевского (курсив мой. – Е.М.): «Для критических и историко-литературных работ Страхова характерно стремление *понимать* явления искусства, в частности литературы, *исторически*, что для него обозначает, однако, *не объяснения их из обстоятельств и условий их возникновения*, из «среды», а *понимание их из духа времени и народа*. ... Страхова побуждало к его историко-литературным работам, несомненно, кроме эстетического чувства также и сознание, что с философской точки зрения “история литературы представляет большой интерес и бесконечное поприще для созерцания”, – именно здесь можно найти материал для подтверждения основных идей философии истории». – Чижевский Д.И. Гегель в России. С. 314–315.

сгущенного понимания истории как правдивого повествования о смыслах, без которых, впрочем, невозможна никакая история.

2.3. Культурно-исторические исследования философско-научных утопий

Б.И. Пружинин замечает в своей книге в контексте разговора о науковедческих штудиях П.А. Флоренского, что в то время, когда разворачивались программы русской «положительной философии», обращение к «запросам нашего сердца», т.е. ценностно-ориентированному, «социокультурному», как теперь говорят, аспекту научного познания при анализе гносеологической проблематики было делом весьма неординарным¹⁸⁴. Если это верно, то еще интереснее выглядит необычный опыт Н.Н. Страхова как одного из первых оригинальных русских философов науки, который в середине XIX века анализирует ценностные и исторические предпосылки целого ряда концепций, уже тогда составлявших целую «историю мнений о жителях планет»¹⁸⁵. «Жители планет» – такое странное название дал он сначала статье, а потом и центральной по идейно-содержательной значимости части своей главной книги «Мир как целое». Содержание этого раздела подводит к важнейшему для всей страховской антропологии выводу о центральности положения человека в едином цельном мироздании; заключительная глава его названа «Человек – центр мира» – и при этом такое несерьезное общее заглавие – почему? Для привлечения внимания массового читателя? Для маскировки сложности проблемы и слишком серьезных выводов?¹⁸⁶

¹⁸⁴ См.: Пружинин Б.И. *Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии*. М., 2009. С. 141.

¹⁸⁵ Страхов Н.Н. *Мир как целое*. С. 209.

¹⁸⁶ Так, в ответ на критику Л.Н. Толстым в переписке стиля «Жителей планет» Страхов писал, кажется, тоже не вполне серьезно или, возможно, еще надеясь на опровержение: «Огорчение заключается вот в чем: Вам не нравится, когда я принимаюсь шутить (напр. Жители планет); я и прежде догадывался, что как только я оставлю сухие, холодные

Тем не менее, Страхов действительно знакомит своих читателей с изрядной коллекцией авторитетных ученых и мыслителей Нового времени, прямо или косвенно высказывавшихся по проблеме обитаемости внеземных миров. При этом собственное отношение к вопросу он не только выдает намеком через название и общий иронический тон всей статьи¹⁸⁷, но и явно провозглашает под заголовком «Правильная постановка вопроса». Эта глава начинается недвусмысленным замечанием о том, что «не только у нас нет никаких сколько-нибудь важных причин принимать существование планетных жителей, но что даже самое легкое, простое и ясное предположение будет именно отрицание этого существования»¹⁸⁸. Почти с

рассуждения (так отозвался один приятель вообще о моем писании), так у меня выходит что-то странное. ...Придется вперед оставить попытки на глубокомысленную и тонкую шутливость». – Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 21-22.

¹⁸⁷ Собрав разрозненные научно-популярные статьи в книгу «Мир как целое», Страхов подчеркнул в Предисловии эту мысль как выражение своего философского понимания современного состояния умов: «Люди мечутся, ища выхода, ищут страдания и почитают за стыд быть довольными этою жизнью, как она есть. Самые глупые, спиритисты, уже переделали мир по-своему и наслаждаются беседами с *жителями планет*. Другие, политические фанатики, мечтают о том, чтобы переделать человека, изменить ход *всеобщей истории*. Чтобы найти себе какой-нибудь выход, они разжигают в себе чувство недовольства современным порядком мира, жизнью, нравами и свойствами людей, и тогда начинают верить в какое-то *новое* человечество, которое будет свободно от самых коренных свойств человеческой природы и которое в сущности такая же мечта *в будущем*, как жители планет, беседующие со спиритистами, *в настоящем*. Так стремятся люди насытить желания своего сердца; одни вздыхают о прошедшем и погружаются в него, облекая его фантастическими красками; другие мечтают о будущем, третьи населяют планеты и звезды. Никто только не думает, что задача должна быть решена *теперь* и *здесь* и что всякое перенесение решения в другое время и в другое место есть только обман, которым мы сами себя тешим». – Предисловие к первому изданию. 18 октября 1872 г. // Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 68-69.

¹⁸⁸ Страхов Н.Н. Мир как целое С. 215. Интересно сравнить это здравомыслящее рассуждение с современным выражением столь же здравого понимания вненаучного

первых страниц, едва заинтриговав читателя обещанием ответить на вопрос, есть ли жители на планетах, автор заявляет, что планеты и звезды вовсе не нуждаются в жизни, что основная причина, по которой мы считаем планеты населенными, это наше желание придумать себе *иную* жизнь, отличающуюся от человеческой, от нашей. Как в древности это же стремление порождало олимпийских богов, подземных, водяных и воздушных духов, так же и теперь, когда благодаря научным исследованиям установлено, что «в указанных местах» этих существ нет, мы, опираясь на научные же открытия, решили, что *иная* жизнь может находиться на иных планетах. Астрономия, доказав бесконечность мироздания, тем самым «развязала нам руки»: если строгие изыскания покажут, что на планетах Солнечной системы жителей нет, мы будем продвигаться дальше, потом еще и еще дальше, «в приятной уверенности, что места для наших поселений всегда хватит»¹⁸⁹. Представление о жизни, радикально отличающейся от нашей, крепко и глубоко укоренено в сознании и имеет огромное значение, поскольку связано неразрывно с тем смыслом, который мы придаем нашей земной жизни, как светлый или темный фон для ее восприятия и оценки¹⁹⁰.

В чем же тогда состоит интерес самого автора разбираться с заведомо ясным вопросом? Скорей всего, я думаю, здесь сыграл решающую роль тот

происхождения интереса к «инопланетянам». На просветительском сайте публикация отрывка из книги «Пять нерешенных проблем науки» А. Уиггинса и Ч. Уинна начинается словами: «Ученых, как и всех, будоражит возможность существования внеземной жизни. Однако действительность такова, что, помимо представлений на кино- и телеэкране, на страницах книг, на сайтах Всемирной Паутины и бесчисленного числа рассказов «очевидцев», *нет ни одного научного свидетельства наличия жизни вне Земли*. Тем не менее научные поиски ведутся на обоих фронтах, теоретическом и экспериментальном». – Доказательства внеземной жизни. Внеземные формы жизни 31.08.2009. // Модели Вселенной. Теории, гипотезы, загадки. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nasha-vselennaia.ru/?p=322>

¹⁸⁹ См.: Страхов Н.Н. Мир как целое С. 216-217.

¹⁹⁰ См.: там же.

весьма характерный для него познавательный мотив, в котором Н.Н. Страхов признавался позднее и о котором уже шла речь как одном из стимулов полемической активности Страхова: «Нет ничего интереснее, как исследование заблуждений»¹⁹¹, ведущее к познанию глубин человеческой сущности. Считая предрассудки и заблуждения видом «творчества», постоянно живущего в душе человека и имеющего корни в самом его существе, Н.Н. Страхов воспользовался случаем присмотреться к истории типичного околонуточного заблуждения. Наука, писал он, обычно гордится тем, что разоблачает предрассудки и разрушает заблуждения; но разрушением нельзя «насытиться», и если наука только разрушает, то она становится пуста с точки зрения человеческого смысла знания. «Таким образом, тут возникает вопрос и о целях и действиях науки, и о душевной жизни, взятой в ее целостности»¹⁹². Мысль эта – не только оригинальный аргумент Страхова в пользу известной характерной установки русской философии на выработку цельного знания о цельном человеке, но и представляется хорошим примером того самого «обращения при анализе гносеологической проблематики к “запросам нашего сердца”», одно из самых ясных выражений герменевтико-эпистемологических склонностей философа.

Поскольку сам Н.Н. Страхов ни в каких, по-нашему говоря, инопланетян, не верит, то он выбирает для своей герменевтики научных «предрассудков и заблуждений» не просто ходячие мнения, но ряд известных в читающем мире произведений авторитетных в науке и просвещении авторов, выразивших эти мнения наиболее последовательно, осознанно и обоснованно – ведь именно характер рассуждений и предрассудков интересует его прежде всего.

¹⁹¹ Страхов Н.Н. О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). СПб., 1887. С. VI.

¹⁹² Там же. С. VII.

Первым и важнейшим разбираемым автором Страхов выбирает Лапласа с его «Изложением системы мира», в котором о «жителях планет» не говорится почти ничего, признается только весьма высокая вероятность их существования на том основании, что мир велик. Вкратце аргументация Лапласа очень проста: поскольку человек земной, скорей всего, не смог бы жить в ином температурном и, шире, климатическом режиме, чем тот, в котором он живет, то должно быть по крайней мере столько форм жизни, сколько существует различных температурно-климатических планетных режимов. Даже на земле жизнь разнится в различных климатических зонах, а следовательно, многообразие организации жизни на различных планетах и спутниках таково, что самое богатое воображение с ним не справится, «но их существование, по крайней мере, очень вероятно»¹⁹³. Сначала Н.Н. Страхов как будто не собирается обсуждать вероятность и степень различий «организаций», произведенных в бесконечном множестве планет, а обращает внимание на воспевание математиком, скептиком и материалистом Лапласом «высокого достоинства» науки астрономии, открытия которой много послужили географии и мореплаванию, но наибольшее их благо состоит в том, что благодаря им рассеян страх перед небесными явлениями, а также искоренены заблуждения и суеверия, «порожденные незнанием наших истинных отношений к природе»¹⁹⁴. Какое такое особенное величие и достоинство видит Лаплас в астрономии? Лаплас говорит, что астрономия раскрыла перед человеком подлинную систему мира. Привело ли это к познанию сущности мира? Отнюдь нет. Что же имеет в виду Лаплас под «истинными отношениями к природе»? И что за «тайная мысль» привела создателя «Небесной механики» к столь явно непоследовательным рассуждениям?¹⁹⁵. Ключ к раскрытию тайны восхищения Лапласа

¹⁹³ Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 210-211. Фрагменты работ Н.Н. Страхов дает в своем переводе.

¹⁹⁴ Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 211.

¹⁹⁵ См.: Там же. С. 212-213.

астрономическими открытиями Страхов находит в его допущении реальности обитаемых миров, что могло бы считаться важнейшей истиной в познании мира. Подобно тому как великие географические открытия раскрыли людям глаза на многообразие и закономерности форм жизни на земле, так обследование космоса должно показать, что человек – «песчинка в океане существования, и жизнь его со всем ее содержанием, с его знанием и душой – ничтожна, как чуть видная волна в этом океане»¹⁹⁶. На самом деле, не в том главное, что человек считал раньше землю неподвижной, а в том, что он себя, свой род принимал за единственное богоподобное творение в мире. Отсюда и проистекают мнения, которые выражает, в частности, Лаплас. Высоту предмету астрономии придает та мысль, что звезды – это огромные миры, а не «безжизненные круглые глыбы», они наполнены всеми сокровищами жизни и так же прекрасны, как наш мир. Поэтому наше понятие о мире нельзя считать удовлетворительным, пока мы не узнали об этих бесконечных мирах¹⁹⁷.

Такой перенос опыта удивления земному многообразию на вселенную Н.Н. Страхов объясняет только «прямым остатком старых привычек» земных первопроходцев ожидания от расширения изведанных пространств все нового, необычного, неповторимого. Привычка-предрассудок этот весьма распространен среди людей самого разного склада ума, в пример чего Страхов приводит высказывания и скептика Конта, и верующего Шеллинга¹⁹⁸. Научно трезвый же взгляд на развитие астрономии показывает, что в мироздании царит однообразие, а не разнообразие. «Чего не выдумывали люди в рассуждении звезд и планет! ...Что же оказалось? Планеты – та же земля; звезды – то же солнце; и до бесконечности небес все то же и то же, все солнца да планеты, да пространство, не имеющее

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ См.: Там же. С. 214.

¹⁹⁸ См.: там же. С. 227-228.

конца...»¹⁹⁹. К этому на первый взгляд иронично-развлекательному фрагменту текста Н.Н. Страхова Н.П. Ильин дает весьма серьезное примечание о том, что мысль Страхова вполне совпадает с тем утверждением о единстве фундаментальных свойств материального мира, которое в современной физике называется «космологическим принципом»²⁰⁰. Единство законов и сил на земле и на небе в философии Страхова имеет основополагающее значение, которое раскрывает вся книга, а именно, это не то значит, что мы хотим сделать нашу землю эталоном и мерой всей вселенной, но что наоборот, «величие целого мироздания отражается в Земле, что в ней вполне выразилась сущность мира»²⁰¹.

Итак, если с познавательным предрассудком бесконечной новизны мира более или менее ясно, то что еще интересного может дать нам

¹⁹⁹ Там же. С. 227.

²⁰⁰ См.: там же. С. 498.

²⁰¹ Там же. С. 229. К рассуждению о единообразии законов природы примыкает по смыслу еще один ироничный фрагмент, ирония которого продолжает быть актуальной вот уже 150 лет, а энтузиасты установления контактов с инопланетными учеными, кажется, не переведутся никогда: «Законы механики в этом отношении совершенно похожи на теоремы геометрии. Эти теоремы справедливы везде без исключения. На этом замечании был даже некогда построен весьма основательный проект, имевший целью войти в сношения с жителями Луны. Какой-то ученый, и едва ли не немецкий, предлагал какому-то правительству, и едва ли не русскому, где-нибудь на больших пространствах изобразить яркими огнями какой-нибудь геометрический чертеж, например чертеж Пифагоровой теоремы. Жители луны, которые, вероятно, не менее Пифагора радовались открытию этой теоремы и, может быть, так же принесли за это в жертву богам сто лунных быков, без сомнения, узнали бы чертеж и любезно отвечали бы нам другим чертежом. Ученый, кажется, прибавлял еще, что если бы этот способ не удался, т.е. если бы оказалось, что жители Луны не знают геометрии, то мы бы, по крайней мере, убедились, что с ними не стоит знакомиться». – Там же. С. 223. По-видимому, некоторые культурно-исторические «внутренние формы» научного творчества имеют силу для всей истории науки, сколько бы она ни продлилась, и как бы ни преобладал фальсифицирующий опыт над верифицирующим.

рассмотрение других «образов» «жителей планет», представленных в научно-популярной литературе европейского просвещения? Если не естествознание, не знание о мире, а собственные потребности человеческой души являются источником фантазий о «жителях планет», то что мы можем узнать о себе из частных случаев выражения веры человека в существ более совершенных, чем он²⁰²? Мы мысленно улетаем к счастливым жителям планет, чтобы отдохнуть от тоски и скуки земной жизни. Такие весьма многочисленные мечты, поясняет Н.Н. Страхов, носят «техническое название – *утопии*»²⁰³. По источнику утопических фантазий ясно, что они выражают относительно высокие стремления человеческого ума, что в них часто высказываются «возвышеннейшие и благороднейшие надежды и желания»²⁰⁴.

Сравнивая утопические сказки французских просветителей «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля и «Микромегас» Вольтера²⁰⁵ как частный случай, в котором выразились стремления к *иной* духовной жизни, Страхов герменевтично указывает индивидуальные личностные особенности авторов-современников, блестящих, остроумных писателей, сказывающиеся и на смысле и значении их произведений-утопий: «Вольтер часто наивен, прост, приходит в действительное затруднение перед вопросом и делает искренние восклицания». Его визави в страховском сравнении Фонтенель «всегда лукав и коварен, всегда доволен своим умом и своими словами и делает восклицания только в шутку»²⁰⁶. Страхов догадывается, что Фонтенель от того равнодушен к иным мирам, что и наш мир вызывает у него равнодушное отношение. Он с удовольствием играет, воображает мир, будто перетасовывает карты, остроумие его вполне удовлетворяется этой игрой, и он восторженно называет свои фантастические выдумки удивительными

²⁰² См.: Там же. С. 230.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Страхов Н.Н. Мир как целое. Гл. IV. С. 229-246.

²⁰⁶ Там же. С. 231.

секретами природы²⁰⁷. В своем сочинении этот ученый писатель часто позволял себе невозможные, противоречивые сочетания, но, как думает Страхов, не замечал этого, потому что «любил противоречия, находил в них свое удовольствие»²⁰⁸. Вольтер, в оценивающей трактовке Страхова, не только справедлив в высмеивании недостатка вкуса у Фонтенеля, но, что важнее, смысл сказки Вольтера много выше Фонтенелевых рассуждений. Вольтер не столь был доволен своей и общей жизнью, он переживал глубоко социальные вопросы и в своей утопии о жителях планет выставил их вперед²⁰⁹. Поэтому Страхов пересказывает несколько отрывков из сказки Вольтера, присоединяя свой исторический и научный комментарий: «Вольтер осмеивает земную жизнь», непосредственно перенося черты ее на другие планеты и показывая частные обстоятельства своего времени, в качестве общих и необходимых явлений. Тем самым Вольтер резче обнаруживает всю их «случайность и неразумность»²¹⁰ (речь идет, например, о невежестве судей, о преследовании еретиков, авторов книг и т.п.).

²⁰⁷ См.: Там же. С. 233.

²⁰⁸ Там же. С. 233. Н.Н. Страхов делает еще одно интересное замечание о стиле Фонтенеля: «Между прочим, в течение своей долгой жизни он постоянно писал похвальные речи умершим ученым; в этих речах тот же дух [противоречия], то же стремление. Никогда, даже говоря о величайших умах человечества, Фонтенель не мог найти точки опоры для своих суждений, не мог понять той глубочайшей природы лица, из которой объясняются все его действия. Поэтому на величайшие подвиги и заслуги он умел смотреть с дурной стороны и был очень доволен тем, что его похвалы походили на насмешки. ...Фонтенель принимал за изящество какую-то изысканность, вычурную иногда до нестерпимости». – Там же. Здесь Страховым отмечена, хотя никак не названа, одна характерная черта эстетики просвещенческой светскости, о которой в XX в. писал Гадамер, – эстетическая «профанация», «кощунство» и «вандализм», против которых восстает настоящее искусство, в произведении которого «всегда присутствует нечто сакральное» (см.: Гадамер Г.-Г. Истина и метод. С. 199.).

²⁰⁹ См.: Страхов. Мир как целое. С. 233.

²¹⁰ Там же. С. 235.

Замечательна, с точки зрения Н.Н. Страхова, и форма, в которой Вольтер выражает недовольство. Будучи истинным сыном своего XVIII века, «Вольтер принимает за величайшее зло жизни *скуку*»²¹¹, он дает картину «целого взгляда на жизнь», представляющую «странное смешение пессимизма и оптимизма»: в этой картине мы недовольны жизнью, чувствуя свое глубокое несовершенство и мимолетность жизни и завидуя высшим существам; но зависть эта напрасна, потому что высшие по сравнению с нами существа так же недовольны своей жизнью и собой, у всех желания превышают потребности, а потребности превышают их удовлетворение; посему здравомыслящие при любой продолжительности и богатстве жизни умеют примириться со своей долей²¹². Смысл вольтеровского рассказа, очевидно, состоит в том, что дело не в краткости жизни, тем более, что по сравнению с вечностью оно всегда будет ничтожно. Нужна другая мера, и этой мерой, как должен понять вдумчивый читатель, не может быть что-нибудь кроме *содержания* нашей жизни²¹³.

Одновременно Страхов обращает внимание на несуразности (с точки зрения не логики, но новейшего естествознания) в понятиях и представлениях ученых людей XVII-XVIII вв. Так Вольтер и Лейбниц считали возможным существование живых существ огромного размера, и такого рода представления можно считать обычными для всех людей любых эпох и народов, как проявление типичной естественной ошибки человеческого ума. «Ум человеческий ошибается, если, *не зная* связи, он полагает, что *нет* связи»²¹⁴, и успех науки именно в том и состоит, что

²¹¹ Там же. С. 240.

²¹² См.: Там же. С. 239-241.

²¹³ Там же. С. 241.

²¹⁴ Там же. С. 236. И снова мы встречаем здесь пример «глубокомысленной шутливости» Н.Н. Страхова: «...На нашей скромной планете, как известно, смешон был бы тот, кто, будучи высокого роста, стал бы на этом основании смотреть свысока на других людей; точно так же мы не считаем особенно основательным, если люди маленького роста

показывает связь там, где до сих пор ее не находили. Так и связь между формой и величиною несомненна, что хорошо понимали греки и поэтому Геркулеса представили человеком среднего роста²¹⁵. Далее целую главу Страхов посвящает подробному и убедительному опровержению представлений Фонтенеля, Вольтера и Конта (а на самом деле, конечно, обращается к современникам, да и к потомкам, носителям той же самой «естественной ошибки человеческого ума») о возможности существ, обладающих большим по сравнению с земными, количеством «внешних чувств», т.е. ощущений и восприятий²¹⁶.

Специально Страхов обращает внимание на пародийное изображение Вольтером учения Локка о множественных субстанциях и свойствах. Он «хвалит» талант Вольтера – не так легко выставить столь просто и выпукло характерные черты учения, доведя их до такой степени ясности, что сама собой становится очевидной, «осязательной», мелкость и фальшивость пародируемого взгляда²¹⁷. Вольтеровский персонаж говорит об открытии

считают себя обиженными природой и не могут утешиться в этой обиде. В век Вольтера, между прочим, любили высоких женщин, нынче, как известно, значение этого свойства несколько ослабело». – Там же. С. 237. Многочисленные подобные замечания в статьях и книгах Страхова позволяют догадываться, насколько содержательным, увлекательным собеседником он был в личном общении, почему так ждали его приездов и не наскучивались его многодневным общением Толстой, Фет, Данилевский и другие не слишком общительные интеллектуалы, хотя в больших компаниях Страхов вел себя крайне скромно и молчаливо.

²¹⁵ См.: Там же. С. 236.

²¹⁶ См.: Там же. С. 246-255.

²¹⁷ См.: Там же. С. 244. Думается, в этом замечании о трудности ясного и убедительного разоблачения ошибок, корнящихся в свободе мышления, сказался, в том числе, десятилетний опыт Страхова-педагога, преподавателя естествознания в гимназиях, где ему приходилось год за годом выслушивать самые безудержные детские фантазии и искать доступные подросткам формы разъяснения ограниченности возможного в действительном мире.

сатурнийцами трехсот необходимых свойств вещества и тридцати субстанций, включая в это число и Бога. Но необходимых, существенных свойств не может и не должно быть много: цель познания состоит в том, чтобы вывести все из единого основного свойства, из некой коренной черты сущности, и чем меньше качеств, тем больше они говорят о сущности, к которой относятся²¹⁸. Изобилие субстанций, с которыми уравнивается и Бог, свидетельствует также о слабости познания, поскольку мышление – «есть сведение многого на одно». Количество познаний само по себе не представляет ценности, и эту древнюю мудрость, наверное, можно признать универсальной в истории, хотя ее постоянно приходится повторять перед лицом увлечения многознанием без ума, любопытствующей «жадностью, доходящей до истинной прожорливости»²¹⁹.

Как истинный рационалист и гегельянец, Н.Н. Страхов воспекает настоящее высшее достоинство человека – мыслящий разум: «Ум – центральная, сосредоточивающая сила»²²⁰. Ум останавливается на том, обзревает то, что уже в его власти, именно он определяет центральные вопросы, он сам устремляет на них свое внимание и, по своему выбору, обходит то, что от этих вопросов далеко. Так поступает ум в каждой отдельной науке, в каждом исследовании, так же и в отношении ко всей жизни, к целому миру – ум определяет стратегию. Ум – настолько свободная активность, что перед ней открыты все пути. Никак нельзя представить, чтобы где-нибудь во вселенной ум был бы еще свободнее, чем на Земле, в постановке вопросов и избрании предметов. «Не хуже других обитателей мира мы умеем избрать глубочайшую и занимательнейшую задачу»²²¹.

²¹⁸ См.: Там же.

²¹⁹ Там же. С. 245.

²²⁰ Там же. С. 245.

²²¹ Там же. С. 246. В связи с вопросом о мировоззренческих основаниях деятельности сильного ума в области проблемы существования/поиска внеземных разумных существ немалый интерес представляет случай выдающегося астрофизика XX в. Иосифа

Самуиловича Шкловского, который, будучи одним из лидеров проекта SETI в СССР, «вдруг» заявил о переходе на противоположную позицию уникальности земного человеческого разума. Приведем фрагменты рассуждения об этом коллеги и биографа И.С. Шкловского, Л.М. Гиндилиса: «Изменение позиции Шкловского по проблеме множественности обитаемых миров явилось полной неожиданностью для многих и до сих пор продолжает волновать тех, кто интересуется проблемой SETI. Как понять эволюцию его взглядов? ... Думаю, разгадка лежит в личности Шкловского. Он был не только крупнейшим астрофизиком нашего времени, но и человеком широко талантливым: хорошо рисовал, прекрасно знал поэзию, мог без конца наизусть читать стихи, обладал удивительным даром рассказчика и незаурядным литературным даром. ... Но все это характеризует его не в полной мере. Шкловский обладал одним редким качеством – он был *мыслителем*. Он серьезно интересовался глобальными проблемами современности задолго до того как появился и получил права гражданства сам этот термин. ... Он указывал на необходимость изучения закономерностей развития космических цивилизаций, подчеркивал, что проблема внеземных цивилизаций является, в первую очередь, проблемой социологической, ее нельзя подменять более узкой задачей связи, тем более акцентируя внимание на технических аспектах межзвездных коммуникаций. Как мыслителя Шкловского не удовлетворяла наивная вера некоторых исследователей в то, что достаточно построить большой радиотелескоп, и вековая проблема установления связи с внеземным разумом будет решена. Он называл такую точку зрения "подростковым оптимизмом", и мне кажется, она вызывала у него известное раздражение. Может быть, эта неудовлетворенность, этот внутренний протест против упрощенческого подхода к проблеме породил разочарование и тем самым сыграл определенную роль в эволюции его взглядов. ... В чем же причины глубоко пессимистического взгляда Шкловского на проблему внеземных цивилизаций? Думаю, они состоят в следующем. Шкловский никогда не был безразличен к судьбе нашей земной цивилизации. *Остро ощущая противоречия современного мира, всю несообразность жизни на нашей планете, он пришел к ощущению крайнего пессимизма во всем, выражением которого и явилась идея об одиночестве нашей цивилизации, а позднее – о тупиковом пути, связанном с приобретением разума.* (Курсив мой. – Е.М.) Думаю, это трагедия крупного ученого и гражданина, мысль которого не могла смириться с тем, что он видел на Земле, и который на какой-то момент потерял светлую перспективу». – Гиндилис Л.М. SETI: Шкловский, Каплан и Пикельнер. Доклад на конференции "Современные проблемы астрофизики", посвященной памяти И.С. Шкловского, С.А. Каплана и С.Б. Пикельнера. Москва, ГАИШ,

Н.Н. Страхов нашел в XVII веке только одного автора-ученого, не отошедшего в интересующем его вопросе от позиции строгого научного применения ума и здравого смысла, о котором он еще раз напоминает в конце статьи: «Самый простой и правильный взгляд на жителей планет... это и самый обыкновенный взгляд»²²². Если не впадать ни в философские фантазии, как Вольтер, ни в скептицизм ученых, то, конечно, легче и всего разумнее предполагать, что если и есть другие населенные миры, то там живут такие же существа, как на земле. Здравомыслящим ученым был выдающийся математик и астроном Гюйгенс, написавший книгу «Зритель мира, или О небесных странах и их убранстве». Об этой книге Страхов пишет с глубокой симпатией, что автор ее последовательно и строго доказывает, что в своих существенных качествах и свойствах жители любых планет должны быть похожи на человека, так же как и другие живые существа должны быть похожи на земные организмы. Страхову нравятся простота и неизысканная меткостью суждений Гюйгенса, он подчеркивает основательность аргументов, пусть не всегда сильных и строгих. Гюйгенс, как считает Н.Н. Страхов, ошибается как раз там, где предполагает разницу между людьми и жителями планет – в этих предположениях нет никакой основательности, одна выдумка, вроде расположения глаз не на том месте, как у нас или о других представлениях о красоте и т.п.²²³.

сентябрь 1996. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cmm.univer.omsk.su/seti/1-3-1-w.htm>

²²² Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 261.

²²³ См.: Там же. С. 262-263. И эта «вечная» разновидность заблуждения многие годы была темой страховских размышлений: «Источник фальши, очевидно, заключается в самой двойственности человеческой жизни. Что бы мы ни делали, что бы ни чувствовали и ни мыслили, все существует для нас в двух видах: во-первых, как действительность, как действительное дело, чувство, мышление, и, во-вторых, как идея, представление об этом самом деле, чувстве и мысли. Эта способность представления и ведет нас к фальши, так как дает возможность человеку уклоняться от действительности и вместо настоящих

Симпатия Страхова к Гюйгенсу выражена откровенно, без обиняков, он называет ее оставляющей сильное впечатление, несмотря на то, что ее очень мало знают, а многие совсем не понимают, принимают за неудачную фантазию, «неприличную для ученого мужа»²²⁴. Н.Н. Страхов подчеркивает, что книга написана во время, когда естественные науки еще только поднимались и делали первые, хотя гигантские открытия. И вот теперь, читая Гюйгенса, нельзя не удивляться, что позднейшие исследования не только не опровергли его взглядов, но могут рассматриваться как всё большее их подтверждение. Это показывает, что идеи Гюйгенса относятся к тому ряду верных и простых идей, которыми люди пользуются веками, что он совершенно верно и просто понял новый исследовательский дух, только проникавший в его время в науки о природе, а это, конечно, делает Гюйгенсу как ученому величайшую честь²²⁵. Страхов, заметим здесь, и сам был, на взгляд многих, ученым и писателем странным, но в конце своей полувековой творческой жизни он радовался тому, что мог смело переиздавать без исправлений свои ранние научно-философские работы, в том числе «Жителей планет».

Единство и целостность мира, единство и взаимозависимость изучаемых наукой явлений проявляются для Н.Н. Страхова и в такой существенной черте времени, которую мы называем глобальной культурой. Он считает важной эту объединяющую роль науки в духовной общности

явлений производить их подобия». – Н.Н. Страхов. Главная задача истории // Исторический вестник. 1901. Т. 83. № 3. С. 1012-1013.

²²⁴ Сильное впечатление, произведенное на Н.Н. Страхова книгой Гюйгенса, подтверждается использованием афористичной формулы ее заглавия – «зритель мира» – в важнейшей из ранних философских работ молодого ученого: «Самая удивительная загадка заключается не в том, что мир существует, а в том, что у него есть зритель». – Страхов Н.Н. Главная черта мышления // Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб., 1895. С. 119. Подробнее см. гл. II, § 1.

²²⁵ См.: Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 263.

людей, которые все, независимо от страны проживания, гордятся тем, что унаследовали плоды умственной жизни и греков, и римлян, и индусов, и что каждая мысль и любое открытие, откуда бы они ни пришли, находят отклик во всех краях просвещенной земли. «Мы стремимся с жадностью поглощать все явления духа, каковы бы они ни были»²²⁶. Рациональная научная вера Страхова периода работы над книгой «Мир как целое» проявляется и в убежденности в возможности открытия нравственных законов. Страхов в молодости думал, что наша духовная жизнь происходит и изменяется не менее правильно, не менее закономерно, чем совершаются какие-нибудь чисто природные физические или химические явления²²⁷, и не исправил этого суждения при переиздании книги через двадцать лет. Это, однако, не материализм, как можно было бы поспешно повесить «диаматовский» ярлык, а скорее, органический холизм: все психические явления тесно взаимосвязаны и вытекают из единой сущности. Главная мысль тут та, что психический мир – тоже целое, и его части не могут быть произвольно перестраиваемы, их нельзя понимать как совершенно автономное сочетание свойств, созданное «капризной фантазией чуждых нам сил» и вложенное в нас внешним образом²²⁸. Следовательно, необходимо выявить «законы» их развития из того глубинного и таинственного начала сущности человека, где дух и тело сливаются, где, как в центре тяжести, сосредоточено все наше существо и существование²²⁹.

²²⁶ Там же. С. 266.

²²⁷ См.: Там же. С. 231. В уяснении Н.Н. Страховым границы возможностей решения последней задачи – показать необходимое развитие духовной жизни из единого целостного духовно-телесного начала – огромную роль сыграли творчество и личность Л.Н. Толстого, который именно гениально умел «показывать» душевное и духовное развитие человека с такой степенью правдивости, какой невозможно достичь на путях рациональной, научно формулируемой истины.

²²⁸ См.: Там же.

²²⁹ См.: Там же.

Человек – загадка и задача, решение которой может выноситься, при определенных социокультурных условиях развития познания и практики, – в вымышленные формы «инопланетных цивилизаций». В XVII-XIX вв. – время научно-познавательного оптимизма – фантазии об инопланетянах носят в основном характер утопий, которым здравый гуманистический смысл придает добрую, позитивную окраску. В XX веке – веке мировых войн и революций – и в мире инопланетян господствуют сюжеты войны, жестоких столкновений добра со злом, причем сила зла неимоверно, фантастически велика, а инопланетная жизнь, как и историческая перспектива землян, предстает в основном в трагических антиутопиях. Но это в общей логике движения знания. А у индивидуального мышления перспектив гораздо больше. Со временем, в ходе глубокой внутренней философской работы Н.Н. Страхов признал проблематичность логики истории идей²³⁰ и первенство «вечного» духовно-религиозного измерения проблемы самопонимания человека, выражающегося в том числе в представлениях о «другой» жизни. Но оставаясь на позициях строгого мышления, он никогда не мог преодолеть предметную и эпистемологическую недосказанность в вопросе о законосообразности нравственного развития, нерешенности тайны будущего, многообразия возможностей человеческой (не инопланетной!) жизни.

²³⁰ Д.И. Чижевский, считавший Страхова последовательным гегельянцем, видел главную идею статьи о «жителях планет» в том, что отказ от антропоцентризма ведет к возрождению античного учения о «вечном возвращении», которое действительно вскоре провозгласил Ф. Ницше (см.: Чижевский Д.И. Гегель в России. СПб., 2007. С. 320.). Чижевский в этом усматривал одно из проявлений страховских пророчеств. Для настоящего момента, думается, еще более актуально замечание Чижевского, «что Страхов во многом правильно оценил не только свою – западную и русскую – современность, но даже будущее: рецидивы примитивнейшего биологизма и натурализма живы и сейчас!» – Чижевский Д.И. Гегель в России. СПб., 2007. С. 321.

Глава 3. Герменевтическое кредо Н.Н. Страхова:

онтико-эпистемологические смыслы

3.1. Самопонимание и «зеркала сочувствия»

Мотивируя свое присутствие в современной ему «сфере разговора» двойной заботой – как об устойчивости выражения мысли самой по себе, так и о ее выразительной определенности, пользе для читателя, Н.Н. Страхов был чрезвычайно критичен по отношению ко всяческой «воздушности», неопределенности, нетвердости понятий и рассуждений и, одновременно, последовательным образом задавал неформальные герменевтические условия своим текстам. Высказываясь для других посредством обращения к речи других, развивая свой «необыкновенный дар цитат», Страхов оказывался парадоксально одинок в конкретно-социальных отношениях. Критико-герменевтический рационализм Страхова парадоксальным образом обрекал его на особенное, незавершимое познавательное одиночество – одиночество служения.

Н.Н. Страхов должен быть отнесен к тем русским мыслителям, чья жизнь прошла на виду у всех. Родившийся и выросший в семье белгородских церковнослужителей, он решительно отказался от церковной карьеры, несмотря на настояния дяди, архиепископа Нафанаила, который заменил ему рано умершего отца. Он предпочел университетскую среду и общество разночинной русской интеллигенции, где со временем заслужил репутацию энциклопедического и основательного собеседника. Страхов был беден, он не создал семьи и не обзавелся хозяйством; домом его становились попеременно костромская семинария, два петербургских университета, затем гимназии в Одессе и Петербурге, в которых он преподавал естествознание и математику; еще позднее обживал редакции журналов «Время», «Эпоха» и «Заря»; служил двенадцать лет в Императорской публичной библиотеке; Н.Н. Страхов был желанным гостем у Федора Михайловича и Анны Григорьевны Достоевских, подолгу жил летом в Ясной Поляне у Толстых,

отдыхал душой и поправлял здоровье в крымской Мшатке у Данилевских, систематически отмечался на художественных мероприятиях и самозабвенно слушал оперу, регулярно бывал на публичных лекциях, «вторниках Милюкова», «пятницах Полонского», «четвергах Бестужева-Рюмина», сам принимал посетителей по «средам», вел обширную переписку. При этой своей внешней социальной вовлеченности Страхов, тем не менее, прожил жизнь скрытную, одинокую, не вполне понятную даже многим проницательным его друзьям и сподвижникам.

Числивший себя единственным страховским учеником В.В. Розанов во все время знакомства с ним выражал печаль о неустранимой «разделяющей завесе», некой «пленке благоразумия», не позволяющей интимно приблизиться к учителю, несмотря на искреннюю полную со своей стороны открытость. Страхов, как всегда при переходе к личности, уходил от ответа, хотя и сдержанно благодарил «за указание недостатков»: «Вы правы, хотя я смотрю на дело несколько иначе»²³¹, и только Толстому признавался в своих серьезных опасениях, писал, что из-за возможности преувеличить свои достоинства и свои недостатки боится фальши и потому предпочитает не раскрываться. «Я пропитан скептицизмом, и потому крепко держусь за ясные, твердые истины.»²³².

Страхов больше и прежде всего был мыслителем, он исповедовал бытовой и душевный аскетизм для умственной свободы и полноты творческой жизни. «Главное дело в том, чтобы рассуждать, мыслить», а для этого надо иметь время и силы, чтобы не барахтаться, а плыть в великом океане мысли, от книги к книге, от автора к автору, серьезно принимать участие в бесконечном разговоре с бессмертными произведениями. «Сижу дома, один среди своих книг ... Не могу сказать, однако, чтобы дурно себя

²³¹ Розанову 25 октября 1892 г. // Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 112.

²³² Страхов – Толстому 24 августа 1892 г. // Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полн. собр. переписки: в 2 т. Т. 2. С. 911.

чувствовал»²³³ – писал Страхов в дни своей продолжительной болезни. Выраженная в слове мысль уже сама по себе не одинока – она приходит в связи с чьим-то вопросом, высказыванием, обдумывается в определенной «сфере разговора», и рано или поздно будет понята, принята или оспорена.

Одна из самых замеченных особенных черт письма Страхова – его «необыкновенный дар цитат»²³⁴. Это не было случайной особенностью индивидуальности, ни простым следствием отличной памяти или азартом коллекционера красивых формулировок. Страхов был интеллектуально весьма чувствителен ко всякой неопределенности, «воздушности», нетвердости рассуждений и понятий и задавал себе самые высокие планки требований к текстам; в цитировании он нашел верный способ полагаться на укорененность мысли в традиции, в языке для «заземления» смелых теоретических соображений. Он рассказывал Розанову, как мучило его в молодости «это легкое движение мыслей», видя в работах начинающего писателя тот же порок, – и как «отделался от него» тем, что стал опираться на известных и неизвестных писателей. Мысль, опубликованная в книге или в журнале, знаменитого ли философа, или безымянного автора, составляет уже факт и не может подвергнуться умолчанию, уничтожению, а подлежит обсуждению. Таким образом, ссылка не на себя, а на «всякие книги», разговор как бы не от собственного имени, а чужими словами, через сопоставление и толкование какого-нибудь автора позволяли Н.Н. Страхову «чувствовать себя на твердой почве»²³⁵.

Примечательна и поучительна в этом смысле история о том, как Н.Н. Страхов обсуждал со своими корреспондентами и с самим автором книгу П.А. Бакунина «Основы веры и знания» (1886). 18 мая 1888 г. Страхов сообщал Розанову о том, как встречался с автором книги, написанной «в

²³³ Розанову 22 января 1893 г. // Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 116.

²³⁴ Розанов – Страхову 4 февраля 1891 г. Там же. С. 252.

²³⁵ Страхов – Розанову 29 апреля 1888 г. Там же. С. 12.

хорошем и истинно философском духе»²³⁶, как Бакунин с горечью говорил, что книга его дурно написана (и что Страхов считал совершенно справедливой оценкой), что ему самому порой не ясно, какую мысль он выражал словами и фразами, напечатанными в его книге. «Я себя испортил, – говорит он, – я писал для себя и позволял себе самые странные выражения своих мыслей»²³⁷. Н.Н. Страхов всегда писал тексты, в том числе и философские, первоначально в формате журнальной статьи, а потому имел возможность рассчитывать на отклики читателей, которые указывали ему, где он «позволил себе» неточность, неясность, а где, напротив, он заслужил «такую награду, что выше и быть не может»²³⁸ – такова была каждая редкая, но драгоценная благодарность Л.Н. Толстого.

Н.Н. Страхов, всегда оставаясь в сфере разговора, всегда адресно говорит и мыслит. Один из самых внимательных и глубоких почитателей Страхова, много расспрашивавший писателя при подготовке его биографического очерка, Б.В. Никольский писал о его особой непредвзятости, о том, что личные отношения не играли никакой роли в суждениях Страхова о людях и предметах, и наоборот, умственные симпатии определяли его личное отношение²³⁹. Прожив, например, двадцать лет рядом с Д.И. Стахеевым в съемной квартире, Страхов остался ему приятелем, добрым соседом, но умственно чуждым. Об отношениях Страхова к своеобразному и талантливому А.А. Григорьеву Никольский сделал небесспорный, на мой взгляд, вывод, что это была «просто встреча» на почве одинаковых выводов умов совершенно разнородных, двигавшихся каждый сам по себе²⁴⁰. Удивительной была степень духовного родства Страхова с

²³⁶ Страхов – Розанову 27 января 1888 г. Там же. С. 8.

²³⁷ Там же. С. 14.

²³⁸ Страхов – Толстому 4 июня 1887 г. // Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 353.

²³⁹ См.: Никольский Б.В. Н.Н. Страхов, критико-биографический очерк. С. 39.

²⁴⁰ См.: Там же. С. 54.

Н.Я. Данилевским – такой, что для «биографических сведений» он записал: «В 1885 г. умер Н.Я. Данилевский, и я стал собираться умирать»²⁴¹. Хрестоматийна верность Страхова дружбе и памяти Данилевского. Много лет он работал над рукописями и подготовкой к изданию больших и малых работ Н.Я. Данилевского, признаваясь порой, что «часто скучал над работою», в которой не всегда находилась пища для его поэтической души, а порой не было интересного «даже как натуралиста». Но память о прекрасном человеке согревала и давала силы: «не могу читать его книгу, не восхищаясь его ясным умом»²⁴². Страхов был верен в дружбе, не подводил тех, кто покори́л его однажды серьезностью и талантом, и, конечно, очень огорчился, когда Вл. Соловьев, «так походивший на нового гения»²⁴³ разочаровал его отвлеченно-религиозной метафизикой.

Парадокс интеллектуального одиночества Н.Н. Страхова заключается в том, что, как пронизательно отметил В.А. Фатеев, он не нашел поддержки и подлинного понимания среди тех, кто, по-видимому, должен был составить его близкий круг. Философы идеалистического направления, такие как Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, Вл.С. Соловьев и другие, – казалось, должны были понимать и поддерживать друг друга. Но если понимание в какой-то степени между ними было, то поддержки не могло быть никакой – «слишком они были разными»²⁴⁴. Причины, которые В.А. Фатеев находит для объяснения «забвения Страхова» – его сдержанность, суховатость,

²⁴¹ Там же. С. 48.

²⁴² Страхов – Толстому 5 ноября 1887 г. // Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 361.

²⁴³ Страхов – Толстому 28 июня 1895 г. // Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полн. собр. переписки. Т. 2. С. 1011.

²⁴⁴ Фатеев В.А. О жизни и мировоззрении Н.Н. Страхова. Выступление. «РУССКАЯ МЫСЛЬ»: Историко-методологический семинар в РХГА 27 ноября 2009 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.rchgi.spb.ru/science/science_research/seminar_russian_philosophy/stenogramms/strakhov.php

иногда «суконность» языка и «общая расплывчатость идей, отсутствие какого-то единого стрежня»²⁴⁵. Причины эти нельзя считать ни достаточными, ни убедительными. О стиле страховского письма разговор особый, но сдержанность и простота не только не противоречат его стилю и не разрушают, скорее, напротив, характеризуют его. Не страдают его статьи и книги также и «сухостью» – в них масса образов, аналогий и интересных метафор – Страхов был ценителем и тонким знатоком поэзии, писал не самые плохие стихи. Под «расплывчатостью» идей Страхова часто подразумевают все ту же его недосказанность, преобладание анализа и критики над творческими гипотезами. Страхов, действительно, не умел и считал ненужным искусственно формулировать некий «головной» промежуточный результат, когда мысль еще не вызрела, или присоединяться к некой точке зрения, в истинности и надежности которой не был убежден. Как писал о нем В.В. Розанов, Страхов стоял возле немногих «вечных истин», и «за ним “никто не шел”»²⁴⁶.

Трезвый, скептический и глубокий страховский рационализм вынуждал его быть одиноким мыслителем. Страхов высказал эту мысль в «Воспоминаниях о Федоре Михайловиче Достоевском» в общем виде рассуждения о том, что близость между людьми вообще зависит от их натуры, что даже при самых благоприятных условиях она не может перейти некоторой известной меры. Каждый человек будто проводит вокруг себя черту, за которую никого не допускает, или, скорее даже, не может никого допустить²⁴⁷. Ему вторил ученик: «отчужденность теоретического ума», «глубокое внутреннее одиночество» – это вторая сторона способности становиться в отношении наблюдателя или мыслителя ко всякому явлению,

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Розанов В.В. Н.Н. Страхов. Его личность и деятельность. Предисловие // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. С. X–XI.

²⁴⁷ См.: Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0580.shtml

предмету, а также и к лицу, – это есть «неизбежная кара» за нарушение гармонии в развитии души²⁴⁸. Ни один великий философ, наверное, не смог избежать этой отъединенности от живого, подвижного до хаотичности мира. Н.Н. Страхов преодолевает социальное одиночество любовью к своему подлинному собеседнику, в пространстве и времени разговора. В лице его ученика В.В. Розанова к нему пришла искренняя, спасительная любовь, вполне конкретно и исторически; характерно, однако, что сам Страхов заметил ее будто бы вскользь, обращая куда большее внимание и порой досадуя на влюбчивое розановское недопонимание: «Но только стойте крепко на своих ногах, а не то все будет ни к чему»²⁴⁹.

В кругу сложившихся личностей своих ровесников-современников, нелегко определявшихся в своей «самости», дорожащих каждый независимостью и самостоятельностью, легче всего находятся оппоненты. Обращение же с позиции авторитета возможно лишь к более молодому, к тому, кто может без ущерба для самолюбия восхититься, принять и оценить опыт старшего как более важный и надежный, чем юные фантазии; кто может воспринять и усвоить этот опыт, понятый по сходству личностного знания, мироощущения, важный и нужный для развития личности – короче говоря, возможно как обращение учителя к ученику. Розанов смог гениально угадать значение подлинного ученичества в отношениях со Страховым, получившим за свое многолетнее уединение такое щедрое утешение и вознаграждение. В самом первом письме к Страхову Розанов уже писал такие слова, каких Страхов не слышал за всю свою жизнь: «Ваша нравственная личность стала несказанно дорога для меня...». Писал о духовной близости, об ощущении полного совпадения мыслей и настроения, отношения к жизни

²⁴⁸ Розанов В.В. О борьбе с Западом, - в связи с литературною деятельностью одного из славянофилов // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. С. 51.

²⁴⁹ Розанову 11 мая 1892 г. // Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 109.

и литературе, обещал: «Мысль, что я Ваш ученик, никогда не оставит меня...»²⁵⁰.

Читая переписку Н.Н. Страхова и В.В. Розанова, учителя и ученика, невозможно не обратить внимание на их взаимную внимательную критику, порой недоразумения и недопонимание, – «всё как у людей» – но *целое* этой дружбы, между прочим, впечатляет высшей степенью серьезности и значительности для обоих главного, что объединяло столь несхожих писателей. Главный пункт схождения Страхова и Розанова я вижу в их взглядах на просвещение, на смысл и задачи педагогики национальной школы, на развитие народности и личности ученика. Неустанная работа над собой, выработка высокой культуры философского мышления, исследовательских установок, защита «вечных истин» и органическое развитие собственной души и таланта – этому учился ученик Н.Н. Страхова и готов был передать опыт новым поколениям. В уроке этом отсутствует угроза одиночества или робость, в нем не звучит ни указания «направления», ни призыва под «знамена». У каждого свой одинокий путь к истине, не отменяющий ее принципиальной незавершенности в сфере подлинного разговора, о возможности которого свидетельствует опыт Н.Н. Страхова.

С организацией в 1889 г. журнала «Вопросы философии и психологии», а еще более с приездом в Петербург В.В. Розанова (1893), интерес к личности «старого» Страхова оживился. В конце концов, и первые попытки дать общую систематическую оценку Н.Н. Страхову в кругу

²⁵⁰ Страхову 22 января 1888 г. Там же. С. 145–146. См. также в письме, датированном приблизительно концом декабря 1889 г.: «Удивительна вообще наша связь с Вами, возникшая исключительно из чтения книг и ставшая такою прочною, продолжительною, полною интимности. Это может родиться только тогда, когда в книги действительно перелита жизнь писателя, его индивидуальное, его ни с кем и ни с чем не смешивающееся я». Там же. С. 227. (*Курсив автора.*) См. также гипотезу Розанова о «духе разных поколений» как источнике и причине непонимания его текстов ровесниками Страхова в примечании 1913 года. Там же. С. 70.

русских университетских профессоров философии были предприняты Н.Я. Гротом (1852–1899), А.И. Введенским (1856–1925), А.И. Введенским (1861–1912) и Э.Л. Радловым (1854–1928) – младшими страховскими современниками из поколения В.В. Розанова. Здесь сильнее всего было стремление выявить, к каким теоретическим направлениям и школам Страхов был ближе, от каких дальше, и тем самым вписать его наследие в существующий историко-философский контекст. Ни одна из этих попыток не увенчалась успехом и не имела продуктивного продолжения в истории университетской философии. Все признали как познавательную состоятельность, так и трудность дисциплинарного осмысления философского кредо Н.Н. Страхова.

Существовала и другая группа русской философской молодежи – Ю.Н. Говоруха-Отрок (1854(?)-1896), В.В. Розанов (1856–1919), Б.В. Никольский (1870–1919) и Ф.Э. Шперк (1872–1897). Все они, внеуниверситетские литераторы второй половины XIX – начала XX вв., оказывались внимательны именно к философской беспартийности Страхова и ее предпосылкам. Как писал Говоруха-Отрок, Страхов не был ни либералом, ни консерватором, ни западником, ни славянофилом ... он никогда не причислял себя ни к одному из этих литературных течений»²⁵¹ – следуя своему «жгучему интересу взаимного ауканья»²⁵², он упорно оставался «трезвым между угорелыми»²⁵³ – в решимости высказываться, ориентируясь на собеседника и, одновременно, избегать абстракций высоких порядков, – вырабатывать критически свои ответы на важные для него вопросы в области теории познания, истории и философии науки, философии истории, литературной критики. Понятнее Н.Н. Страхов становится не тогда, когда его профессионально относят к какой-то школе или выделяют в нем

²⁵¹ Говоруха-Отрок Ю.Н. Н.Н. Страхов // Московские ведомости. 1896, № 27. С. 4.

²⁵² Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 305.

²⁵³ Автохарактеристика Страхова в письме к Н.Я. Гроту. См.: Грот Н.Я. Памяти Н.Н. Страхова. С. 8.

знакомую общую или архетипическую черту: идеализм, рационализм, мистицизм, антропологизм, позитивизм и т.д., а когда смотрят наоборот, из центра его личности, его «совершенно своеобразной индивидуальности»: «надо обладать известным чутьем индивидуальности, чтобы не ошибиться в нем, а то как раз не заметишь «слона» в его произведениях»²⁵⁴.

Это особенное страховское чутье старался выразить Б.В. Никольский в своем биографическом очерке о Н.Н. Страхове; оно же оказалось предметом внимания П.А. Флоренского в его единственном, пространном и довольно полемичном размышлении о Н.Н. Страхове. Флоренский, в силу возраста (род. 1882 г.), не был знаком со Страховым сам, но со студенческих лет знал его работы и долгие годы был близок к В.В. Розанову, в свою очередь, прямо называвшему Страхова своим учителем, а себя его единственным учеником. 9 мая 1913 г. Флоренский писал Розанову: «Кажется, и сами Вы не подозреваете, до какой степени “не даром” Вы со Страховым сдружились»²⁵⁵. Он сумел увидеть со стороны глубокое основание общности Розанова и Страхова – их общий органический угол зрения, под которым они мыслили существующее, их любимую общую категорию мысли – *жизнь*. «“Организм” – вот что сплотило Розанова и Страхова, “целесообразность” – вот что их устремило к одной мечте»²⁵⁶. Флоренский по-своему сформулировал очередное толкование «недосказанности» Страхова, узнав от Розанова о страховской библиофилии и поразившись полной непрявленности этого качества в его текстах и высказал догадку, что в

²⁵⁴ Шперк Ф.Э. Н.Н. Страхов. Критический этюд // Шперк Ф. Как печально, что во мне так много ненависти... Статьи, очерки, письма. СПб., 2010. С. 124.

²⁵⁵ Переписка В.В. Розанова и П.А. Флоренского // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Кн. 2: П.А. Флоренский, С.А. Рачинский, Ю.Н. Говоруха-Отрок, В.А. Мордвинова. М.; СПб., 2010. С. 121.

²⁵⁶ Там же.

перспективе развития страховского рационального мышления все-таки присутствовал переход «к иной, более глубокой целесообразности»²⁵⁷.

Все основные труды Н.Н. Страхова написаны ответно, в продолжение не им начатых «крупных разговоров» 60-90 гг. XIX в. В этих разговорах Н.Н. Страхов – полноправный, желанный, а порою и незаменимый участник. Без Страхова трудно представить смысловой облик знаменитого журнала братьев Достоевских «Время»: экзистенциальная открытость, органические настроения, критицизм и ироничность, свойственные этому журналу, в течение всей его недолгой, но яркой истории поддерживались и развивались в философской публицистике журнала Н.Н. Страховым (вплоть до закрытия издания, поводом для которого послужила публикация статьи Страхова «Роковой вопрос»). Н.Н. Страхов – наиболее последовательный участник дискуссии об основаниях естественнонаучного знания: статьи-размышления, напечатанные им, со временем были собраны в беспрецедентную работу «Мир как целое», предвосхитившую эпистемологический холизм XX в. Две известные русские доктрины в области философии истории, – скептическая, только по недоразумению порицаемая за фатализм беллетристическая историософия Л.Н. Толстого, как и уникальная теория исторических типов Н.Я. Данилевского, – именно Страховым были впервые истолкованы и уточнены в критической перспективе. Н.Н. Страхов – наиболее обстоятельный историк и критик русского литературного нигилизма, как и академического, квазинаучного спиритизма А.М. Бутлерова, полемического амикошества В.С. Соловьева и мн. др. Владелец огромной философской библиотеки, переводчик и завзятый книголюб, лаконичный в собственных высказываниях, Страхов оставил после себя разносторонний диалогический архив эпох, которые он прожил и пережил.

Один из самых крупных и важных отделов этого совокупного архива – пространная переписка Н.Н. Страхова. Наиболее отчетливо Страхов излагает

²⁵⁷ Там же.

основные пункты своего философского символа веры в переписке с близкими друзьями и собеседниками – Л.Н. Толстым, И.С. Аксаковым, А.А. Фетом, Н.Я. Данилевским, П.Д. Голохвастовым и В.В. Розановым. Переписка с Толстым беспрецедентно продолжительна: она длится в течение четверти века (с 1870 по 1895 г.), посвящена «всем поводам бытия» и весьма откровенна. С И.С. Аксаковым, собеседником более дидактичным, Страхов переписывается с 1863 по 1885 г (особенно интенсивно в 1881–1885 гг.); обсуждению подвергались событие цареубийства, вопросы веры, толстовского религиозного поворота и художественного творчества Толстого. С Фетом, практическим помещиком и одновременно человеком поэтико-философского склада, сравнившим однажды Страхова с куском душистого мыла, Страхов переписывался часто весьма полемически (в 1877–1892 гг.): взаимному оспариванию подлежали творческие коллизии, возникавшие в российском обществе, замыслы самого Фета (который обсуждал со Страховым большинство из своих стихотворений), а то и неожиданные фетовские проекты – вроде перевода Шопенгауэра (в котором Страхов принял и активное редакторское участие), или Канта (от которого Страхов Фета едва отговорил). Ближайший из друзей Н.Н. Страхова – Н.Я. Данилевский; в переписке с ним (1873–1885 гг.) много личного, но основное ее содержание образуют разговоры о дарвинизме и историософии Данилевского. С В.В. Розановым Н.Н. Страхов переписывается с 1888 по 1893 год, до приезда Розанова в Петербург, и изредка, в перерывах между петербургскими встречами, уже после приезда; самая философски содержательная часть писем здесь посвящена проблемам исторического понимания. Что же касается переписки Н.Н. Страхова с историком и писателем-фольклористом П.Д. Голохвастовым, то большая ее часть остается в архивах и еще ждет своего часа²⁵⁸. Обратим внимание на герменевтику

²⁵⁸ См.: Приложение к настоящей диссертации. С. 240-253. Несколько писем посвящены ключевым религиозно-философским вопросам, занимавшим Н.Н. Страхова в 1880-е годы и непосредственно касаются интерпретации толстовских исканий.

сочувствия в отношениях Н.Н. Страхова с пережившими его ровесниками и друзьями, с кем он был в максимально близких, доверительных отношениях и переписке до последних своих дней.

1. Страхов и Толстой. Герменевтико-полемический контекст сотрудничества Н.Н. Страхова и Л.Н. Толстого – асимметрия их отношений – часто неверно трактуется как некая очарованность и преклонение Страхова перед Толстым, или как снисходительность толстовского гения, исполнявшего «руководящую и направляющую» роль по отношению к Страхову. Как показывает исследование, эта асимметрия весьма явно дает себя знать в истории переписки мыслителей об отношении к русскому нигилизму и его катастрофическим последствиям начала 1880-х гг. Споры о нигилизме и нигилистах, достигавшие религиозно-политического накала в личных письмах, в какой-то момент стали угрожать многолетней дружбе этих конгениальных ровесников. Толстому требовалось понять, что и зачем люди делают нигилистически – Страхов объясняет свое понимание причин и мотивов этого «делания» тем, что в направлении современных умов, их толках и стремлениях нельзя найти христианских и просто благородных принципов самоотречения, жертвенности; всякое душевное благородство рассматривается ими только как средство для эгоистического земного благополучия²⁵⁹. Страхов в отчаянии от происходящего в мире людей; Толстой же как раз считает возможным, и необходимым, и именно «назревшим» переустройство мира – и он становится невольно защитником и учителем революционеров. Как писал об этом Н.А. Бердяев в 1918 году, в разгар хаоса, убийств и страданий, Толстого нельзя считать прямым учителем левой русской интеллигенции, поскольку ей чуждо было религиозное учение Толстого, но однако Толстой уловил и выразил главные особенности морали значительной части нашей интеллигенции. «И русская

²⁵⁹ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 295.

революция являет собой своеобразное торжество толстовства»²⁶⁰. Страхова больше всего в этом споре мучит ответственность за собственную недосказанность, за отсутствие собственной нравственно-политической программы, что и послужило основанием для причисления его революционно-демократическим лагерем к противоположному крылу реакционеров-«мракобесов». Поэтому он очень переживает за судьбу своих критически-политических статей, будут ли они поняты и правильно ли их поймут²⁶¹, а Толстому объясняет, что не в силах писать яснее, чем пишет, хотя совсем не хочет, чтобы его критика была использована «на подпору самых дурных начал». Высказываясь осторожно, Страхов просит об одном: «не пошлет ли Бог других, которые скажут лучше и полнее?»²⁶² Толстой хочет продолжить спор; Страхов, с благодарностью, но с вежливым и твердым отказом от дискуссии, не напоминая, что уже откровенно признавался в отсутствии желания практической политической деятельности, в приверженности к чистому созерцанию, пишет Толстому, что поставленный им вопрос имеет в виду почти постоянно. «Как следует относиться к временному, частному, личному, одним словом к земному?» И отвечает вполне определенно: «должна быть у человека область выше всего временного и земного, область, в которую он мог бы подыматься, спастись от всяких зол и всего, что называется жизнью. Иначе он – вечный мученик»²⁶³.

²⁶⁰ Бердяев Н.А. Духи русской революции. [Электронный ресурс] Электронная библиотека Грамотей: <http://www.gramotey.com/books/371140173942.htm>

²⁶¹ Речь идет о цикле очерков Н.Н. Страхова «Письма о нигилизме» с критикой революционного мировоззрения, опубликованном в газете И.С. Аксакова «Русь» в марте-апреле 1881 года (№№ 23, 24, 25 и 27).

²⁶² Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 293.

²⁶³ Там же. С. 328.

Во время спора с Толстым в Страхове завершаются те важнейшие процессы «развития собственной души человека»²⁶⁴, которые позволяют говорить об окончательном формировании основных несущих конструкций и деталей страховской модели «мира как целого», мировоззрения зрелого, мудрого Н.Н. Страхова. Здесь у Страхова обнаруживается осознанное разрешение многолетних мучений, этического отчаяния и бессилия в настоящей религиозности, окончательное занятие последних позиций, с которых он уже не сойдет, и чтобы удержаться на которых ему уже не нужно «спасение» Толстым; наоборот, с этих позиций Страхов будет в меру своих сил спасать и защищать доброе имя и творчество Толстого от нападок и односторонних оценок, видя все яснее черты упрямства и односторонности своего любимого художника.

Страхов любил и щадил Толстого, ведь Толстой был искренен и в своих заблуждениях – «такая серьезность, такая полная правдивость, которая равняется самому чистому религиозному настроению»²⁶⁵. Страхов последнего десятилетия своей жизни и последних лет четвертьвековой переписки с Толстым вполне решителен и прям до того, что письменно высказывает Толстому свое видение его ошибок, хотя раньше предпочитал критику устную, при встречах в Ясной Поляне, в форме обсуждения и дискуссии. Теперь Страхов «созрел» до максимально возможных для него четких формулировок и называет главную «неправильность» Толстого, это «резкое, решительное отвержение того, что вне круга Вашей мысли и Вашего чувства»²⁶⁶. Фактически Страхов предъявил Толстому то самое обвинение в том самом «отрицании», то есть, в «нигилизме», которое многие повторяли и повторяют до сих пор, и которое, конечно, справедливо. Но формулировка Страхова не только не содержит никакого «-изма», она по сути глубока и герменевтична: в ней дается взгляд на недостаток Толстого с точки зрения

²⁶⁴ Там же. С. 315.

²⁶⁵ Там же. С. 337.

²⁶⁶ Там же. С. 405.

самого Толстого, изнутри этого «круга мысли и чувства». Более того, Страхов следом еще поясняет, почему это отвержение неправильно для Толстого: «Кто не с нами, тот против нас – это верно; но это еще не значит: мы против всякого, кто не с нами»²⁶⁷. Николай Николаевич дает пояснение в обычной для себя манере, «чужими словами», на этот раз библейского уровня авторитета. Обращенные к Толстому эти слова означают здесь, что Толстой пытается «отвергать» тех, против кого он на самом деле быть не может, даже если они сами против и «вне круга его мысли и чувства». Через год, в апреле 1891, Толстой вынужден был благодарить Страхова за еще один шедевр страховской философско-публицистической герменевтики, за «Толки о Толстом»: «...Эта ваша статья сблизила меня еще больше с вами самыми основами»²⁶⁸, и сближение это все продолжалось, уже не переходя ни при каких разногласиях в столкновения и не омрачаясь обиженным или обижающим молчанием. Но в эти последние свои пять лет Н.Н. Страхов чаще решался четко формулировать свою особую позицию относительно толстовской «болезненной претензии».

Для «постхристианской» культуры чрезвычайно важны подвиги верности евангельским заветам, которые показывают люди мирской жизни вне церковной ограды. Они выступают мощнейшими раздражителями, поскольку невозможно найти никакого рационального, научного объяснения их свободному духовному движению в направлении древнего учения. Их религиозный поиск парадоксально разнообразен, пути пересекаются и расходятся, они почти никогда не понимают или не принимают друг друга вполне, а порой и полемизируют между собой в любви к одному Богу. Примеры богоискательства в русской культуре нового и новейшего времени многочисленны и ярки, но пример Льва Толстого не случайно считается парадигмальным. По масштабу личности, по полноте и ясности

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же. С. 429.

выраженности происходящего в глубинах его души и духа, по культурному и церковному резонансу этот опыт самостоятельного чтения и понимания Евангелия, конечно, не имеет себе равных и вообще, как факт, хорошо известен. Но рядом и вместе с этим знаменитым феноменом толстовской личности надо видеть и учитывать не менее оригинальную мыслящую личность Н.Н. Страхова. «Самая удивительная загадка заключается не в том, что мир существует, а в том, что у него есть зритель»²⁶⁹ – писал Н.Н. Страхов о значении сознающего мир человеческого мышления. Подобным образом можно было бы сказать, что удивительная загадка гения Толстого усиливается, дополняется, обогащается присутствием в его жизни и творчестве гениального собеседника и толкователя, философа и критика, друга и оппонента Николая Николаевича Страхова. Любовь, конгениальность и установка на объективность Страхова по отношению к Толстому позволили ему уловить и выразить для нас самое главное не только в художественных произведениях великого русского писателя, что более или менее ясно чувствуют и понимают все его читатели. Страхов один в свое время сумел понять и показать нравственно-религиозный подвиг-порыв Толстого именно с объективной, не апологетической и не осуждающей, позиции «зрителя» толстовского мира, довольно хорошо им изученного и продолжающего интересоваться своим самобытным талантливим развитием.

Именно самобытность и талант-призвание составляют, по философскому убеждению Н.Н. Страхова, смысл правильной человеческой жизни. В этом ключе он рассматривал и жизнь, и творческий путь Л.Н. Толстого, и его приход к оригинальной версии христианства, еретической, но искренней и абсолютно своей собственной, самобытной, как весь толстовский внутренний мир.

²⁶⁹ Страхов Н.Н. Главная черта мышления // Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб., 1895. С. 119.

Толстовская эпоха отмечена, как известно, многочисленными оригинальными религиозно-философскими идеями, в той или иной степени еретическими, но друг Страхова неизмеримо превосходил остальных авторов всемирной известностью, славой и авторитетом. Эту славу и влияние ставили и ставят Толстому в вину его судьи и обвинители – что увлек за собой нестойкие умы и души легковверных последователей. И только Н.Н. Страхов вступился за великого писателя как за безвинно гонимого честного человека, добросовестно заблуждающегося – как и любой может заблудиться – в стремлении к самой высшей и чистой правде. Защищая Толстого, Страхов одновременно пытался объяснить свой «метод» понимающего истолкования, призывал критиков и заинтересованных в правде читателей искать «правильную точку зрения на Толстого», а для этого нужно «отыскать тот центр, которым управляются его мысли и действия, из которого поэтому хорошо видна их связь и порядок»²⁷⁰. Чтобы смотреть на связь и порядок вещей «из» центра мышления Толстого, надо, разумеется, мысленно стать на его место. Когда же речь идет о религиозных взглядах, то необходимо учесть, что Толстой никогда не отрекался от Христа и значит, «если мы хотим понимать Толстого, то прежде всего должны смотреть на него как на некоторого христианина, на одного из последователей Христова учения»²⁷¹. Страхов бесстрастно использует для понимания великого писателя свой всегдашний методологический прием наилучшей, эффективной постановки вопроса – и всемирный учитель оказывается одним из многих ищущих, нищих духом, алчущих и жаждущих правды, кротости, чистоты сердца – ищущих и плачущих от бессилия найти, но финала этой драмы Страхов уже не застал.

Все художественное, и жизненное, и религиозное творчество Л.Н. Толстого предстает в этом христианском ключе как единое величайшее

²⁷⁰ Страхов Н.Н. Толки об Л. Н. Толстом // Вопросы философии и психологии. 1891. № 9. С. 103-104.

²⁷¹ Там же.

усилие к истинной жизни, к спасению от отчаяния от «пустоты земного счастья»²⁷², к ясному осознанию себя как частички души Божьего мира, как строчки в Священном Писании. С точки зрения объективности, невозможно не согласиться с страховской оценкой главного значения религиозной деятельности Л.Н. Толстого, выраженной в словах о том, что среди общей современной, в сущности, да и по форме, вполне языческой жизни, среди безусловно преобладающего, почти всеобщего равнодушия к религии и неверующих, и верующих, «он показал нам, какую силу может и должна иметь для человека религиозная идея»²⁷³. Будучи сам глубоким и утонченным рационалистом, Страхов отлично понимал и несколько не демонизировал сильный аналитический ум Толстого, подчеркивая неустанно, что дело совсем не в том, что мы решаемся на собственные объяснения и умствования, а в том лишь, с каким духом мы приступаем к чтению. «Не умом постигается главный смысл Писания, а сердцем, всеми живыми силами нашей души»²⁷⁴. Критикуя переводы и толкования, Толстой вовсе не ставил под сомнение само Евангелие, само учение Христа, но наоборот, искал их ясного понимания, чтобы следовать им самым совершенным путем.

В этом самоотверженном поиске истины и стремлении к безоговорочному осуществлению найденных указаний Страхов видел сам и призывал всех увидеть величайший нравственный и религиозный урок, не теряющий актуальности: «Недостаток серьезности в душах – вот самое обыкновенное зло»²⁷⁵. Облегчение жизни сопровождается падением не только физической, но и душевной энергии, «суживаются и мельчают наши радости и горести, уменьшаются размеры всякого напряжения». В этом именно отношении призывал Страхов видеть в Л.Н. Толстом, «великий и

²⁷² Там же. С. 104.

²⁷³ Там же. С. 107.

²⁷⁴ Там же. С. 108-109.

²⁷⁵ Страхов Н.Н. Ответ на письмо неизвестного // Вопросы философии и психологии. 1892. № 11. С. 98.

поучительный пример; он образец истинной серьезности в делах ума и совести»²⁷⁶.

Во всех своих философско-антропологических работах Н.Н. Страхов настаивал, что самостоятельное размышление, самопонимание и саморазвитие, самоусовершенствование – прямая обязанность зрелого человека и показатель его зрелости. Так и в другом человеке следует ценить прежде всего «не какое-нибудь “следование”, а лишь неустанную работу ума и совести»²⁷⁷. Далекий от совершенства, как и сотни, и тысячи лет назад, человек призван снова и снова поверить Евангелию и пытаться стать лучше. На том печальном, но неизбежном основании, что и совесть наша не чиста, и ум заблуждается, мы не можем и не должны полностью отказываться от действия своей совести и своего ума. Наоборот, нам следует не останавливаться в чувстве своей слабости, а всеми мерами «возвышать чуткость нашей совести и нашего разума»²⁷⁸.

В этом смысле руководства и толстовский пример не является руководящим ни содержательно, как образец для подражания, ни как алгоритм деятельности. Страхов герменевтически видит и призывает увидеть в толстовском опыте возможность открыть каждому для себя истинное свое положение в мире и понять правильность ее направления, степень осмысленности, соответствия потребностям собственной души и совести.

2. *Н.Н. Страхов и К.Н. Бестужев-Рюмин*. Мы не располагаем сколько-нибудь полными, современными биографиями как Н. Н. Страхова, так и К. Н. Бестужева-Рюмина (1829-1897), двух многолетних собеседников и соратников по позднеславянофильскому движению. И Страхов, и Бестужев, имея безусловно высокую репутацию среди русских мыслителей второй половины XIX столетия, никогда не претендовали на теоретическое лидерство среди них. И оба, каждый в свою меру, выражали глубинное,

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же. С. 96.

²⁷⁸ Там же. С. 97.

искреннее смысловое течение своего века – критическое и полемическое отношение ко всеобщим теориям и окончательным теоретическим выводам.

Сосредоточиться на понимании их смысловой близости позволяет одно из писем²⁷⁹, написанное Н.Н. Страховым К.Н. Бестужеву-Рюмину летом 1879 года, при подготовке ко второму учебному году знаменитых Бестужевских женских курсов²⁸⁰. К.Н. Бестужев-Рюмин обратился к Н.Н. Страхову с просьбой об участии в весьма необычном проекте, за осуществлением которого следило, так или иначе, все российское общество. Бестужеву хотелось видеть в коллективе преподавателей курсов педагога, отлично знакомого с современными успехами европейской науки, умевшего по достоинству оценить ее со своей оригинальной точки зрения, «не подчиняясь ничьему авторитету, но глубоко оценивая все авторитеты»²⁸¹. Бестужев знал исключительную научную эрудицию Страхова, блестящий литературный стиль и редкостное благородство манер еще со времени активной работы их обоих в петербургской журналистике 60-х гг.²⁸², хорошо был ему известен и страховский многолетний опыт преподавания в гимназиях.

О том, что Н.Н. Страхов был тщательно обдуманной и очень желательной кандидатурой, свидетельствует, прежде всего, продолжительность бестужевских уговоров. Сам Страхов в первых строках своего письма говорит, что основательно поразмыслив во время летних разъездов, решил отказаться от лекций психологии. Переписка Н.Н. Страхова

²⁷⁹ Страхов Н. Н. – Бестужеву-Рюмину К. Н., 24 июля 1879 г. ПД Ф. 25059/ CZXXXI6.1 Л. 2-3. См.: письмо целиком в Приложении к настоящей диссертации. С. 237-239.

²⁸⁰ О подвижнической работе Бестужева при организации курсов см.: Малинов А.В. К. Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов (К 175-летию со дня рождения) // Вече. 2004. Вып. 16. С. 115; Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829-1897) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://spbu.ru/about/arc/chronicle/156.../421-b-estuzv-riumin>

²⁸¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Н. Н. Страхов. (Некролог). // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. № 2, о. 4. С. 117.

²⁸² См.: Там же. С. 114, 116.

с Л.Н. Толстым позволяет уточнить время размышлений: 11 апреля 1879 г. Страхов сообщал, что его позвали в женские университетские курсы, открытые в новом учебном году, читать психологию, и что приглашавшему его Бестужеву он ответил, что «не смеет ему отказать, но постарается отказать»²⁸³. Таким образом, мысль о работе на курсах обдумывалась им более трех месяцев.

За год до этого приглашения К.Н. Бестужев-Рюмин прочел фундаментальную статью Страхова «Об основных понятиях психологии»²⁸⁴, и она ему очень понравилась. Страхов в последующие годы продолжил разрабатывать естественнонаучное обоснование своей органической антропологии в статьях «Об основных понятиях физиологии» (1883) и «Главная задача физиологии» (1886). Из всех этих работ сложилась книга «Об основных понятиях психологии и физиологии» (1886), на которую Страхов получил несколько серьезных положительных рецензий и о которой писал полухуя своим друзьям, что «за эту книгу меня следовало бы сделать доктором философии и членом Академии наук»²⁸⁵.

Но в 1878 г. Страхов был совершенно не доволен реакцией на свою первую статью, в том числе не был доволен и восторженным откликом «конечно, самого образованного человека в Петербурге»²⁸⁶ К.Н. Бестужева-Рюмина, о чем сетовал в письме Толстому 3 июня. Отметив, что Бестужев хвалил его больше всех, что он «очень носился» с страховской статьей, требовательный автор однако заключает, что «это были общие похвалы; я

²⁸³ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 217-218.

²⁸⁴ Страхов Н. Н. Об основных понятиях психологии // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. № 5, о. 2. С. 29-51; № 6, о. 2. С. 133-164.

²⁸⁵ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 337. См. также: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 338, 342; Переписка [А.А. Фета] с Н. Н. Страховым. 1877–1892 // А. А. Фет и его литературное окружение. С. 325, 423-424 и др.

²⁸⁶ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 177-178.

видел, что он не понял моей смелости»²⁸⁷. Возможно, не без мельчайшей примеси тончайшей лести, Страхов в очередной раз воспользовался поводом для того чтобы подчеркнуть уникальность своего друга, в гениальности которого он давно не сомневался: «Все они знакомы с философией каким-то внешним образом; одни Вы цените не как знакомый с философией, а как философствующий»²⁸⁸. 29 августа 1878 г., вернувшись из отпуска, Страхов вновь возвращается к этой теме в переписке с Толстым и в качестве образца непонимания приводит отзыв К.Д. Кавелина в письме В.В. Стасову, которое Стасов переслал Страхову, а Страхов в свою очередь сообщает (переписывает) для Толстого: «...“В смысле изложения его работа не оставляет желать лучшего. Но что касается точки отправления и выводов, то я с ними расхожусь диаметрально. Страхов дуалист. Но дуализм при нынешнем состоянии знания совершенно немыслим... Чувствуется, что недалеко то время, когда ... все недоразумения, которые как будто оправдывают усилия дуалистов, канут в Лету. Но во всяком случае к этой желанной цели невозможно подойти с точки зрения Страхова и идя с той почвы, на которой он стоит”. И все»²⁸⁹. Качество отзыва удручало: Кавелину «кажется, что он рассуждает обо мне, а в сущности, он обо мне и думать не хочет»²⁹⁰.

Такие предвзятые, общие, через причисление к какому-нибудь «-изму», избегающие самостоятельного анализа оценки прочитанного всегда сердили Страхова. Очевидно, непонимание Бестужева было иного рода, – возможно, он действительно не понял всей мысли и «смелости» статьи, но все-таки через год позвал автора преподавать психологию, а значит, увидел в нем настоящего знатока предмета. Страхов не мог не оценить этого признания и потому, наверное, писал Бестужеву, что «почувствовал себя в величайшем

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же. С. 183.

²⁹⁰ Там же.

затруднении» из-за своего отказа. Эпизод этот, думается, можно расценить еще и с точки зрения аргумента против встречающейся оценки страховской личности как эстетически центрированной; Страхов не лукавил, когда жаловался на «слабую, беспокойную совесть», заставляющую прежде всего избегать всяких несправедливых поступков²⁹¹.

Почему же все-таки отказал? Страхов называет две причины, чтобы принять предложение «первая – Вы, вторая – честолюбие, – меня соблазняла роль профессора» и одну, чтобы отказаться: «я не готов к курсу, у меня нет определенного взгляда на науку, который бы я хотел излагать»²⁹². Удивительна искренность и простота этих признаний Страхова, как и доверие адресату – свидетельство самых дружеских отношений и сознательной линии поведения в отношениях с близкими по духу людьми²⁹³. И сознание своей неготовности к выходу на кафедру, несмотря на требование признания и понимания исследовательских заслуг – тоже весьма нетривиально. По-видимому, Страхова не устраивало не только общее состояние психологии как науки, но, в первую очередь, собственный не вполне ясный отчет в некоторых постулатах метафизики души – тех самых, что обсуждались им и Толстым весной 1878 г., сразу после публикации статьи «Об основных понятиях психологии» и за год до приглашения на курсы. Л.Н. Толстой писал обстоятельно Н.Н. Страхову о своих хороших впечатлениях от прочитанного и об увиденных недостатках «в приемах доказательств»:

«“Субъект не может быть объективирован = познан”, а вы делите субъект на познание, чувство и волю. Для деления нужно познание. ...Истина, добро, свобода являются вдруг на место мысли, чувства и воли.

²⁹¹ См.: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 165.

²⁹² Страхов Н. Н. – Бестужеву-Рюмину К. Н. Л. 2.

²⁹³ О стремлении к искренности в мышлении в связи с исследованиями Н.Н. Страхова см., напр.: Ольхов П.А. Свободный консерватор: на подступах к философии истории Н.Н. Страхова // Философия и культура. 2010. № 8. 103-109. и другие статьи этого автора.

...Основа всякой деятельности суть мысль, чувство, воля; ни того, ни другого, ни третьего я не могу понять без истины, добра, свободы; стало быть, прежде всего нужно согласиться, что есть истина, добро, свобода. ...А не сойдясь в понимании истины, добра, свободы, не может быть и никакой психологии»²⁹⁴.

В ответ Страхов признавал, что все возражения «попали прямо в цель». Что деление на ум, чувство и волю он «сам себе задавал» и «немножко слукавил – нужно бы было сделать оговорку – да трудно было». Но при этом вопрос был обойден сознательно, из стремления сначала «захватить твердые и чистые места», а с них потом «расчищать остальные». И об основах истины, добра и свободы тоже вопрос законный. «Дайте подумать, прежде чем отвечать Вам»²⁹⁵.

В окончательном книжном варианте 1886 г. суждения Страхова об основаниях психологии остались на этом же уровне достижений и границ и в тех же формулировках. В философско-научной области Страхова, как и Бестужева-Рюмина, не беспокоила нерешенность трудных задач, они вполне понимали бесконечность познавательной работы, и содержательной, и методологической. Не было у Страхова и неприязни к педагогической работе – напротив, была тяга к разъяснению основ. «...Я предпочел бы самый глухой и безлюдный Университет, где на мне не лежало бы никакой задачи, кроме руководства молодых людей в изучении науки»²⁹⁶, – продолжал Страхов свои признания в письме к Бестужеву-Рюмину. Так именно, в качестве научного руководителя, много работал и сам Бестужев-Рюмин, воспитавший таких выдающихся учеников как С.Ф. Платонов, Е.Е. Замысловский, Е.Ф. Шмурло²⁹⁷. Но Высшие женские курсы, призванные

²⁹⁴ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 175–176.

²⁹⁵ Там же. С. 178.

²⁹⁶ Страхов Н. Н. – Бестужеву К.Н. Л. 2–2 об.

²⁹⁷ См.: Малинов А.В. К. Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов (К 175-летию со дня рождения); Константин Николаевич

предотвратить массовый отъезд россиянок за образованием за границу, создавались прежде всего не ради развития академической науки, а как проект просвещения женщин разных статусов и познавательных интересов, в «Курсах» задача напрашивается сама собою: лекции постоянно будут принимать полемический характер, или придется «лабиринтировать», но так или иначе, потребуется отвечать на существенные вопросы. Страхов всегда любил полемики, считал их необходимой формой выяснения вопроса, но только при условии, что и у него самого была ясная и твердая позиция, и оппонент обладал по-своему авторитетной точкой зрения. Курсы, да еще женские, предполагали другой полемический контекст.

Кроме того, Страхов напоминал о своей «сквернейшей репутации» - автора «ретроградной» статьи о «женском вопросе» – и предупреждал, что Бестужева как руководителя могут упрекнуть, что взял такого консервативного преподавателя. «Как нарочно, перед самым отъездом из Петербурга я выслушал величайшие ругательства на этот “Вопрос” от Вл. Стасова»²⁹⁸. Мнение В.В. Стасова, человека передовых взглядов, брата одной из попечительниц Высших женских курсов, было весьма показательным, и Страхов не зря опасался эмансипированной аудитории курсов. Статья «Женский вопрос: разбор сочинения Джона Стюарта Милля “О подчинении женщины”» была написана им как раз во время открытия самых первых (Аларчинских) женских курсов (1869/1870 учебный год) и опубликована сначала в редактируемой Страховым «Заре», а в 1871 г. – отдельным изданием²⁹⁹. В статье этой Н.Н. Страхов показывает неудовлетворительность поверхностного подхода Милля к женскому

Бестужев-Рюмин (1829-1897) // Биографика СПбГУ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/20.html>

²⁹⁸ Страхов Н. Н. – Бестужеву К. Н. Л. 2 об.–3.

²⁹⁹ В это время К. Н. Бестужев-Рюмин начинает читать лекции по русской истории на публичных Владимирских курсах, послуживших прообразом его будущих Высших женских курсов.

вопросу, а именно: «глупо» объяснять подчиненное положение женщины превосходством мужчин в физической силе и провозглашать равноправие, основанное на якобы отсутствии умственных и нравственных различий между мужчинами и женщинами.

«Человечество засвидетельствовало, что оно гораздо лучше, чем о нем думает Милль»³⁰⁰, – писал Страхов. «Чистота девы, любовь жены, чувства матери – составляют предмет благоговения мужчин»³⁰¹, о котором они заботятся «часто гораздо ревностнее», чем о власти и о законе. Таинственные и многозначительные отношения между полами он называет источником «настоящим узлом жизни», от которого зависит в значительной степени ее красота и ее безобразие, и все эти отношения Миллем упущены из виду, не внесены в женский вопрос. Это значит, согласно Страхову, что философ допустил серьезнейшую ошибку методического характера: он упустил из исследуемого явления его самую существенную сторону, думая при этом однако «понять и объяснить явление»³⁰².

«Ретроградство» Страхова проявилось в этой статье в том, что он был уверен, что органические различия между мужчинами и женщинами как в физиологии, так и в нравственной и умственной жизни – это «вечная истина», и потому нужно не спорить с ней, а напротив, хранить женский идеал и давать простор его реализации. Но это осуществляется не столько за счет законодательства и расширения формальных прав, сколько за счет духовной атмосферы и устоев общества, в которых заключена его внутренняя сила. Что же до прав и привилегий, то нельзя не пожелать, чтобы женщинам были открыты все возможные поприща. Но для чего? Это нужно, по мнению Страхова, на случай неудачи в жизненном пути, когда женщине

³⁰⁰ Страхов Н. Н. Женский вопрос: разбор сочинения Джона Стюарта Милля “О подчинении женщины” // Заря. 1870. № 2, о. 2. С. 107-149. То же: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1870_zhensky_vopros.shtml

³⁰¹ Там же.

³⁰² Там же.

нужен какой-нибудь выход из бедственного положения: если девушка не нашла себе супруга, жена потеряла мужа, мать детей, т.е., в случаях, в каких часто шли в монастырь. Над самыми прогрессивными предложениями Милля в сфере расширения участия женщин в общественной жизни Страхов только иронизирует: «Казарма и парламент тоже годятся для того, чтобы как-нибудь скоротать свой век»³⁰³.

Встречая в литературной и журналистской среде мужчин и женщин самых разных взглядов и идеологий, закоренелый холостяк Страхов прекрасно осознавал пределы собственной толерантности и должен был иметь очень веские причины, чтобы согласиться работать в женской аудитории. Своими сомнениями насчет себя он и делится в письме с К.Н. Бестужевым-Рюминым, прекрасно зная его в этом смысле образцовые характеристики, для многих недостижимые «действительный либерализм, действительную терпимость чужих взглядов» и «несравненное благодушие»: «Я благодушен и терпим почти только в теории; и мне пришлось бы постоянно бороться с своим раздражением и воздерживаться от резких суждений»³⁰⁴.

«Терпимость в теории» – двусмысленное выражение Страхова, с которым можно согласиться в обоих смыслах. С одной стороны, к Страхову-философу вполне применимо суждение Е.Ф. Шмурло о преподавательской манере Бестужева-Рюмина, что в основу его преподавания легло строгое изучение источников, разбор чужих мнений, особенно спорных, и осторожное взвешивание противоположных теорий³⁰⁵. А с другой стороны, многочисленные материалы его переписки показывают, что Страхову и за рамками всяких теорий, в оценках близких, знакомых людей характерно

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Страхов Н. Н. – Бестужеву К. Н. Л. 3.

³⁰⁵ См.: Шмурло Е. Ф. Бестужев-Рюмин Константин Николаевич // Русский Биографический словарь [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rulex.ru/01020003.htm>

свойствен критический, разоблачительный уклон. Даже по отношению к «бесценному Льву Николаевичу» Страхов порой очень критичен. Толстой это высоко ценил и был всегда благодарен за критику, а иные и обижались, как, например, консерватор-славянофил К.Н. Леонтьев, писавший в конце жизни В.В. Розанову обидчиво и противоречиво, что из Страхова нельзя извлечь ничего положительного, что в его работах есть одна лишь «тонкая и верная критика» и «три кумира: Аполл. Григорьев, Данилевский и Лев Толстой», которых он не критиковал даже никогда, а «только *излагал и прославлял* их»³⁰⁶. Это не вполне справедливо: каждого из этих трех выдающихся писателей, которых он любил как прекрасных людей, Страхов именно критиковал, и в литературно-критическом, и в философском смысле, и ясно видел и указывал при необходимости очень точно их слабые места (например, в ходе обсуждения с Н. Я. Данилевским все той же своей статьи об основных понятиях психологии Страхов пришел к выводу, что «понятие сознания для этого умнейшего человека совершенно недоступно»³⁰⁷), невзирая на взятую на себя и старательно выполняемую задачу защиты их идей и творчества от недобросовестной или просто не понимающей критики.

Но вернемся к письму с отказом от преподавания психологии. В завершение объяснений Страхов пишет, что более всего не чувствует в себе сил исполнить как следует предлагаемое дело. «Между тем я так боюсь все испортить, что это удваивает мою слабость»³⁰⁸. Это еще один постоянный мотив страховских откровенных писем Толстому о своем «смутном и колеблющемся» существе³⁰⁹. «Как ни бывает тяжело на душе, и как ни ясно видишь себя, через несколько времени чувствуешь себя еще тяжелее и

³⁰⁶ Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 343.

³⁰⁷ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 187.

³⁰⁸ Страхов Н. Н. – Бестужеву К.Н. Л. 3.

³⁰⁹ См.: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 162, 214 и др.

видишь еще яснее»³¹⁰. Постоянная самокритика Страхова, его заниженная самооценка, неуверенность в себе, так контрастирующая с точной аналитической и эстетической способностью суждения, осознавались им на рациональном уровне и, зная и чувствуя это, он был постоянно скептичен, прежде всего, в отношении себя. Привычка к рефлексии и внимательное слушание всех отзывов (и «зависть» к Толстому, который не слушал и не читал), строгое различие своих сильных и слабых сторон – «я плохой корректор», но «сделаю корректуру лучше Вас»³¹¹; «не имея почти вовсе творчества, я имею очень большую способность понимания»³¹²; «до проповеди, может быть, я никогда не дойду, хотя буду стараться»³¹³; «Недавно стал читать одну немецкую книгу – сейчас же вижу насквозь, что глупость. Это очень приятно»³¹⁴; «...скука от того, что нет у меня настоящего дела, что я усиленно ищущу его и не нахожу»³¹⁵... – этот «разъедающий» разум, постоянная работа самопонимания усиливали слабость, о которой пишет Страхов, неуверенность в собственных знаниях. Страхов-полемиист никогда не сомневался, что сумеет показать слабость своих критиков и оппонентов. Но почти всегда умолкал, когда от него требовали представить свои собственные тезисы, никогда не прочел ни одной публичной лекции, предпочитая выступления в печати, частные беседы и переписку.

Не удивительно, что зная такой свой характер, Страхов искренне советует Бестужеву-Рюмину исключить себя из списка кандидатур на преподавание. «Уверяю Вас, что кого бы Вы ни пригласили, все лучше исполнят, чем я. Очень радуюсь, что Владиславлев оставил за собой Логику.

³¹⁰ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 290.

³¹¹ Там же. С. 36.

³¹² Там же. С. 36-37.

³¹³ Там же. С. 43.

³¹⁴ Там же. С. 50.

³¹⁵ Там же. С. 52-53.

Отчего ему не продолжить и Психологию?»³¹⁶. Интонация в адрес Владиславлева нам может показаться несколько ироничной, если принять во внимание позднейшую психологическую теорию самого Владиславлева, наверняка вызвавшую у Страхова очередную «вспышку недоброжелательства», которые он тщательнейше скрывал, но нравственно глубоко переживал и всю жизнь с ними боролся. М.И. Владиславлев (1840–1890) сотрудничал со Страховым-журналистом во «Времени» и «Эпохе»; Страхов был свидетелем периода сложных отношений Владиславлева с Ф. М. Достоевским³¹⁷. Как профессор М.И. Владиславлев имел хорошую репутацию, а ввиду скромности и скрытности двух бывших семинаристов, Владиславлева и Страхова, их личные отношения – это вопрос, который вряд ли может получить разрешение даже со временем.

Подведя краткий итог и еще раз перечислив препятствия для своей работы на курсах в виде неподходящей репутации, «неохоты» и «слабой силы»³¹⁸, покончив на этом с неприятным личным вопросом, Страхов в конце письма затрагивает всегда более приятную для него тему книжных новинок, сообщает, что начал было читать у Л.Н. Толстого Чичерина о Религии и хотел даже взять книгу с собой но прочел пять-шесть страниц «по жадности», и, поразившись многословием, неточностью, отсутствием строгости мысли, отказался от книги. «Бог с нею! Жизнь коротка и время дорого, как говорит Шопенгауэр по поводу одного знаменитого сочинения, а мне и без того нужно много читать – я не умел, как Вы, вовремя прочесть все, что мне нужно»³¹⁹.

³¹⁶ Страхов Н. Н. – Бестужеву К. Н. Л. 3–3 об. Подчеркивания Страхова.

³¹⁷ М.И. Владиславлев был зятем Ф.М. Достоевского. См. об этом: Владиславлев Михаил Иванович // «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества», 2012–2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.fedordostoevsky.ru/around/Vladislavlev_M_I/

³¹⁸ Страхов Н. Н. – Бестужеву К. Н. Л. 3 об.

³¹⁹ Там же.

Вероятно, о книге «Наука и религия» Л.Н. Толстой вспомнил и попросил у Б.Н. Чичерина по ассоциации со статьей Вл. Соловьева «Начала цельного знания», к которой несколько раз они со Страховым обращались при обсуждении религиозной темы в письмах в ноябре-декабре 1877 г.³²⁰. К представителю «государственной» и «философской» школ в истории Б.Н. Чичерину, по свидетельству коллег Бестужева-Рюмина, он относился критически, не соглашаясь с приматом теоретической схемы государственной централизации над детальным исследованием реальной многообразной исторической жизни российских народностей и племен³²¹. Критичность эта уравнивается, однако, признанием заслуг Чичерина, касающимся и упомянутой в письме Страхова книги: «Глубокие философские знания Б.Н. Чичерина не должны бы тоже оставаться забытыми... Только с почтением можно говорить о таких людях»³²². Сравнение отношения двух критиков к труду Чичерина еще раз подтверждает правоту страховской интуиции о недостижимом «благодущии» и «истинном либерализме» Бестужева, готового не только «в теории», но и в ежедневной практике неумолимо служить высшим идеалам научного понимания и научной справедливости, которую он видел в практическом

³²⁰ См.: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 135-140.

³²¹ См.: Малинов А.В. К. Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов. С. 125-126.

³²² Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Сочинение профессора С.-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича. С.-Петербург. 1884. // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. № 1. С. 133. В этой статье Бестужев-Рюмин, между прочим, ссылается и на Н.Н. Страхова «с его необыкновенно тонким инстинктом», называет в качестве важных источников для суждений о западничестве его книгу «Борьба с Западом» и речь о Достоевском. – Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания... С. 124.

признании за каждым серьезно и искренно продуманным взглядом известной доли истины³²³.

Письма Н.Н. Страхова к К.Н. Бестужеву-Рюмину в архиве Пушкинского дома, среди которых находится и цитируемое письмо, свидетельствуют о том, что до самого конца жизни они дружили и регулярно виделись для общения и обсуждения всех значительных текущих событий, встречая друг в друге не просто образованного и хорошо информированного собеседника, но личность со сходным критическим и целостно-органическим пониманием главных жизненных ценностей – науки, литературы, отечественной истории.

3.2. На пути к сущему: «вечные истины» в конкретно-познавательной перспективе

Н.Н. Страхов, как показывает исследование его методологических поисков, был в числе первых мыслителей, разоблачавших ошибочность отвлеченных системно-теоретических построений в философском познании жизненного целого мира и человека. Эти размышления имеют вполне актуальный смысл сегодня, когда в текущих дискуссиях социально-гуманитарной эпистемологии обсуждается среди прочего очередной парадигмальный «поворот» на фоне системного кризиса знания, которым отмечен современный этап развития гуманитаристики и ее методологической рефлексии³²⁴. Как бы ни было названо и истолковано это событие в будущем, когда из современного превратится в историческое, оно сейчас уже

³²³ См.: Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев, 1899. С. 135. Цит. по: Малинов А.В. К. Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов. С. 126.

³²⁴ См., напр., «вместоманифест» Н. Поселягина «Антропологический поворот в российских гуманитарных науках» и двенадцать откликов на него в дискуссии, проведенной журналом «НЛО» и опубликованную в № 113 за 2012 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/>

понимается в непосредственной связи с предшествовавшими поворотами в мышлении XX века. Постепенное возрастание значения познавательных принципов прагматичности и конкретности, «смена исследовательской оптики»³²⁵ сегодня признаются не философско-научным идеологическим нововведением, а специфическими характеристиками действительного движения знания. Большинство участников современных дискуссий говорят об этих изменениях как о явлении совершенно оригинальном, которое недавно пришло в российскую гуманитаристику из западных научных проектов и европейских университетов и постепенно нами усваивается и осваивается. Возможно, такое видение процесса имеет свои достаточные основания, но в нем, по меньшей мере, не учитывается существеннейшая черта национальной философской традиции в России, о которой уже немало написано и сказано, в которой с самого начала ее предпочтение отдавалось конкретному анализу непосредственных действий, отдельных случаев и их живых последствий перед схематизмом теорий. Как писал в прошлом веке Федор Степун, «русская мысль представляет собой не цикл замкнутых систем, а цепь вот уже целое столетие не прерывающихся разговоров, причем разговоров, в сущности, на одну и ту же тему»³²⁶.

Оригинальность исторической судьбы русской философии проявилась, среди прочего, и в том, что ее становление проходило в такое время, в XIX веке, когда универсальный критерий наличия главного сочинения/трактата, в котором изложена некая оригинальная или эпигонская система, – критерий традиционный для классических эпох, – уже утратил свою универсальность как на Западе, так и в России. Но если для европейской философии разрыв с системами стал восприниматься и пониматься как антиклассический, иррациональный, и в иных подобных определениях «поворотного»

³²⁵ Поселягин Н. Re // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/po19.html>

³²⁶ Цит. по: Кантор В.К. Русский философ в эпоху безумия Разума // Октябрь. 2001. № 6. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2001/6/rfyn.html>

характера, то для русской философии альтернативность дальнейшего развития была задана с самого начала, что не могло не обусловить весьма высокий уровень борьбы направлений и авторитетов, конфликтности течений, который характеризует по историческим меркам краткие золотой и серебряный «века» русской национальной культуры.

Искусственный разрыв русской философской традиции в начале XX века не позволил проявиться истинному соотношению авторитетов и влияний в естественном историческом ходе вещей. Но есть в истории русской философии мыслители, ясно осознававшие границы и меру эффективности системного мышления. Они плохо были поняты в свое время тогдашним интеллектуальным большинством, прежде всего, в силу иных мировоззренческих предпосылок, иного экзистенциального опыта и научного самоопределения. К этим недочитанным мыслителям необходимо отнести Н.Н. Страхова, чей энциклопедизм был широко известен, но серьезную значительность суждений которого признавали немногие выдающиеся современники.

В историко-философских исследованиях, в контексте выстраивания иерархии авторитетов среди мыслителей, чаще всего можно встретить такое амбивалентное суждение о Страхове: конечно, он был глубоким и разносторонним философом, но он не создал своей системы. И оценка эта весьма устойчива; появилась она еще в первых посмертных статьях о Страхове в конце XIX века, сохранилась в учебниках истории русской философии, выходивших за рубежом в XX веке (в советской России Страхов упоминался только среди второразрядных литературных критиков), и снова воспроизводится в наши дни современными исследователями³²⁷.

³²⁷ Ярким исключением являются статьи о Н.Н. Страхове Н.П. Ильина (Мальчевского).

А. Скопинский в некрологе³²⁸ так и задавал вопрос «Создал ли он свою систему? Нет, системы он не создал», но в этом якобы пока и надобности нет в России. Нужны, главным образом, верные оценки западных философских учений, проникающих разными путями к нам. Это тоже не легкий, весьма почтенный и почетный труд, он требует значительного философского ума, и философские работы Страхова главным образом сводятся как раз к оценке различных течений современной философии и к установлению их действительного значения³²⁹.

А.И. Введенский (1861-1913) к годовщине смерти Страхова ставил вопрос аналогично. Оправдание здесь выглядит немного иначе: оно в том, что это отсутствие системы лишь отчасти зависело от самого Страхова. «Еще не наступил наш черед создавать системы», да при таких условиях нашей умственной жизни и трудно ждать, когда наступит?³³⁰.

В.В. Зеньковский в систематическом обзоре, наоборот, возлагал всю «ответственность» на философа: «...Широта и разносторонность трудов Страхова делает его настоящим энциклопедистом, но... отсутствие цельности и незавершенность построений всегда очень мешали должной оценке творчества Страхова»³³¹.

Чего же недоговорил Н.Н. Страхов, и, главное, как он сам относился к проблеме системы в философии?

Стоит заметить, прежде всего, что Страхов, который посвятил значительные усилия исследованиям своеобразия (самобытности) российской культуры и истории и который ставил задачу развития самостоятельной русской мысли в целом ряде работ, нигде в этих работах не

³²⁸ Розановское примечание в конце, к подписи: «Если не ошибаюсь, это псевдоним Владимира Карловича Петерсена, который много лет писал в «Новом Времени» под другим псевдонимом – А-т.

³²⁹ См.: Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. С. 430.

³³⁰ Введенский А.И. Общий смысл философии Н.Н. Страхова. М., 1897. С. 6-8.

³³¹ Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т. I. Часть 2. Л., 1991. С. 216-217.

предлагает создавать «систему» или «системы» русской философии, дополняющие или оппонирующие европейским философским учениям. Более того, всякий раз, когда заходит речь об историко-философском процессе или о развитии науки, эти процессы мыслятся и анализируются им как универсально общечеловеческие, в богатстве содержания которых важно и нужно рассмотреть – как это показал в своем философско-историческом труде «Россия и Европа» поддержанный Страховым Н.Я. Данилевский – национальные черты особого вклада того или иного мыслителя, значительной школы, отдельной концепции, даже индивидуальной идеи или понятия и т.п. Этот универсальный смысл яснее всего выражен в страховских «Предисловиях» к изданиям его главной книги «Мир как целое» 1872 и 1892 годов (при этом стоит помнить, что первое издание составлено из работ, написанных еще в конце 50-х–60-е гг.). Он писал, что вражда против рационализма в современном мышлении ведется всеми философскими лагерями, свидетельствуя о стремлении человека вырваться из «целого мира». Однако теоретическое решение этого вопроса не дается современному мышлению, не обладающему соответствующими средствами (методологическими), что заставляет самых мудрых удовлетворяться практической философией долга³³². Век «хочет познавать, но упорно отказывается мыслить», боясь, что мышлением могут разрушиться начала, на которых строится жизнь, и на него будут возложены слишком трудные обязанности и задачи. «Я желаю стоять за одно в моей книге: за философский метод ставить и развивать понятия. В этом методе вся тайна умопознания»³³³.

В приведенных цитатах, а еще больше в полных текстах этих предисловий, кроме философской всеохватности мысли, обращает на себя внимание необычайно для своего времени глубокий уровень эпистемологической постановки проблемы знания, и в то же время

³³² См.: Страхов Н.Н. Мир как целое. М., 2007. С. 68-69.

³³³ Там же. С. 76.

характерные для конкретно-научного профессионала строгая рефлексия проблемно желаемого и методически возможного, отчетливое самоограничение в формулировании разрешимых задач. Талантом и трудолюбием, любознательностью и опытом целенаправленных исследований в естественнонаучной и философской областях Н.Н. Страхов достиг выдающихся методологических и философско-научных высот и глубин, намного опередил свое время³³⁴. Прямо и самоотверженно философ сформулировал признание невыполнимости для рациональной метафизики ее финальной сверхзадачи познания «в настоящее время», «средствами современного просвещения» – «Неисследуемого». Секуляризованное западное человечество выбрало уже «начала, на которых оно строит свою жизнь», и теперь оно не может и не хочет переосмыслить последовательно эти материалистически-прагматические начала, вплоть до этических и практических выводов. Критически-пессимистические оценки этих начал впервые сильно прозвучали как раз в страховские времена, и Страхов не удивлялся им, ни мыслям Шопенгауэра, ни Ницше, не говоря уже о Достоевском и Толстом. Свободно и цельно мыслящей части человечества в таких условиях остается лишь выполнять свой практический «долг», а именно, мыслить, развивать и совершенствовать познание в возможных («в настоящее время» только научных) направлениях, причем стараться делать это возможно точнее, методически корректнее, т.е., развивать в первую очередь именно метод. Методологические рассуждения Н.Н. Страхова звучат просто, но содержат абсолютно актуальные суждения, предвосхищающие постпозитивистские прозрения философов науки XX века. Он обратил внимание на слишком оптимистичный взгляд ученых на умственную деятельность, ядром которого является позитивистская уверенность, что всякое частнонаучное суждение само определит свои границы, найдет свое

³³⁴ См. об этом подробно вводную статью и примечания Н.П. Ильина к книге Страхов Н.Н. Мир как целое. М., 2007. С. 5-62 и 485-520.

место и установит отношение к другим мыслям. Однако факты доказывают обратное: «под ясными и определенными мыслями может не быть истины, не быть действительного понимания предмета»³³⁵, и так обычно и бывает с мыслями: выигрывая в определенности и ясности, они пропорционально теряют в глубине и объеме. В общем говоря, только «силой более высокой мысли», но не сама собою, устанавливается связь между частными мыслями. Поэтому нужно внушать необходимость такого взгляда, искоренять привычку предаваться беспечно односторонним исследованиям в надежде, что кто-то все и согласует и поправит³³⁶. Эту-то заботу о сфере обоснованной универсальной мысли взял на себя ученый и философ Н.Н. Страхов, именно «головную», рациональную истину он решил отстаивать и «проповедовать», в отсутствие обеспеченности истины высшей, духовно-религиозной средствами защиты, общезначимыми аргументами.

Вопрос о методе в философии Н.Н. Страхова – один из наиболее разработанных, но не исчерпанных, он рассматривался многими исследователями и продолжает изучаться в различных аспектах: системности и органического развития, анализа и синтеза, в применении к научной и философской проблемной и предметной областям, и т.д.³³⁷. Ведущее значение метода в учении Страхова признается вслед за его самооценкой и всеми его комментаторами, но бывает истолковано весьма многообразно. В частности, Алексей Введенский предлагал свою трактовку «сократовского» метода Страхова, опираясь на его слова о том, что он всегда «больше всего

³³⁵ См.: Страхов Н.Н. Психологические этюды И.М. Сеченова // Гражданин. 1873. № 47. С. 1260-1262; № 48. С. 1286-1289. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0490oldorfo.shtml

³³⁶ См.: там же.

³³⁷ Так, например, Т.В. Носова показывает, что страховская аналитическая «“метода”» имеет не только общенаучный, но и универсальный характер». См.: Носова Т.В. Проблема метода в философии Н.Н. Страхова // Credo. Оренбург, 1999. № 4. С. 58–64. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/143/24/>

занят установкой вопроса». Введенский понял содержание этой процедуры в контексте философско-просветительских задач, решаемых Н.Н. Страховым таким образом, что писатель «опровергая ложные мнения», тем самым своего читателя «подводит к истине, ставит в надлежащую перспективу»³³⁸.

Подобно некоторым иным единомышленникам Страхова, А.И. Введенский как будто не совсем осознает, что именно в несводимости воедино перспектив истины разума (идеи) и истины рассудка была главная проблема Н.Н. Страхова, так же как и всего новейшего знания. Неразрешима проблема философа, знающего абсолютно точно, в чем истина, но не находящего логических путей к этой истине, которые можно показать всем. Именно за то Страхов так высоко ставил искусство Л.Н. Толстого, что тот умел художественным приемом показать людям правду красоты, добра и святости; аналогичного же рационального философского пути («средств просвещения») не существует и негде взять. Поэтому, как бы ни пытался, не мог Страхов никого поставить в надлежащую перспективу. Более того, в силу тех же сильных качеств его ума, проницательности и гибкости, энциклопедизма и критической аналитичности, Страхов постоянно чувствовал себя глубоким скептиком и никогда не был уверен в том, что «подводит» читателя туда, куда хотел бы подвести, что под действием собственных предпосылок, как сказали бы мы сегодня, сам не сбился с дороги. Только для «своего» читателя Страхов всегда был полезен, давал верную перспективу, или хотя бы верную постановку проблемы; конгениальный, идеальный читатель Страхова, В.В. Розанов – был счастливым исключением, настоящим подарком судьбы.

Другой и по-другому важнейший читатель Н.Н. Страхова – Л.Н. Толстой, будучи и сам глубоким и «беспощадным» аналитиком, отмечал в откровенных беседах и переписке все слабые места страховской рациональной аргументации, но, как настоящий интеллектуальный друг

³³⁸ Введенский А.И. Общий смысл философии Н.Н. Страхова. С. 5-6.

Н.Н. Страхова, благодарно воспринимал, и глубоко и сочувственно переживал, и творчески подхватывал успешные прорывы мысли своего сверстника-единомышленника. Обсуждая с ним самые серьезные философско-научные темы, Страхов встречал в Толстом то же избегание надуманных теорий. Толстой в ответ был благодарен Страхову за свежие идеи, такие, как органическое миропонимание; он признавался, что поразила мысль о таком обычно игнорируемом и при этом главном свойстве организма как отсутствие у него четких временных границ в действительности и только видимость этих границ для нас (в «настоящем»): «Мне дорога эта мысль. Ведь то же и в духовном мире, мире сознания»³³⁹. Толстого поразила и связанная с прочитанным пришедшая ему на ум мысль, что сознание – не случайное явление, а одна из учреждающих, высшая сила мира, и именно сила.

Страхов отвечал терпеливо и тщательно, находил новые слова для разъяснения самых глубоких оснований своего «несистемного» органицизма, невыразимых «средствами современного просвещения». Он досадовал, что не договорил в книге, как всегда, своей мысли о слиянии душевной жизни с органической. Обе находятся в непрерывном изменении, в то же время и мысль, и организм представляют «нечто сосредоточенное и сохраняющее в себе все прошлое». Во всякой жизни соблюдаются известные законы, но это не есть стеснение, а наоборот, необходимое удобство и пособие. (Страховская метафора с намеком на эволюционистов: лестница не есть причина подъема на высоту). Все из Бога исходит и в Боге завершается. Мы живем в нем, движемся и существуем. И эта метафизика сходится с мыслью об «учреждающем» значении сознания, с которой соглашался Н.Н. Страхов: «И я думаю, что сознание есть “высшая сила мира”»³⁴⁰.

³³⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 томах (Юбилейное). Том 63. Письма 1880–1886 гг. М.–Л., 1934. С. 408-409.

³⁴⁰ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 341.

Разумеется, так откровенно и непринужденно рационалист и скептик Н.Н. Страхов был «готов сказать» прямо «свою метафизику» лишь в личном доверительном общении. Эти идеалы были ему слишком дороги, чтобы он позволил отрабатывать на них публицистическое остроумие записным атеистам и материалистам. Для журнальных публичных полемик Страхову хватало общественно значимых тем, прежде всего, литературных, научных и образовательных, где у него были определенные заслуги и авторитет и, главное, там он знал, что сумеет на уровне здравого смысла, ясно и убедительно, изложить свою позицию и ответить на любой вопрос.

В обстановке враждебного разномыслия, острого соперничества между журнальными редакциями и философско-литературными лагерями, настроенный просветительно, но антисекуляристски, Н.Н. Страхов занял, пожалуй, единственно для него возможную критически-конструктивную высоту «над схваткой», которая позволяла ему сохранять со всеми равные отношения, не переходя от компромисса к соглашательству, не уступая принципиальных позиций. Н.Н. Страхов стал уклоняться от положительной «проповеди», вместо этого он стал систематически и целенаправленно оспаривать умственные «векания» и идеи, которые считал безусловно вредными или ошибочными, вроде нигилизма и спиритизма. В исторической ретроспективе страховское учение об «оправдании полемики», взятое в совокупности с учением о самобытном развития человека³⁴¹, вполне, я думаю, можно считать органически предшествующей формой для позднейшего обоснования диалогического характера постижения многомерных, неочевидных истин, для критического рационализма К. Поппера, для еще более поздней концепции стратегического характера

³⁴¹ Н.П. Ильин во вступительной статье к книге Н.Н. Страхова «Мир как целое» показывает, что главная оригинальная страховская идея – самобытное развитие – это страховский антропологический вклад в развитие органицизма. См.: Ильин Н.П. Последняя тайна природы. О книге «Мир как целое» и ее авторе // Страхов Н.Н. Мир как целое. М., 2007. С. 60–62.

методологии социально-гуманитарного знания. Эта праформа может быть прочитана во множестве самых разноплановых фрагментов статей философа:

Страховский категорический тезис о необходимости отказа от абстрактно-теоретических «обобщений» и схематичных «подведений» как метода познания в пользу конкретно-исторического анализа основан идейно на органической концепции Страхова о первичности умозрения по отношению к эмпирии. Еще в 1862 году он формулировал как бы между прочим (на самом деле, целенаправленно с позиций «почвенничества» против теоретиков «исторического воззрения») важнейшее философско-методологическое положение о теоретическом схематизме и отвлеченности, которое, по-видимому, достаточно для объяснения того, почему не приходилось ждать системы от этого философа. «Что же такое *теория*? Что такое *отвлеченная мысль*?» – спрашивает Страхов, и отвечает сам, что теория противопоставляется *жизни*, как и отвлеченная мысль противопоставляется мысли конкретной. Мысли могут различаться направлением движения: *к* предмету или *от* предмета. Отвлеченная мысль движется от предмета, удаляясь от него и разрывая с ним связь. Она доверяет себе самой. Отвлеченная мысль односторонняя и узкая, но зато ясна, и ее сила в том самом и заключается, что она без всякой опоры определена и понятна. Слабость же ее в том, что она не поддержана непосредственным наблюдением, не имеет себе прямой проверки, и поэтому беспрерывно заблуждается. Отвлечение верит в нее как в действительность в *общую формулу*. Поэтому отвлеченная мысль всегда равняет, сглаживает различия и обесцвечивает явления. Мысль теоретика уходит от предмета в голую отвлеченность. Стремление к отвлеченному мышлению есть стремление мыслить *самостоятельно*, в значении опоры на себя³⁴².

³⁴² Страхов Н.Н. Н.А. Добролюбов. По поводу первого тома его сочинений // Время. 1862. № 3. С. 30-54. То же: [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0290oldorfo.shtml

Н.Н. Страхов, опираясь на приверженность органическим, эстетическим и духовным началам жизни, сознательно боролся против позитивизма в форме экспансии теоретизма в область всеобщего, в область свободы, в сферу возможного. В своих полемиках он требовал конкретно-жизненной, конкретно-историчной постановки и разрешения вопросов, преодоления теоретико-метафизической «воздушности» как излишней легкости и безответственности мысли. Этому же Страхов учил тех, кто обращался к нему за советом, рецензией, редактурой – мы видим это прежде всего в письмах А.А. Фету и В.В. Розанову по поводу их набросков статей. «Вы истинно отвлеченный человек», – писал Страхов Розанову. Он считал это главной бедой, от которой страдало и потеряло свой научный авторитет гегельянство. Общие формулы и логические тавтологии не содержат (по)знания сами по себе, они «составляют тот огонь, в котором должно очищаться всякое познание»³⁴³. Вместо отвлеченных теорий Страхов предлагал Розанову научиться мыслить методически, показывать свои приемы мышления, убеждать в исчерпывающей постановке вопроса так, чтобы это было видно³⁴⁴.

Примером правильной методологической постановки вопроса с точки зрения Н.Н. Страхова может служить его статья «О законе сохранения энергии»³⁴⁵, которую он написал, с одной стороны, по следам спора с А.М. Бутлеровым о спиритизме, а с другой, сиюминутно откликаясь на участвовавшее употребление слова «энергия», его изрядно раздражавшее: и Л.Н. Толстой метафорически, и молодые образованные в науках и философии авторы, считавшие себя Страховскими учениками, – В.В. Розанов, Н.Я. Грот и другие – вдруг стали часто и устойчиво повторять выражение «психическая энергия», говорить о том, что существуют энергии органическая и психическая, и что движение (энергия) всего сильнее в

³⁴³ Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 37-38.

³⁴⁴ См.: Там же. С. 35.

³⁴⁵ См.: Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 453-484.

начале, и что существует действительная сила, называемая целесообразностью³⁴⁶ Страхова раздражала неточность, неправильность выражений, он видел в них даже бессвязность и бессмысленность³⁴⁷ и негодовал в письмах. Убедившись в неизбежности и неотложности очередной просветительской задачи, Страхов предпринял подробное разъяснение истории вопроса и контекстов развития понятия энергии, методологии открытия и толкования философского и научного значения закона сохранения энергии. Получившаяся в результате статья стала достойным прибавлением и даже украшением второго издания главной книги Н.Н. Страхова «Мир как целое»³⁴⁸. Этот маленький шедевр так гармонично встал в текст, что помогает лишний раз наглядно убедиться в органичности, последовательности и цельности развития взглядов и идей самого Н.Н. Страхова на протяжении тридцати с лишним лет, позволяет проследить его устойчивую герменевтическую установку в исследовании и продуктивном раскрытии проблем естественнонаучного мышления.

³⁴⁶ В.В. Розанов в 1913 году сделал к этому месту приписку, которая показывает безуспешность попыток Н.Н. Страхова воспрепятствовать метафоризации понятия энергии, которая продолжается в языках естественных наук и по сей день, захватывая самые широкие области паранауки и создавая тем самым серьезную проблему современной эпистемологии и философии науки. «Что же, меня *тянет* куда-нибудь, – разве это не *сила*? Если в организм вложена какая-нибудь цель, как в жизнь народа может быть вложена его «судьба», то разве движение ко всему этому не будет «сильным», «преодолевающим *все препоны*», и тогда эта пробивающаяся к реализации «судьба» или «цель» является движущей силой, – *causa efficiens* [действующей причиной], совпадающей с *causa finalis* [конечной причиной (*лат.*)]. Тут-то великие определения Аристотеля могли бы для уразумения пригодиться Страхову, который не мог оторваться от «своего единственного» Гегеля. *Примечание 1913 года*. – Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 56.

³⁴⁷ Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 56-57.

³⁴⁸ См.: О законе сохранения энергии // Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 453-484.

Актуальность и новизна толкования Н.Н. Страховым отношений между философско-научными методологическими категориями «система», «теория» и «метод» проявляются в том, в частности, что определенное и раньше многих им выдвинуто требование: вместо строительства новых отвлеченных теоретических систем развивать конкретное предметно-понятийное знание на основе герменевтических и диалогических поисков, «межпартийных», как говорили в XIX веке, или мультипарадигмальных, как мы теперь выражаемся, комплексных, стратегических методологий исследования. Методологическая позиция Страхова близка по сути витгенштейнианскому пониманию задач философии по прояснению понятий, максимальному уточнению логики форм вечных истин. Рост и дальнейшее развитие знания и понимания происходит в процессах личностного участия в общих разговорах, через серьезное и органичное включение в полилог, в многоголосие. Каждый призван его талантом отозваться на «свою» тему, отличить настоящее от фальшивого, укрепить и поддержать ростки истины самобытными аргументами – и постпозитивистская философия в новейшие времена не превзошла органической метафоры в успешности рационального описания и объяснения творческой стороны познания.

Как формулировал В.В. Розанов, Страхов «изошряет мысль и воспитывает ее»³⁴⁹, чтобы «вывести из этой темной глубины хоть что-нибудь к свету ясного сознания»³⁵⁰. Двойная установка на «анализ человеческих заблуждений» и выявление «вечных истин» составляет базовое основоположение всего творческого познавательного пути Н.Н. Страхова, включая научно-методические, методологические статьи и последние недописанные работы по философии времени и методологии исторического познания. «Страхов был чересчур сложен для одних и казался чересчур прост

³⁴⁹ Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. С. 9.

³⁵⁰ Там же. С. 8.

для других»³⁵¹. Он действительно может показаться слишком простым на взгляд того, кто видит только его консервативное начало, охранительное в отношении вечных истин, его безупречную логику вывода и строжайшую методичность, тем более что Страхов и сам считал важными ограничительные, охранительные задачи философского подхода к науке. Страхов же выглядит слишком сложным на взгляд тех, кто в состоянии оценить глубину и тонкость, нетривиальность логики и диалектики понятий, богатство показываемых им «органических» связей и оттенков смысла там, где на поверхностный взгляд все уже ясно, или, наоборот, «всё возможно», как «психическая энергия», «жители планет», «социальное равенство» и т.п. Страхов осуществляет анализ заблуждений как тщательный «учительский» разбор конкретных мысленных ходов конкретного писателя в конкретном тексте, показывая превышение обоснованной уже достигнутым знанием меры свободы суждений. Говоря языком школы, Страхов приводит анализ ошибки к последней степени ясности заблуждения как проявления нарушения какого-то из основных логических законов: так закон достаточного основания нарушен в гипотезе о «жителях планет», закон тождества не соблюден в вольном истолковании соотношения понятий «силы» и «энергии», закон противоречия мешает признать законными нигилистские толкования понятия справедливости. Когда же Страхов делает собственные шаги по развитию подлинных извечных философских проблем, таких как выработка понятийного инструментария для правильного мышления о соотношении в человеке духовного и психического начал, как вопрос о пантеизме науки и идеализме религии, как реализм и номинализм в понимании природы времени и т.п. – становится ясно, что мы имеем дело не просто с осторожно-консервативным учителем системно-аналитической

³⁵¹ Левицкий С.А. Н.Н. Страхов (Очерк его философского пути) // Новый журнал. 1958. № 54. С. 184.

методологии, но со смелым и свободным мыслителем, провозвестником самого актуального философского мейнстрима.

3.3. Эпистемологический стиль Н.Н. Страхова: ответные смыслы

Один из самых значительных защитников и хранителей классических идеалов, как он их называл, – «вечных истин», – фигура, без которой нельзя представить адекватно интеллектуальную и литературную жизнь России второй половины XIX века, Н.Н. Страхов интересен и важен для истории культуры и философии, прежде всего, на мой взгляд, своим на редкость полно и ясно выраженным в текстах внимательным ко всему, вдумчивым отношением. Его конкретная личная необыкновенная рефлексивность (как многие это тогда называли, «хитрость»), захватывавшая, в силу биографических обстоятельств, самые разнообразные сферы интеллектуальных разговоров и жизненные контексты, в некотором смысле представляет увлекательный психологический «случай», загадку притягательной и противоречивой личности.

В чем заключается тайна пресловутой «хитрости» Страхова? Почему к нему так прочно пристала характеристика «фальшивого» человека?³⁵² Вообще говоря, словцо это весьма популярно в публицистике 1860-80-х гг., встречается оно и у самого Н.Н. Страхова, причем едва ли не в каждой статье: «фальшивые явления», «уродливые и извращенные формы», «лукавство», «лицемерие», «уклончивость», «коренная фальшь», «ухищрение» и т.п. Хитрость, надо полагать, никогда не считалась в России

³⁵² См., напр., один из первоисточников этой репутации – мнение К.Н. Леонтьева, переданное им, в частности, в письме В.В. Розанову 24 мая 1891 г.: «из Страхова никто ничего положительного не извлечет, у него все только тонкая и верная критика, да разные «уклонения», «умалчивания», «нерешительность» и «притворство». ... Владимир Соловьев правду говорит, что характер его очень непонятный и сложный: и добросовестен, и фальшив и т.д.» – Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 34.

редкостью. Чем же именно страховские хитрости так впечатлили современников? В начале двадцатого века Страхов прославился скандально, когда была обнародована его «клевета» в письме к Толстому на великого Достоевского. Учтем, однако, что, во-первых, Страхов высказал о Достоевском личное остро нелицеприятное суждение только в сугубо частном письме, а в частных разговорах нет закрытых тем и неприкасаемых лиц; письмо, по-хорошему, подлежало уничтожению, и в этом смысле, хитрого умысла в нем быть не могло. Как в этом, так и в других многочисленных случаях нелестных высказываний и оценок Страховым кого бы то ни было – от Ап. Григорьева и А.А. Фета до Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, включая и В.С. Соловьева, и К.Н. Леонтьева, и В.В. Стасова, и В.В. Розанова, и многих других, с кем был близко знаком и в кого внимательно вглядывался Н.Н. Страхов, мы не встретим никакой заведомой лжи, прямой клеветы, личного недоброжелательства или злословия. Скорее напротив, всюду можно обнаружить внимательный, именно исследующий природу души человека взгляд, психологический опыт анализа мотивов, влияний судьбы и обстоятельств, а более всего – проявлений таланта, самобытности каждого человека. Страхов жил и сам жизнью весьма трудной, был трезво реалистичен в отношении себя и знал, что обычно медленно разбирался в людях, – разумеется, порой ошибался, – и редко разочаровывался в ком-то, потому что был недоверчив и не спешил очаровываться. Воспитанный в православии, он знал и глубоко переживал греховность суда и осуждения, но как любознательный общительный человек, ученый, педагог и литератор, не мог не обсуждать людей. Впрочем, замечания его часто довольно точны и существенны – хотя бы уже потому, что он участвовал в разговорах о поэзии и психологии, об общественных настроениях и тонких душевных проблемах живых людей и литературных персонажей с самыми значительными, умнейшими «душеведами» 60-90-х гг. XIX столетия.

Что же за хитрость и какого именно рода обнаруживается в работах самого писателя Н.Н. Страхова?

Согласно исследованиям старшего современника Н.Н. Страхова, В.И. Даля, слово «хитрость» в русском языке имеет два основных лексических значения: «уменье, искусство, художество; умственная ловкость, изворотливость, тонкость и острота соображений», и – «лукавство, коварство»³⁵³. Производное от «хитрости» хитроумие как опытность, техничность, искусность, как высочайшее мастерство критических или научно-философских работ признаны как ценителями, так и отдельными недоброжелателями Страхова. В биографическом очерке Б.В. Никольского это хитроумие мастера описывается подробно и с удовольствием. Никольский прежде всего отмечает простоту и доступность изложения как свойственные неотъемлемо этим самым простым книгам о самых темных и мудреных вопросах. Автор деликатен и вежлив с мнениями и мыслями, как с живыми людьми, при этом он не обнаруживает ни тоном, ни отношением своего согласия или несогласия с ними. Статьи не содержат и помина насмешки или желчи. «Он всегда писал простодушно, хотя рассуждал хитроумно»³⁵⁴. Писал он, размышляет далее Б.В. Никольский, будто бы не

³⁵³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 4. СПб., 2002. С. 548.

³⁵⁴ Никольский Б.В. Н.Н. Страхов, критико-биографический очерк. С. 6-7. Склонность «видеть хитрость или лукавство» в страховской стилистике продолжает проявляться и в современных внимательных читателях Страхова. Так, С.С. Шаулов в известной цитате из письма В.В. Розанову – «Я так люблю ссылаться на всякие книги и говорить не от себя, а чужими словами, сопоставляя и толкуя места какого-нибудь автора. Тогда я чувствую себя на твердой почве» (Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. С. 12.) – видит признание Страхова в использовании эффективного «приема “привязки” своей мысли к уже работающему в культурном сознании контексту» «в расчете на “ответный ход” читателя» (Шаулов С.С. Н.Н. Страхов как творец и персонаж литературных контекстов: между Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым. Уфа, 2011. С. 75) и подтверждение своей гипотезы о том, что «философия Страхова – непрерывно

теми словами, какими думал. Отвлеченность, осторожность, прозрачность выражений, всё так изысканно и в то же время просто у Страхова. Читатель до такой степени предоставлен мыслям автора, хотя ему ничего не подсказывают слогом, что многие склонны видеть в этом неискренность. Но то, в чем некоторые видят лукавство или хитрость, в сущности, было «величайшей добросовестностью, учтивостью мысли этого аскета стилистики».

Этому описанию страховских работ Б.В. Никольского вторит и В.В. Розанов, понимающий, что Страхова занимает слишком много мыслей, чтобы можно было выделить какие-нибудь из них, забыв остальные. И, мысли эти, что особенно важно, отличаются сложностью и чрезвычайной тонкостью, их довольно трудно усвоить, хотя они и высказаны на совершенно прозрачном языке. «Они трудны не потому, что трудно выражены, – но сами по себе, именно как мысли»³⁵⁵. Об этих же своих впечатлениях Розанов писал неоднократно и самому Н.Н. Страхову, просил учесть мнение «читавшего и перечитавшего все статьи» о том, что нет ничего труднее для критического разбора – прежде всего, по многообразию предметов, о которых писал Н.Н. Страхов – «хоть по несколько, однако, значительных строк»³⁵⁶; что делает затруднительной задачу критика не

становящаяся философия, неотделимая от формы и повода высказывания, в котором выражается. Отсюда публицистичность его мысли, зависимость от текущего, в том числе и от литературного текущего» (там же. С. 77). Такое толкование слишком опрометчиво подчиняет философское начало страховского мышления публицистическому и может быть объяснено только слабым знакомством литературоведа с философским наследием Н.Н. Страхова; в случае же выписки из письма интерпретация ее прямо противоречит контексту цитаты, где речь идет о средствах против слишком свободного движения метафизической мысли.

³⁵⁵ Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. С. 7.

³⁵⁶ Там же.

растеряться в этом всем, да еще, во-вторых, из-за переплетения своего изложения с множеством критики чужих взглядов³⁵⁷.

Более того, и сам Страхов при характеристике своего способа изъяснения легко употреблял слово «хитрость»: «Сам же я пишу всегда с хитростию, то есть выставляю объективно в виде вопроса то, что составляет мое прямое убеждение»³⁵⁸. В этой фразе «всегда» можно понимать буквально: одни и те же приемы «хитроумных» построений рассуждений можно видеть в Страховских статьях самого разного жанра, масштаба и времени написания.

Показательна в этом плане история уже анализированной выше статьи под названием «Жители планет», которая была написана в конце 1860 г. для журнала «Время» и без изменений вошла в два издания главной книги Н.Н. Страхова «Мир как целое» (1872 и 1892 гг.). Познакомившись с первой публикацией статьи, многие читатели решили, что автор ее и сам верит в существование инопланетных форм жизни³⁵⁹. При этом в статье многократно воспроизводится основной тезис в различных вариациях о том, что понятие об отличной от человеческой жизни неистребимо и таинственно присутствует в человеческом духе и имеет «значение величайшей важности», потому что указывает на те смыслы, какие люди придают своей земной жизни³⁶⁰. В другом месте еще более определенно говорится, что человек всегда недоволен своей жизнью, он носит в себе идеалы, мучительные тем, что никогда не достигаются, а потому человеку необходима вера в духовно-этическое многообразие мира, в существ лучших, более совершенных, чем он. Это значит, что человек предрасположен верить, что сущность и формы

³⁵⁷ См.: Там же. С. 239.

³⁵⁸ Письма Н.Н. Страхова к Н.Я Данилевскому // Русский Вестник. 1901. № 3. Т. 272. С. 135.

³⁵⁹ Не станем здесь приводить примеров, но такие прочтения случаются и в наши дни, как показывают материалы текущих научных сборников.

³⁶⁰ См.: Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 217.

его нравственной жизни могут быть несравненно лучше, чем они являются на земле³⁶¹. В главную тему «прихотливо» (В.В. Розанов) вплетается множество любопытных историко-научных наблюдений-размышлений о Вольтере, Фонтенеле, Гюйгенсе³⁶², отнюдь не второстепенных по важности идей об утопиях и природе утопического сознания, о практической и теоретической мудрости, о соотносительной ценности знания и свободной избирательности ума, о доказательности, о языковой основе гипостазирования понятий как логической ошибки отвлечения, об универсальности законов природы, о времени и пространстве и пр., и пр. В.В. Розанов в своей рецензии резюмировал: «г. Страхов бросает освещающие мысли в обе стороны – в мир нравственных движений человека и в наиболее темный для разумения мир безжизненного вещества»³⁶³.

Н.Н. Страхов в «Жителях планет» дает как бы между прочим формулу, которая помогает истолковать его методическую хитрость и совпадает по духу с заявлениями о предпочтительности молчания в условиях невозможности вполне высказаться и быть вполне понятым, повторяющимися также в письмах к Толстому и Розанову. Он пишет о молчании, которое есть «мудрость тех, кому нечего говорить». Эта мудрость важна тем, что требует умения отличать ясно мысль действительную от всего другого, что «бродит в голове». Молчать совсем невозможно, молчание же об одном и при этом говорение о другом – «опасно», поскольку ведь можно и даже придется как-нибудь проговориться: всякий раз, выражая определенное мнение о некоторых предметах, мы вместе с тем неизбежно определяем наш взгляд на другие, логикой и жизнью связанные с обсуждаемыми, предметы, о которых, кажется, «умолчали самым тщательным образом»³⁶⁴. Один из характерных страховских приемов – сказать «отрицательным намеком»,

³⁶¹ См.: Там же. С. 230.

³⁶² См. гл. II, § 3.

³⁶³ Там же. С. 529-530.

³⁶⁴ Там же. С. 210.

сказать посредством утаивания, – несомненно, веское основание для предъявленных неоднократно Страхову обвинений в хитрости умолчания. Это тренируемый эпохами жесткой цензуры способ сказать не для всех, но дать ясный намек тем, кто почти уже понял сам, кто мыслит в том же направлении.

Оба лучших его читателя, Толстой в 1873 г. и через двадцать лет Розанов, не обманулись хитростью, не захотели оценить его иронии и искренне осудили Страхова за это «лукавство», чем порядком огорчили писателя-стилиста. Зато эти упреки принудили уклончивого и скрытного Н.Н. Страхова высказаться пространно о мотивах своей скрытности и умолчаний, что случалось с ним крайне редко. Он признался Толстому, что действительно не понимал религии, когда писал свою статью, и хотел в этих очерках изложить все передуманное, чтобы подвести итог определенному периоду своих размышлений, и затем уже шагнуть в новую мысль. Религиозная постановка глубже научной, но новый взгляд, по законам органической диалектики, должен был быть не ниже старого и, следовательно, удержат в развитии всю долю истины, которая есть уже в старом. Страхов признавался, что больше всего ему хотелось «спуститься до корня и взяться за теорию познания», где, как он думал, уже заключена самая сущность дела³⁶⁵.

Таковыми были оптимистичные планы философа после первого издания книги, но согласовать рационально, единообразно и непротиворечиво разъяснить религиозное и научное знание оказалось чрезвычайно трудно, если вообще возможно. По прошествии двух десятилетий самой упорной и последовательной работы над проблемами психологии и философии познания Н.Н. Страхов снова был вынужден читать упреки в том, что не договаривает до конца своих мыслей, не желает обнаружить перед толпой читателей свои самые заветные убеждения. В.В. Розанов высказывал

³⁶⁵ См.: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 22-23.

предположение, что г. Страхов, по-видимому, несколько недоверчив к своим читателям, почему и умалчивает «самое интересное», что мы могли бы узнать от него³⁶⁶.

Изрядно удивившись совпадению упреков от В.В. Розанова и от Л.Н. Толстого, Н.Н. Страхов решил по долгом размышлении, что призыв к полной откровенности – это «странное» требование, для него же именно просто невыполнимое. Об этом он написал Л.Н. Толстому уже без всяких хитростей, сформулировал, в чем видит свой долг перед читателями – в писании правдивом и добросовестном, в максимально правильном развитии мысли, в точном подборе слов – в том, что умеет и считает полезным. Высказываться же «до конца» – «гораздо труднее, чем полагают те, кто этого требует». Страхов даже привел в пример Платона с его диалогами, которые не содержат никаких окончательных формулировок и выводов. «Главное дело в том, чтобы рассуждать, мыслить; а поприще мысли мне всегда казалось безбрежным океаном»³⁶⁷. Этот разговор вынудил Н.Н. Страхова к действительно довольно откровенному самоописанию, впрочем, довольно поверхностному и слабому: Страхов действительно не умел заниматься собой, самоанализом, что особенно заметно на фоне его друзей-писателей³⁶⁸.

Самооценку Н.Н. Страхова, его совершенно бескорыстную и бесхитростную скромность вполне подтверждает и впечатление Б.В. Никольского, который рассказывал, что Страхов и в мышлении, и в разговорах, как и в своих произведениях, отличался монашеской, наивной почти серьезной внимательностью к чужому слову, с которой он взвешивал каждое прочитанное им мнение и каждую высказанную ему мысль, причем с самым непосредственным глубоким восторгом³⁶⁹.

³⁶⁶ См.: Розанов В.В. Идея рационального естествознания (Рецензия на книгу Н. Страхова «Мир как целое. Черты из науки о природе») // Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 546-547.

³⁶⁷ Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки: в 2 т. Т. 2. С. 911.

³⁶⁸ См.: Там же. С. 909-910.

³⁶⁹ См.: Никольский Б.В. Н.Н. Страхов, критико-биографический очерк. С. 6.

Самый главный и наиболее трудный вопрос страховского философского творчества – проблема познания как самопознания и как предметного мышления. К этой теме он выходил неизменно то со стороны историко-философского исследования, то в контексте естественнонаучного анализа. Также и причины большинства социально-политических проблем Европы и России Н.Н. Страхов видел в типичных просветительских привычках и индивидуалистически-эгоистических предпосылках современного у мышления об обществе, смысле жизни и истории. Свой опыт поисков правильных подходов к изучению познания, как и определенные промежуточные итоги диалектического анализа понятий о душе Страхов изложил в составленной из журнальных статей работе «Об основных понятиях психологии и физиологии»³⁷⁰. Этот труд получил высокую оценку специалистов и заслуженно привел Страхова в ряды почетных членов Психологического общества. Думается, еще более долговременное значение имеет данная книга для истории русской философии, и особенно она показательна в плане дидактического мастерства Страхова как интерпретатора Сократа и Декарта. Но и эта книга вызвала новую серию упреков Страхова в хитрости, в уклонении от выбора между учеными философско-психологическими «лагерями» – проявив свою всегдашнюю сдержанность, автор осторожно остановился перед феноменом субъективности, перед ясно осознаваемой непознаваемостью познающего я методами экспериментальной психологии.

В недлинном ряду симпатизирующих Н.Н. Страхову размышлений современников о его философии можно встретить несколько странный случай «извращения» одного из самых ясных положений Страхова о том, что сознание, сознающее свои объекты, не может само становиться объектом исследования ни для кого-то другого, ни для самого себя. Это неожиданное

³⁷⁰ Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. 2-е изд. СПб., 1894. XIX, 318 с.

толкование содержится в статьях Алексея Ивановича Введенского под объединяющим заглавием «Общий смысл философии Н.Н. Страхова»³⁷¹. Во второй статье он представлял ход и логику страховских рассуждений таким образом, что в них якобы вкрадывается чужеродный «дух-искуситель» с подкачкой: душа – область таинственная и темная, едва ли допускающая такие же научные приемы исследования, что и другие предметы. И спрашивает: Как же выступать против приговора науки с апелляцией к свидетельствам внутреннего опыта и непосредственного чувства? «Его голос звучал так искренно, и аргументы казались так убедительными, что философ невольно поддался их обаянию. – Да, – сказал он, – внешний мир – вот “настоящий предмет нашего познания, наш настоящий объект”»³⁷². Следует лишь порадоваться тому, что Страхов не прочел, как он, философ, невольно (!) был убежден «кажущимися убедительными» аргументами, как поверил «духу-искусителю», что «объект» может быть только «вне» субъекта, а научные методы не могут быть применены к внутреннему опыту. Столь же грустно прочел бы Н.Н. Страхов и продолжение статьи о своих «хитростях», как якобы ему понадобился некий “особенный поворот мысли”, основанный на произвольных допущениях, чтобы, избежав нежелательных выводов, ... и т. д. Похоже, что А.И. Введенский сам совершил “поворот”, чтобы изобразить «быстрый и решительный» переход философа Страхова к точке зрения идеализма³⁷³. Пересказав картезианский пассаж страховской работы, А.И. Введенский интерпретировал его как проявление идеализма. Усмотрен же идеализм в том простом тезисе, что для осознания своей внутренней жизни, обычно непостоянной и смутной, мы в мышлении согласуем ее с идеями истины, свободы и нравственности, которые, не имея эмпирического происхождения, придают тем не менее нашей жизни характер действительности. В этих идеях и лежит ключ к пониманию всей

³⁷¹ Введенский А.И. Общий смысл философии Н.Н. Страхова. М.: Унив. тип., 1897. 25 с.

³⁷² Введенский А.И. Общий смысл философии Н.Н. Страхова. Статья 2-я. С. 1.

³⁷³ См.: Там же. С. 2.

действительности, сначала внутренней, а затем и вообще всей, и именно с них-то и следовало бы начинать психологии, поскольку без этих органических идей и «вечных истин» «нельзя иметь представления о душе и ее жизни»³⁷⁴. Идеалистический предрассудок А.И. Введенского здесь снова порождает явную натяжку: это не мысль «нашего философа», а комментарий к Декарту; ключ же – не к пониманию «всей» жизненной действительности, а лишь к пониманию понимания, то есть к познанию³⁷⁵.

Стоит обратить внимание на редкостную терпимость и терпение, с какими вступал Страхов в дискуссию с каждым оппонентом; по-видимому, и спокойствие это тоже принималось за хитрое притворство, лукавое лицедейство. Однако пристальное изучение статей и переписки Страхова убеждает постепенно, но твердо: он и в самом деле всё умел «переваривать», он действительно не судил о произведениях в соответствии с тем, согласен ли он с автором или с тем, что в них утверждалось. Когда он слышал работу ума, чувство, даже злобу, творчество, даже ярую чувственность – был доволен всегда, потому что больше всего был рад встрече с живым явлением, которое всегда пригодится, если только сумеет самому «употребить» его с пользой³⁷⁶. Увидев, что в чем-то расходится с серьезным сторонником другой точки зрения на некий вопрос, Страхов старался всегда вызвать этого оппонента на спор, на обсуждение важных пунктов разногласия, добиться от него разъяснения своих аргументов, либо реконструировал эту аргументацию, если оппонент был недоступен. Самым важным было для Страхова увидеть и показать своим читателям метод рассуждения, логику спора, и он, вскрывая недостатки и достоинства чужих «постановок», старался предъявить и всячески продемонстрировать свою излюбленную

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ См.: Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии // Философская культура. 2006. № 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.hrono.ru/proekty/metafizik/fk303.html>

³⁷⁶ См.: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 326.

диалектику понятий, умел благодарить и радоваться точному критическому указанию на свои ошибки. Эти методичность и критичность составляли в мышлении Страхова не просто привычку или гегельянский предрассудок, а искусно применяемое средство для достижения продвижения в трудных вопросах познания путем отсечения ошибок и заблуждений³⁷⁷.

Не стоит настаивать, что «хитрость» Страхова имеет только конструктивный, положительный, смысл. Наверное, так в жизни не бывает, и всякий метод без теории, последовательно проводимый скепсис, отказ от принятия на веру какого бы то ни было основания чреват неопределенностью и шаткостью. Эта неустойчивость была Страхову хорошо знакома и, как слабость, тщательно скрывалась от поверхностно подозрительных оппонентов. Они, убежденные проповедники и последователи своих идеологических «символов веры», не могли понять страховского нежелания «выбросить знамя», окончательно определиться, назвавшись хоть бы толстовцем, – но даже к своему художественному кумиру Страхов хотел и сумел остаться в «трезвом», неприсоединившемся отношении. Трудно сказать, чего здесь больше, хитрости или прямоты, но он тем объяснял Толстому свое «неприсоединение», что такова ситуация в умах народа, что нет прохода между «революционерством и ретроградством», что эти два течения душат и подминают все под себя. Толстой – другое дело: то, что он сделал, его заявление самобытной религиозной мысли – великое дело; «но ведь для этого нужно было то, что в Вас есть и чего у меня нет, да и ни у кого другого нет»³⁷⁸.

Николай Николаевич не отрицал, да и не хотел отрицать своей литературной изобретательности – тоже своего рода хитрости. Стремясь к максимальной глубине и полноте выражения мысли, он использовал самые

³⁷⁷ В данном случае этот элемент страховских исследовательских стратегий больше всего ассоциируется, на мой взгляд, с попперовскими «предположениями и опровержениями», если трактовать их как «стратегии».

³⁷⁸ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 404.

разнообразные приемы и стили, чем, по-видимому, одновременно удовлетворял свою поэтическую потребность, может быть, порой и умаляя этим точность и ясность научно-философской мысли. Этим вопросам Страхов уделяет много внимания в переписке, прислушивается внимательно к критике и, как правило, смиренно признает свои неудачи. Так он отказался от высокой оценки шуточного тона «Жителей планет»³⁷⁹, признал много раз свою душевную слабость и умственную раздвоенность³⁸⁰. Здесь необходимо подчеркнуть, что Страхов упорно не желал, как писатель добросовестный, поддаваться личным склонностям и эмоциям; важно видеть за ним (признанием) упорную борьбу писателя-философа за истинный смысл вещей и «объективное созерцание»³⁸¹. Неоднократно ему приходилось отвечать, в том числе Л.Н. Толстому, что ему хорошо известно на собственном опыте, как «сердце подкупает наш ум», но так же известно, что ум в состоянии понять и оценить эти «подкупы» и что честный ум «всячески стремится избежать их»³⁸².

Из этих слов становится понятнее, отчего Страхов так обижался и негодовал, слыша подозрения и упреки уже не в хитрости, но во лжи – тут он отказывался понимать шутки и вставал на совершенно бескомпромиссную позицию. Из почвы радикального неприятия лжи, думается, выросли его главные симпатии и антипатии: неискренность и ложь неизменно приводили к охлаждению и отторжению³⁸³. «Только искренний и добросовестный человек может сделать что-нибудь полезное»³⁸⁴.

³⁷⁹ Там же. С. 21-22.

³⁸⁰ Там же. С. 238-240.

³⁸¹ См.: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 301.

³⁸² Там же. С. 301-302.

³⁸³ По поводу «остроумной и шуточной» (Б.Л. Модзалевский) критики Вл. Соловьевым книги Н.Н. Страхова «О вечных истинах. (Мой спор о спиритизме)» (1887) у него вышла серьезная размолвка не только с самим Вл.С. Соловьевым, но и с поддержавшими его А.А. Фетом и Н.Я. Гротом. «Вот мои судьи, бесценный Лев Николаевич! И все три

Принципиальное отвержение от недобросовестной, лживой или клеветнической хитрости Страхов провозгласил торжественно еще в обстановке бурных литературных боев 60-х, выступив под маской Летописца «Эпохи» с программным заявлением о том, что никто не должен заведомо стараться видеть в заблуждениях не просто заблуждения, а дурные инстинкты, обвинять заблуждающихся в бессовестности, безнравственности, в незнании долга. Так же никто не имеет права ставить под сомнение искренность чужих убеждений только на том основании, что находит эти убеждения нескладными и нелепыми. Страхов возмущался распространением в литературе намеков на безнравственность и подлость противника – иногда по детскому наивному простодушию, смешению понятий и увлеченности убеждениями, человек действительно может считать подлостью то, что не согласно с ним. Но хуже, когда так поступают осознанно; т.е. литератор понимает, что между честными людьми возможны разные мнения по данному вопросу, и все же ищет случаи обвинить соперника в бесчестности, чтобы нанести ему самую глубокую рану³⁸⁵.

В начале приведенной цитаты оборот «не имеет права» содержит не формально-правовую, а морально-этическую модальность. Больше всего Страхова беспокоило и заботило состояние общественных настроений,

знакомы со мной и не раз выражали, что любят меня. Стыдно Соловьеву подумать, что я лгу, да стыдно и Фету поверить такой мысли. Когда же я лгал? Зачем мне лгать на старости лет? Что за гнусность! Не знаю теперь, что делать. ...Я принялся думать, отчего же все это вышло? Не понимаю. Грот мальчик, не имеющий никакой состоятельности в мыслях. Но Соловьев? Как же он не понял книги? И если он не понял, кто же ее поймет? ...Такого огорчения и недоумения я еще не испытывал в жизни. Не верят! Знали меня так долго и говорили, и уверяли в дружбе, – и не верят моим словам! И обнимают за это!» - жаловался Н.Н. Страхов в письме Л.Н. Толстому 12 марта 1887 г. – Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 347.

³⁸⁴ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 369.

³⁸⁵ Страхов Н.Н. Заметки летописца // Эпоха. 1864. № 3. С. 1-65; 325-347. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0380oldorfo.shtml

общий тон растущего гражданско-политического движения и отражения его в литературно-публицистических дискуссиях и полемиках. «Фальшивая тревога, неосновательная боязнь и озлобление – болезнь настоящего времени»³⁸⁶. Как и чем можно вылечить эту болезнь? В.В. Розанов вспоминал после смерти учителя о своих многочисленных разговорах с Н.Н. Страховым о «родовых, национальных недостатках», которые внушали ему определенный пессимизм в ожиданиях перспектив российского вклада в мировую культурную сокровищницу, в специфический труд человечества, в котором воплощаются неистощимый интерес к истине, любовь к науке, непреодолимое упорство мысли. Страхов замечал в своей долгой интеллектуальной жизни, что слишком многие российские таланты «разменялись на мелочь»: «написать благоухающее стихотворение, оценить бутылку старого вина, оценить женщину...»³⁸⁷ Культурой же он считал другие исторически сформированные навыки: «...но исследовать, но изучить, но дать прочные основания чему-нибудь или развить просто какую-нибудь мысль до конца – нет, уж прошу покорно, тут мы с первого шага пас...»³⁸⁸

Но все же Н.Н. Страхов, «неустойчивый и колеблющийся» в том числе и в своем пессимизме, верил в будущий высокий расцвет русского культурно-исторического типа. Он надеялся на возрастание свободных творческих сил народа и образованного общества, делал все для широкого и качественного народного просвещения, для развития настоящей современной интеллектуальной культуры³⁸⁹, а эта педагогическая деятельность, в свою

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Розанов В.В. Памяти Страхова // Энтелехия. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. № 21. С. 68.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Стоит припомнить, что Н.Н. Страхов восемь лет преподавал естествознание в гимназиях, затем служил в Публичной библиотеке и Ученом комитете при Министерстве народного просвещения; всю жизнь переводил и рецензировал научные и учебные труды,

очередь, была стабильной средой его интеллектуальной сосредоточенности, индивидуального научного и философского усилия. Уже через поколение, к середине 30-х гг. XX века, несмотря на очередное обострение полярности политической борьбы, Д.И. Чижевский вполне герменевтично замечал: «в создании философской традиции и философской культуры играют роль не только непримиримые, неуступчивые, до конца последовательные бойцы типа Б. Чичерина, но и женственно чуткие и эстетически восприимчивые мыслители, смягчающие суровость и строгость рациональной мысли каким-то лирически окрашенным проникновением в многообразные типы систем и мировоззрений, улавливающие всюду элементы правды; облики таких мыслителей, которым мы не можем отказать в этом имени, сохраняются в памяти потомства и в истории мысли как несколько расплывчатые, нечеткие, но все же имеющие свое определенное место и свою функцию в истории мысли образы, которым свойственно своеобразное очарование лиризма: к таким образам философского прошлого русской мысли принадлежит и образ Николая Николаевича Страхова»³⁹⁰.

Через десятилетия мы должны и можем, наконец, дать более адекватную оценку миссии рыцаря Истины эпохи становления современной русской философии и культуры.

писал философско-научные и научно-популярные статьи и книги по естествознанию, истории, психологии, литературе, искусству, философии, религии и пр., был «вечным педагогом», по слову В.В. Розанова.

³⁹⁰ Чижевский Д.И. Гегель в России. С. 304.

Глава 4. Полемика и понимание: герменевтика несогласия и преемственности

4.1. Национальный вопрос: опыт социальной герменевтики Н.Н. Страхова

Одним из сквозных вопросов, занимавших русскую мысль «долгого» XIX века, был вопрос о национально-культурной идентичности. Его постановка не может быть представлена в некотором концептуально завершенном виде; это был вопрос о будущем русской мысли, несводимый к вопросу о ее подражательности или особой оригинальности. То, как ставился этот вопрос, и какие ответы на него находились, нуждается о специальном исследовании – точнее, в исследовательской реабилитации. За прошедшие десятилетия, эпоху спустя, все еще доминирует схематизм в понимании национального вопроса как вопроса борьбы философских протопартий славянофилов и западников; история проблемы часто предстает в некотором универсалистском ключе – в виде истории зависимости от национализма как предрассудка, освобождения от него или закоснения в нем. Такой линейный, политически ангажированный подход должен быть скорректирован онтологической мерой нелинейного, герменевтически корректного понимания вопроса. Национальное – во взаимной связи с размышлениями о нем³⁹¹.

Движение XIX века к идейной самобытности требовало самоопределения русской национальной культуры в отношении к культурным достижениям европейского просвещения и романтизма, и наоборот. Как условие и следствие этих тенденций, формировался особый интерес к своим историческим литературным истокам и к современному литературному творчеству в плане выявления их народного начала. Это совершенно ясно понимал Ап. Григорьев, считавший, что «народность

³⁹¹ Что отнюдь не равнозначно «конструированию» национального. Ср.: Lowell J.R. Our literature (1889). Prose works. Vol. VI. Boston. 1896. P. 223.

литературы как национальность является понятием безусловным, в самой природе лежащим»³⁹² и писавший, в частности, что русский романтизм, выработавшийся и отлившийся в наши самобытные формы, был не литературным только, но и жизненным явлением, составившим целую эпоху в моральном развитии, эпоху, породившую особое воззрение в жизни и имевшую свой особенный цвет. Пусть романтизм как веяние пришел к нам извне, из западной жизни и западных литератур, он нашел для себя в нашей русской натуре почву, полностью готовую к его восприятию, и потому выразился в совершенно оригинальных, самобытных явлениях³⁹³. В своих литературно-философских статьях Григорьев показывал, что эпоха общечеловеческих «объективных» истин осталась в античной гомеровской древности, и возвращение от разветвившегося национально-культурного многообразия к абстрактному единству – идея искусственная и ложная. Напротив, современное человечество национально многолико, и чем более способен художник к искренности выражения своих живых мыслей и чувств, тем более внятно навстречу «другому» выступает его христианская душа и ее идеал, единый для всех христиан, но с неповторимым живым, в данном случае культурным, своеобразием³⁹⁴.

В форме литературной критики почвенники Ап. Григорьев и вслед за ним Н.Н. Страхов ставили вопрос не внешним образом – о «национальных интересах», «чертах национального своеобразия», «национальном характере» и т.п., а герменевтически, с точки зрения мистико-христианского понимания

³⁹² Григорьев А.А. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 242.

³⁹³ См.: Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. С. 119.

³⁹⁴ См.: Кривушина В.Ф. К проблеме межкультурного общения в искусстве. Аполлон Григорьев и Ганс Георг Гадамер // Credo New. 2002. № 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/286/27/> Сп.: Rabow-Edling S. Slavophile Thought and the Politics of Cultural Nationalism. SUNY Press, 2007.

духовных основ исторического поведения и исторических взаимоотношений народов, – создавая тем самым новую традицию холистического мышления, ответно-рационального, герменевтичного «свободного консерватизма» (П.А. Ольхов).

Эта традиция не была изобретением совершенно нового или подражанием позабытому. Во время польского восстания 1863 г. Н.Н. Страхов призывал не просто воспрепятствовать попытке нарушения государственной целостности, но разобраться с причинами межнациональной вражды, а для этого – постараться «вникнуть в настроение поляков», перенестись в их положение и посмотреть с их точки зрения³⁹⁵. Чтобы бороться за единое государство, нужно, писал Страхов, быть уверенными в том, что оно имеет здоровые, жизнеспособные основания в самом народе, имеет ясные перспективы развития и процветания. Вникая во «внутреннее настроение двух племен», стараясь «возможно глубже проследить за источниками внутренней боли», отзывающейся в них во время взаимной борьбы, он призвал общественное мнение и власти позаботиться «о том, как должны измениться настроения племен, чтобы можно было надеяться на нравственное исцеление»³⁹⁶.

Такая постановка вызвала в адрес автора град упреков со стороны соплеменников и цензурные репрессии в адрес журнала, но Н.Н. Страхов не отказался от своего, убеждал, что стыдно нам было бы, если бы мы защищали цельность и единство России только лишь по праву ее государственной и племенной силы, повторяя оговорку: *Россия вся в будущем*, – мы бы имели надежду лишь на то, что постепенно образуемся, просветимся, побольше «объевропеимся» и станем не хуже других. Это не то, что нам нужно. Мы должны непременно верить, что сила нашей самобытной культуры

³⁹⁵ См.: Страхов Н.Н. Роковой вопрос // И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка. С. 158.

³⁹⁶ Там же. С. 166.

продолжает быть главным двигателем всей нашей исторической жизни³⁹⁷. Эти корни, я полагаю, следует видеть в истории органического мышления, в ее общих протоевропейских образах и формах.

Страхов и Григорьев поднимали вопрос об основаниях духовного противоборства «своего с чужим» с непонятной для большинства современников глубиной. Даже и сегодня, полтора века спустя, исследования и обсуждение природы национальных предрассудков и стереотипов, несмотря на распространение в научном мире, часто трудно воспринимаются русской общественностью. Возможно, это верно, что возросшая тяга современных людей к осознанию своей национальной идентичности, пускай даже в ограниченных рамках стереотипов, одновременно является специфической реакцией на омассовление и обезличивание, выступает неким своеобразным оружием в противоборстве с этой тенденцией, в том числе и при участии литературы³⁹⁸. Но признавая право всякого человека и народа дорожить своей исключительностью и оригинальностью, если ему это необходимо для счастья и спокойствия, мы не можем не принимать во внимание несвободный, неразумный характер этой «национальной гордости», возвышение своего «мы» за счет принижения «они». Современные исследования показывают, что появление преимущественно негативных стереотипов обусловлено всегда определенными историческими обстоятельствами и причинами, при этом стереотип может сохраняться иногда столетиями, когда и причины эти уже исчезают, и когда о них забывает общество³⁹⁹. Проницательности Н.Н. Стрхова хватило, чтобы понять и выразить это в философско-историческом герменевтическом ключе, в главном и по существу, задолго до

³⁹⁷ См.: Страхов Н.Н. Письмо к редактору «Дня» // И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка. С. 175.

³⁹⁸ См.: Филюшкина С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4 (49). С. 155.

³⁹⁹ Там же. С. 144. См. также: Walas T. (ed.) Stereotypes and Nations. Cracow: International Cultural Centre. 1995.

всех культурно-антропологических верификаций. «Никакая культура не может признавать себя больною, совершенно так же, как никакая религия не может признавать себя ересью, никакая ересь не считает себя заблуждением». Ничего нет удивительного поэтому, что «поляки едва ли могут смотреть на нас иначе, как на варваров»⁴⁰⁰. Это понятно и в мирное время, а при вражде и борьбе – неизбежно. Страхов приводит примеры внутриевропейской национальной вражды: весьма образованный австрийский народ, который в разгар вражды для итальянцев все-таки был “*brutissimi*”. Поляки тоже не сами придумали для русских имя варваров – Европа ежедневно употребляет это название в своих бесчисленных журналах... Почему же нам не сказать прямо, что Европа не понимает нас и заставляет нас нашей силою и нашей кровью доказывать свое право на существование и развитие. «Но мы знаем, что эти права так велики и святы, как ничьи другие в мире»⁴⁰¹.

Почвенники учитывали неоднозначность теоретических выводов из любой трактовки этносоциальных феноменов. Они признавали справедливость критических замечаний к славянофильским тезисам об этнокультурной природе русского социального единства, в которых не были определены и отчетливо зафиксированы общенациональные культурные формы, собственно «русскость». Не менее остро критиковали почвенники и западническое видение России как части европейского культурного универсума. Для них это означало жизненную потерю: полное обесценивание в настоящем и будущем собственно национального – потерю социальной самобытности, вытеснение этничности в музей, в безвременность. Попытки литературного примирения провалились: готовность к идейному размежеванию явно преобладала над почвенническим «понимающим» социальным мышлением. На первый план вышли социально-политические вопросы, поглотившие все остальные; исследования этой герменевтической

⁴⁰⁰ Страхов Н.Н. Письмо к редактору «Дня». С. 177.

⁴⁰¹ Там же.

позиции надолго были отложены. После полуторавековой драматичной истории национального вопроса, к середине 10-х годов XXI в. герменевтические подходы к национальному вопросу остаются малоосвоенными, требующими специальных усилий для теоретического возобновления⁴⁰².

Последовательно «почвенные» размышления о национальном вопросе, его смыслах, исконных по отношению к теоретическим построениям на злобу дня, впервые, как уже сказано, мы находим в работах А.А. Григорьева⁴⁰³. Н.Н. Страхов – один из ведущих авторов «Времени» и «Эпохи», числивший

⁴⁰² Накопленный массив эмпирических и теоретических, специализированных и междисциплинарных исследований позволяет перейти к целостной предметной и методологической рефлексии подходов к постановке этого вопроса в общем контексте интеллектуальной истории. См., напр.,: исторический анализ эволюции понятий «нация» и «этнос» в европейских научных и философских исследованиях XVIII–XX вв. Ю.Д. Гранина (Вопросы философии. 2015. № 7); тематические номера «Нация и национализм» журнала «Логос» (2006. № 2 и 2007. № 1); научные и научно-публицистические статьи О.Б. Неменского, В.А. Шнирельмана, В.А. Тишкова и многих других. Однако собственно герменевтика национального в отечественных исследованиях остается проектной перспективой. По-видимому, схожая ситуация и в зарубежных исследованиях (см. работы З. Баумана, L. Groff, P. Smoker, H. Naarmann, P.F. Sugar и др.).

⁴⁰³ В 1858 г. Ап. Григорьев настаивал на истинности шеллингианского тезиса: «Развиваются – если можно уже употребить теперь это слово – народные организмы, нося в себе следы более или менее отдаленной принадлежности к первоначальному единству рода человеческого, единству не отвлеченному, моменту необходимо существовавшему. Каждый таковой организм, так или иначе сложившийся, так или иначе видоизменивший первоначальное предание в своих преданиях и верованиях, вносит свой органический принцип в мировую жизнь. ... Каждый таковой организм сам в себе замкнут, сам по себе необходим, сам по себе имеет полномочие жить по законам, ему свойственным, а не обязан служить переходною формою для другого; единство же между этими организмами, единство неизменное, никакому развитию не подлежащее, от начала одинаковое, есть правда души человеческой». – Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. С. 27-28.

себя учеником А.А. Григорьева, – выражал этнофилософские настроения именно «почвенников», предлагая усматривать общие смыслы славянского вопроса в понятиях шеллингианско-григорьевской органической диалектики. Его статьи 1860-70-х гг. о литературе написаны с точки зрения органического развития прежде всего русского славянского народа и направлены как против европоцентричных западников, так и против весьма авторитетных в те годы славянофилов, равно не избежавших ошибки одностороннего упрощения, идеологизации национального вопроса. Полемические риски Страхова достигают здесь некоторого предела: он адресует идеологам враждующих сторон вопросы с публицистической прямоотой, соблюдая общую презумпцию здравого смысла. Почему, несмотря на огромные усилия в деле европеизации России, успехи в нем столь фрагментарны, а конфликты вспыхивают вновь и вновь? Когда и кто прояснит, сформулирует для нас самих народные идеалы и исторические устремления? Н.Н. Страхов обращал внимание думающих читателей на жизненное происхождение конфликта начал европейской культуры с устоями, понятиями и привычками русской жизни. Очевидно, что в нашей природе, нравах и привычках нашего бытия есть какое-то существенное препятствие, не позволяющее нам подчиняться чуждым влияниям. У нас есть дар какой-то крепкой, хотя и не осознаваемой ясно, нравственной самостоятельности, и поэтому с необходимостью должна была начаться борьба между стремлениями наших природных сил души и теми умственными формами и рамками, которые налагаются на них, которые ставятся для них авторитетом и правилом. Так, вместо послушного овладения и усвоения всех форм европейского просвещения, вместо все большего в этом преуспевания, у нас ничего не получается, происходит какая-то весьма сложная и темная история⁴⁰⁴. В этой истории, по предположению Страхова, необходимо разобраться, понять характер и смысл

⁴⁰⁴ См.: Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы: критический и исторический очерк // Страхов Н.Н. Литературная критика. СПб., 2000. С. 64.

основ народной жизни возможно конкретнее и полнее из нее самой, а не из предварительно придуманного представления (теории) о «правильном» пути человечества, цивилизации, государства и т.п., космополитической ли, национальной ли модели. Пусть и действительно довольно бедна наша литература, и наше умственное развитие скудно и бедно; но еще того прискорбнее, что мы постоянно «плюем на эту литературу и на это развитие», не замечаем и не понимаем, что в ней происходит. Между тем ее содержание, ее задачи и устремления гораздо важнее и шире, чем думают иные ее знатоки и ценители; «западники находят ее славянофильской, славянофилы – западной; но она ни то ни другое»⁴⁰⁵.

Н.Н. Страхов настаивал на том, что особенности организации жизни в России по сравнению с Европой нужно принять за данность и учитывать, а не подгонять под чуждые категории. В отсутствие демократических политических форм выражения (как на Западе) наши национальные чувства, идеи, стремления находят выход в художественных формах поэзии, литературы, музыки, театра – значит, в этих формах и следует их искать и исследовать адекватными средствами понимания. «...Искусство по самой своей сущности *национально*»⁴⁰⁶. Отвлеченное требование народности от литературы – мысль очень простая; славянофилы, выходя последовательно из своих начал, твердо давно ее заявили и пытались анализировать нашу литературу с этой точки зрения. Но обыкновенно они заканчивали тем, что, за редким исключением, отрицали и самостоятельность, и народность наших художественных писателей. Это значит, что мимо этих мыслителей прошло то главное, что их более всего могло порадовать: что борьба своего с чужим началась давно уже идет в литературе, что искусство и в этом опередило отвлеченную теоретическую мысль в силу своей всегдашней чуткости и прозорливости,. «Наша литература есть драгоценное и высокое явление

⁴⁰⁵ Там же. С. 75.

⁴⁰⁶ Страхов Н.Н. Предисловие // Сочинения Аполлона Григорьева. Том I. СПб., 1876. С. III-IV.

нашей жизни; поэтому разгадать внутреннюю силу ее развития, смысл ее движения есть глубокая и важная задача»⁴⁰⁷. Не будет преувеличением сказать, что выполнению этой задачи Страхов посвятил всю жизнь, что «знамя борьбы своего с чужим» в литературе, как, впрочем, и в науке, в общественной и творческой жизни, было его единственным «знаменем». Так же верен он оставался принципам григорьевской органической критики, указывающей на бесплодную ограниченность западнического рационалистического теоретизма (революционного прогрессизма) и на утопичность отвлеченно-теоретических славянофильских проектов возрождения допетровской Руси.

Наиболее правильной журнально-публицистической формой, общедоступной и способствующей развитию у читателей национального самосознания, Страхов считал обсуждение вопроса об ученичестве и подражательстве. Надо ли России учиться у Европы? Можем и должны ли мы обустроить свою жизнь по западному образцу? «Мы ученики Запада, в этом нет сомнения. Но люди, стоящие за прогресс и всяческое развитие... не хотят, чтобы мы когда-нибудь перестали быть учениками»⁴⁰⁸. Этот спор, поясняет Страхов, составляет существеннейший и важнейший вопрос самой школы; ибо все учение напрасно, вся школа не имеет смысла, если ученикам суждено вечно оставаться учениками, если они никогда не дорастут до самостоятельности и зрелости. Собственно говоря, вопрос о нашей самобытной духовной жизни, о том отношении, в которое мы должны поставить себя к громадному и блистательному авторитету Европы, есть самый существенный из наших вопросов. Он давно был поднимался, принимал различные формы, постепенно зрел и раскрывался, и умереть и заглохнуть ему так же невозможно, как невозможно ребенку перестать расти,

⁴⁰⁷ Там же. С. VIII.

⁴⁰⁸ Страхов Н.Н. Западничество и славянофильство // Страхов Н.Н. Критические статьи (1861-1894). Том II. Киев, 1902. С. 156-157.

хотя этого иногда и желали бы некоторые чересчур усердные педагоги⁴⁰⁹. Самостоятельность в суждениях, самобытность мышления, стояние на своих ногах, чувство почвы под ногами – не только главная забота Страхова и основной мотив всех его статей, книг, переписки с великими современниками и молодыми почитателями-учениками, но и его важнейшее методологическое требование.

Страхову приходилось работать, уточняя и преодолевая немалое количество препятствий. Его собственное мышление, вышколенное классическим естествознанием, было едва ли не наименьшей среди сложностей, с которыми ему приходилось справляться; жесткая политическая цензура, статус государственного чиновника, довольно грубые нравы журнальных полемистов 60–70-х гг. и т.п. требовали особой, изысканной простоты и речевой виртуозности. Для того чтобы высказаться с наибольшей содержательной полнотой, он долгое время обращался к косвенным жанрам: писал в форме литературной критики рецензии на социально-исторические статьи и книги, выходящие в Европе и России. В обстановке потакания газетных и журнальных редакций вкусам разобщенной, разбившейся на партии публики Страхов вынужден был скрывать свои мысли о высших духовно-религиозных началах национальной русской и славянской самобытности, беречь их от поругания с разных сторон.

Интересный случай в этом роде высказывания намеком представляет небольшая статья Страхова «Славянофильство и Гегель» (1864) из серии статей в «Эпохе» под общим заглавием «Заметки летописца»⁴¹⁰. Большую часть этой статьи занимает перевод письма П.Я. Чаадаева Фр.В. Шеллингу о том, что славянофильство в России является следствием влияния гегельянства. Страхов соглашается без обиняков, что, конечно, славянофильство в России развилось под влиянием немецкой философии,

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Страхов Н.Н. Заметки летописца // Эпоха. 1864. № 3. С. 1-65; 325-347. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0380oldorfo.shtml

«хотя может быть не исключительно под влиянием Гегеля, как полагает Чаадаев»⁴¹¹. И тут же переакцентирует внимание на важное обстоятельство такого влияния и общие теоретико-методологические следствия из него: «как скоро речь пойдет о народе, понимаемом не как простое скопление человеческих неделимых, то уже по словам видно, откуда мы взяли форму для этих мыслей. Тут непременно будет – *органическое целое и развитие, самобытность и заемные формы, народный дух и его проявления* и др. Одним словом, на тему о народе мы можем говорить не иначе, как словами и философскими категориями, заимствованными или переведенными с немецкого языка, т.е. мы употребляем здесь язык, выработанный и разъясненный немцами»⁴¹². Чистые голые формы, от которых содержание нисколько не зависит, можно заимствовать с полным правом – поясняет Страхов универсальное значение категориального мышления. – Поэтому философия «как метода», взятая с формальной стороны, как совокупность приемов мышления, составляет такое же общее человеческое достояние, как и математика. Никак уже этого нельзя сказать о нашем расположении понимать политическую жизнь по французским или даже по английским образцам. «Формы политической жизни тесно сливаются с самым содержанием, с историческою индивидуальностью народа, которому они принадлежат»⁴¹³. Для внимательных читателей «Эпохи», которые, конечно, еще не успели забыть историю закрытия издания братьев Достоевских – журнала «Время» и которые узнавали в «Летописце» того самого неверно истолкованного «Русского», которого записные патриоты приняли за врага России, заметки эти были продолжением разговора о преимуществах и своеобразии

⁴¹¹ Там же.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ Там же.

национальной культуры и политики перед лицом конкурирующих развитых чужеродных форм⁴¹⁴.

Для уточнения герменевтической отзывчивости и критико-полемической стойкости Страхова наибольший интерес представляют его размышления о работе «Россия и Европа» его близкого друга Н.Я. Данилевского. Оказав безусловную поддержку этому труду как выдающейся интеллектуальной инициативе, отдав должное высокому научному качеству, основательности и самобытности мысли, он вовсе не признал содержащуюся в нем теорию культурно-исторических типов некоей окончательной истиной. Главную заслугу Данилевского Страхов увидел в новизне, оригинальности взгляда на историю, дающего более научную формулу, более соответствующую исторической действительности, чем прежние формулы⁴¹⁵. А именно, Данилевский, прежде всего остального, отринул единую линию развития всего человечества, ту ошибочную идею, что в истории заключен некий прогресс какой-то общей цивилизации, какого-то единого разума. Нет такого разума и нет такой цивилизации, говорит Данилевский, а есть только отдельные частные цивилизации, есть развитие отдельных культурно-исторических типов. Страхов противопоставляет старый и новый взгляды на историю как искусственную и естественную системы, из которых первая насильственно подгоняет явления под формулу, взятую извне, подчиняет их произвольному, выдуманному порядку. Новый же взгляд Данилевского, естественная система, не задается заведомо принятой идеей-формой, а внимательно изучает формы и отношения исторических явлений. Особо Страхов подчеркивал с самого начала первостепенную важность главного вывода «России и Европы»,

⁴¹⁴ См.: Страхов Н.Н. Роковой вопрос // Время. 1863. № 4. Отдел II. С. 152-163. То же: И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка. С. 157-167. То же: [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0360oldorfo.shtml

⁴¹⁵ Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. 4-е изд. СПб., 1889. С. XXI-XXXIV.

самостоятельного и столь же поразительного простотой и трезвостью своего взгляда, как и вся теория культурно-исторических типов: славяне – только особый культурно-исторический тип, наряду с другими живущий и развивающийся в историческом времени. Они не предназначены ни к обновлению мира, ни к поиску и нахождению решения исторической задачи для всего человечества. Это решение разом устраняет массу всяческих затруднений, она опускает нас на твердую почву действительности и кладет решительный предел многим несбыточным мечтам. Теория Данилевского должна рассматриваться как серьезная попытка понять настоящее положение в истории славянского мира, аномальное, на взгляд любого европейского историка. Исключительное положение славян между другими народами, которому не находится в истории достойной аналогии, может стать началом изменения укоренившихся в Европе взглядов на науку истории, тех устаревших взглядов, под которые никак не подходит славянский мир⁴¹⁶. Удивительно, что такое толкование и оценку Страхов сформулировал в 1871 г. после первого знакомства с работой Данилевского и ничего не изменил в ней ни при последующих переизданиях в течение более двадцати лет, ни в результате острой полемики конца 1880-х – начала 1890-х гг. Наоборот, его мысли получили новые подкрепления в ходе дополнительных исследований для доказательства научной добросовестности друга и для разъяснения вопроса заинтересованным в истине читателям. Не было бы счастья, да несчастье помогло: многочисленным уточнениям герменевтико-критической позиции Страхова по национальному вопросу мы обязаны внезапной, оскорбительно внешней критике концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, предпринятой В.С. Соловьевым. Данилевский обвинялся фактически в прямом плагиате. Страхов вынужден

⁴¹⁶ См.: Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. 4-е изд. СПб., 1889. С. XXI-XXXIV.

был отвечать, разочаровываясь в соловьевских установках мышления и все более обстоятельно проявляя свои.

Несмотря на обширность обвинительных рассуждений Соловьева в адрес концепции культурно-исторических типов⁴¹⁷, эти рассуждения оказались малосодержательными⁴¹⁸; Соловьев не собирался разбирать достоинства и слабости книги Данилевского как научного труда, его цель была убедить аудиторию в ничтожестве произведения и некомпетентности автора. Он заявил сразу о главном грехе в «системе» Данилевского, который нашел в том, что она основана на *мнимой* величине, ибо культурно-исторических типов в смысле Данилевского, как это указано и якобы доказано в им же устроенном «разборе», не существует и никогда не

⁴¹⁷ Ход полемики с важнейшими откликами на нее за 1888–1891 гг. представлен обзорно и объективно раньше всего в материалах Якова Николаевича Колубовского (1863-1929), блестящего библиографа русской философской литературы: Колубовский Я.Н. Н.Н. Страхов : материалы для истории философии в России. 1855-1888 // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 4; 1891. Кн. 5–7. О материалах интересующей нас полемики см.: Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 7. С. 116-121.

⁴¹⁸ За шесть лет неравномерной полемики опубликованы сотни страниц: Соловьев В.С. Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. № 2, № 4; Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство. Замечания на статью Вл. Соловьева «Россия и Европа» // Русский вестник. 1888. № 6; Соловьев В.С. О грехах и болезнях // Вестник Европы. 1889. № 1; Страхов Н.Н. Последний ответ Вл. Соловьеву // Русский вестник. 1889. № 2. Однако Вл. Соловьев решил продолжить борьбу: Соловьев В.С. Письмо в редакцию // Вестник Европы. 1889. № 3; Страхов Н.Н. Спор из-за книг Н.Я. Данилевского // Русский вестник. 1889. № 12; Соловьев В.С. Мнимая борьба с Западом // Русская мысль. 1890. № 8; Страхов Н.Н. Новая выходка против книги Н.Я. Данилевского // Новое время, 1890 от 21 сентября и 20 ноября; Соловьев В.С. Счастливые мысли Н.Н. Страхова // Вестник Европы. 1890. № 11; Соловьев В.С. Немецкий подлинник и русский список // Вестник Европы. 1890. № 12; Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Русский вестник. 1894. № 10.

существовало в действительности⁴¹⁹. Вл. Соловьев в статьях и при личных встречах со Страховым делал вид, что не понимает его разъяснений о том, что Данилевский назвал культурно-историческим типом не физические группы народов, а самобытные формы их культур, способов исторической жизни и развития. Он настаивал, что все эти интерпретации являются выдумками Страхова, попытками «приписать явную нелепость о расчленении анатомических групп на события», искажениями учения Данилевского, и что это учение не имеет никакого другого смысла кроме выражения архаичного и агрессивного, «языческого» национального эгоизма, безнравственного «брюшного патриотизма, освобожденного от всякой идейной примеси»⁴²⁰. Н.Н. Страхова эта история огорчала не только разрушением добрых личных отношений с Соловьевым, которые он высоко ценил и берег, но более всего дурным примером умственной безответственности и несправедливости, «вопиющей напраслиной на книгу», заслуживающую внимательного изучения и обсуждения⁴²¹. Страхов был возмущен тем в выступлении Соловьева, что он «не взял вопроса в полноте», для чего книга Данилевского была наилучшим поводом, «что он вовсе и не подумал о значении народности в жизни людей». «Меня не Соловьев трогает, хотя он стал и писать и вести себя пренебрежно, а мне важны читатели», – подчеркивал он объективную общественно-просветительскую значимость полемики⁴²².

⁴¹⁹ Соловьев В.С. О грехах и болезнях // Вестник Европы. 1889. № 1. То же: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm>

⁴²⁰ В.С. Соловьев – М.М. Стасюлевичу 25 декабря 1888 (6 января 1889) // Соловьев В.С. Письма / Под ред. Э.Л. Радлова. СПб., 1923. С. 40.

⁴²¹ Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккerta и Н.Я. Данилевского // Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. третья. Киев, 1898. С. 187.

⁴²² Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 373, 414. Дальше в этом последнем письме Страхов сердится и жалуется Л.Н. Толстому: «Вопрос, как видите, превосходный; Соловьев, как пророк, его решил, и, конечно, как инквизитор, сжег бы меня и все экземпляры России и Европы. Но дурень он, дурень! Что ж он сделает плохими журнальными статейками? Только себя осрамит! А между тем, он уже заранее

В.С. Соловьев же в своей «критике» не дал никакого нового поворота национальной идеи, а постарался ее уничтожить путем морально-религиозного осуждения, что для Страхова стало свидетельством отсутствия свободы в мышлении оппонента. «Я теряю веру в Соловьева. Когда человек добровольно откажется от умственной свободы, он уже не может рассуждать вполне разумно и ясно»⁴²³. Обсуждая с Фетом метаморфозы отношений с Соловьевым, Страхов проясняет свои предпосылки. Он сознает, что на тему, что нужно стоять *на своих ногах*, можно сказать многое. О себе Страхов утверждает, что ему всю жизнь было противно *рабское* умственное подчинение, которое в России так обыкновенно, и что он, кажется, умеет отличить его от *сознательного* уважения авторитета. О Соловьеве следует признать, что он очень отважен, но у него нет сознания почвы под ногами, нет внутри точек опоры, раз он ищет их вне – в догматах, в Риме⁴²⁴. Догматы и заповеди в силу их окончательности не могут быть «почвой» для мысли; подобно логическим законам они ограничивают, а не развивают мысль. Буквально за несколько недель до цитируемых писем А.А. Фету Страхов писал о «почве» В.В. Розанову. Настоящим чтением, делился он мыслью с младшим коллегой, следует считать такое, когда бодро работает мысль, когда чужие мысли в книге только помогают моей, поэтому во множестве книг нужно и можно находить «только *свое*». Ссылаясь на разные книги и излагая мысль чужими словами, толкуя и сопоставляя слова различных авторов, можно чувствовать себя «на твердой почве»⁴²⁵. Употребление здесь Страховым слова «почва» не случайно и говорит о развитии свободно-

торжествует в этом самом письме: «В этом споре из-за России и Европы последнее слово во всяком случае должно остаться за мной – так написано на звездах». Нет, он слепой человек, угорелый почти до помешательства». – Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 415.

⁴²³ Переписка [А.А. Фета] с Н.Н. Страховым. 1877–1892. С. 454.

⁴²⁴ См.: Там же. С. 461.

⁴²⁵ Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 11, 12.

консервативной мысли избегающего всяких «знамен» философа⁴²⁶. Добровольный отказ от независимого критического мышления в пользу одной из многих возможных точек зрения равнозначен интеллектуальному построению под «знамя», и Соловьев в споре о культурно-исторических типах показал себя представителем «искусственной системы» мышления (не случайно у него так правдоподобно получилось с «уточняющим» переводом-интерпретацией Рюккерта), который уже заранее знает, как должно быть⁴²⁷.

Как же следовало подойти к вопросу о народности, отталкиваясь от книги «Россия и Европа», с точки зрения Страхова? Можно предположить, что более всего Страхов ждал среди откликов и мнений о книге таких, в которых были бы сформулированы новые проницательные, точные и тонкие суждения о русском национальном типе, характере, обычаях, чертах культуры и т.п., высвечивались бы противоречия и неоднозначность национального сознания и самосознания, так уже богато выраженные в образах русской литературы, но совсем мало и туманно отраженные в критике и публицистике. Сам Страхов в период сближения с Н.Я. Данилевским в 70-е гг. (прежде всего на почве совместного труда по изданию «России и Европы») неоднократно раскрывал ему в письмах отнюдь не лицеприятные мысли о вредных и опасных крайностях великорусского национального характера⁴²⁸, и тут же признавался, что «находил великую

⁴²⁶ См.: Ольхов П.А. Свободный консерватор: на подступах к философии истории Н.Н. Страхова // Философия и культура. 2010. № 8. С. 103–109.

⁴²⁷ Страхов писал Розанову 18 мая 1888 г., обсуждая с ним свою полемику: «А Соловьев в "Критике отвлеченных начал" говорит нечто согласное с тем, что теперь, т.е., что нам назначена Богом не *культура*, а религиозная роль в человечестве». — Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 15.

⁴²⁸ Так, например, Страхов писал Данилевскому осенью 1874 г.: «...нынешняя литература, наконец, начинает возбуждать во мне злобу, да и все наше современное искусство, живопись, музыка и проч. В ней, очевидно, господствует дух великорусского мужика. Чистые мужики, да еще костромские: Некрасов, Островский, Писемский, Потехин (все из Костромы); а к ним примыкают и Достоевский, и Салтыков, и композитор Мусоргский

отраду в том, что принадлежу к народу, в будущность которого нельзя не верить, и к государству, которое незыблемо крепко держится духом этого народа»⁴²⁹. Если бы не эта вера, – спрашивает себя Страхов, – то мог ли бы я при нынешних обстоятельствах спокойно читать свои книги и продолжать свои размышления, «не виляя языком с утра до вечера», как это делают многие вокруг меня? Я не читаю газет, не делаю напрасных догадок, не браню и не хвалю, а терпеливо и спокойно жду, пока совершится то, что от меня не зависит, в чем не могу и не умею действовать. «Но очень грустно и тяжело видеть такой упадок русского духа, такое странное безлюдье, такое низкое настроение умов и душ, разумеется вверху, а не внизу»⁴³⁰. Потому Страхов и считал литературу высшей и лучшей, если не единственной в России, формой самопознания: национальных мыслителей, сопоставимых с национальными писателями – Пушкиным, Островским, Толстым для него просто не существовало. И эту проблему Страхов тоже обсуждал с

(недавно с огромнейшим успехом шла его опера *Борис Годунов*), и живописец Репин и т.д., и т.д. Настоящее искусство у нас заведено татарами (Державин), неграми (Пушкин), хохлами (Гоголь), а из великороссов жители Украины (Толстой, Тургенев). Но теперь чисто великоросский элемент берет верх и грозит все затопить. Великороссы не имеют дара к искусству и философии: это практический, прозаический народ. Им не нравится «Россия и Европа» (Вы ведь отчасти малоросс, а может быть и совсем?), а глумление Щедрина над русским народом и русскою историей им по душе. Негодное племя! Они портят все сами в себе; на все способны, но ничему не отдаются всею душой и ничего не могут создать. Все, за что они берутся, тотчас у них опошляется и доводится до гадости. Они погубят наше искусство. Я встречал у образованных и тончайше развитых людей такие примеры грубости, отсутствия изящества, отсутствия понимания духовных вещей, что ужасался. И при этом бестолковейший энтузиазм, который вечно вспыхивает и никогда не горит ровно и долго. Мысль о значении северного великорусского элемента в нашей литературе была высказана Ап. Григорьевым, который сам был удивительным типом москвича по грубости чувства изящного, по энтузиазму и неустойчивости». – Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому // Русский Вестник. 1901. № 1. С. 133-134.

⁴²⁹ Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому. С. 134

⁴³⁰ Там же.

Данилевским, открыто утверждая превосходство художнической точки зрения над идейно-политической. «Тут есть противоречие, разрешить которое я не берусь, но которое живо чувствую в себе самом», – приступал Страхов к анализу и признавался, что «безмерно» удивлен Толстым, что он с непоколебимою стойкостью держится взгляда, внушаемого ему самою его натурой, самым его гением, притом взгляда трудноуловимого, не имеющего установившихся форм, не вкладывающегося в готовые выражения. Как критик, Страхов в большом восхищении от такого глубоко-оригинального явления; как человек – чувствует в себе те струны, которые берет Толстой, и любит его всею душою. Можно называть это фатализмом, квиетизмом, культом ежедневности (так?); но это не то; вместо того чтобы браниться, попробуйте точнее сформулировать то, что хочет сказать Толстой, – обращается Страхов к Данилевскому, – и что сказать ему самому так ужасно трудно, и вы убедитесь, что тут отражаются если не все, то наверно наилучшие стороны нашего народного характера. Страхов рассказывал Данилевскому о своем коллеге, который «с большим жаром» брался доказывать даже самому Страхову, что Толстой величайший из наших нигилистов, что он, например, представил в смешном виде чувство преданности государю. В сущности, и это неправда, пояснял Страхов; Толстой представил эти чувства в их *истинном* виде, так что вы не знаете, умиляться или смеяться. И это не только юмор, это что-то выше всякого юмора, какое-то «разоблачение души во всем ее ничтожестве и вместе красоте»⁴³¹.

О том, какой должна быть, по Страхову, верная постановка национального вопроса, можно предполагать довольно уверенно, опираясь на общие принципы страховского методологического учения и содержание последней статьи полемического цикла «Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского». Н.Н. Страхов всегда настаивал на универсальной

⁴³¹ Там же. С. 136.

«гегелевской методе» диалектического развития понятий как «полном выражении научного духа»⁴³². «Философия немецкого идеализма вообще чужда догматичности, дает свободу и вполне развязывает ум»⁴³³, а свобода и самостоятельность ума, философского и научного мышления, по Страхову, – главное условие развития, продвижения к новым уровням понимания. «Особенность взгляда, по некоторым основаниям, справедливо считается его достоинством, дает ему большую цену...»⁴³⁴. У Данилевского был этот особенный взгляд, не противоречащий общепринятым научным основоположениям, напротив, отражающий самый передовой на тот момент методологический опыт естественной истории натуралистов и историко-культурных исследователей, т.е. несущий в себе основное достоинство знания: основательность оригинальной точки зрения и самостоятельность выводов. Дальнейшим развитием научной значимости труда было бы философское развитие всех и любого из ключевых понятий теории Данилевского – «культура», «национальность», «нация», «тип»⁴³⁵ развития», «культурная основа» и т.д., и Страхов тонко понимал и указывал на эти исследовательские перспективы.

Понятие типа, избранное Данилевским для обозначения высшей формы единства культурно-исторического развития, попало в круг его предпочтений, разумеется, не из книги немецкого историка Г. Рюккерта, как это заподозрил Соловьев, и которую Данилевский не читал, – вообще не из словаря

⁴³² Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 66.

⁴³³ Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 14.

⁴³⁴ Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 66.

⁴³⁵ Интересно, что современное состояние естественной систематики в биологии тоже характеризуется наличием проблемы с формализацией используемого понятия типа: «Долгое время считалось, что выделения в особый тип заслуживает группа, обладающая самостоятельным планом строения, не сводимым к планам строения других типов. Однако ввиду отсутствия строгой формулировки понятия *план строения* (и самой возможности строгой формулировки такого понятия) это требование утратило свою актуальность» – [http://ru.wikipedia.org/wiki/Тип_\(биология\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Тип_(биология))

философско-научной немецкой традиции, как это можно справедливо полагать относительно «типа» у шеллингианца Ап. Григорьева, – а «навечно» непосредственно его биологической специальностью, индуктивными предпочтениями биологически вышколенного мышления. Страхов специально разъяснял популярно, что выработанная в ботанике и зоологии естественная система построена и строится дальше не на основе каких-нибудь предварительных общих понятий о предметах исследования, а берет непосредственно сами эти предметы, во всем их существующем разнообразии, и мало помалу формирует из них группы и объединения по самым разным наблюдаемым признакам, стараясь выделить из этих наблюдаемых различий самые существенные для действительного существования организмов и их отношений в природе. Прием естественной систематизации называют так именно потому, что он старается следовать порядку самой природы и не вносить в нее никакого принуждения ничего не навязывать. Это самый свободный и широкий прием⁴³⁶. Напротив, Рюккерт заранее вносит в свою систему *цель* истории и предполагает в ней *единство*, определяет в качестве высшей формы человеческого существования культуру и направление ее развития. Таким образом, система Рюккерта вся искусственная, а потому он и весь разнообразный исторический материал упорядочивает в своей культурной схеме по *главной нити* культурного развития, не смотря на признание на словах культурного многообразия⁴³⁷. В этой статье Страхов вышел на «высшую точку зрения в полемике», показав на примере концепций Рюккерта и Данилевского, которые Соловьев ошибочно соотнес как «оригинал» и «список», противоречие между искусственной и естественной системами в исторических теориях как основное методологическое противоречие. И методологический выход этот

⁴³⁶ См.: Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Борьба с Западом в нашей литературе. С. 172.

⁴³⁷ См.: Там же.

тоже не случайная удача, а осуществление продуманного исследования⁴³⁸, показавшего, что точка зрения, высказанная в книге «Россия и Европа», находит широкое подтверждение в исторической литературе: чем методичнее историки проводили свои изыскания, тем ближе к ним данная точка зрения⁴³⁹. Страхов подчеркивал, что труд Данилевского замечателен своей укорененностью в почве исторической литературы и одновременно остроумием и неожиданным первенством в провозглашении совершенно нового видения истории культур и народов . Отношение между зачатками мысли, которые можно обнаружить у многих писателей, правда, в несформулированном виде, и самой идеей Данилевского Страхов описывал как неожиданный, хотя и подготовленный, поворот в решении вопроса, подобный колумбову яйцу или распутыванию планетных эпициклов благодаря перенесению из земли в солнце центра системы⁴⁴⁰. Подготовленность и подтверждение теории Данилевского находится в работах многих исторических писателей, где мы постоянно читаем о действующих народах, и никогда о человечестве, но сам поворот ими сделан

⁴³⁸ Планом этого исследования Страхов делился в письме к В.В. Розанову от 4 июля 1893 г. с довольно откровенным намеком-просьбой: «Великая была бы для меня радость, если бы кто взял на себя определить отношение книги Рюккерта к книге Данилевского. ... Если рассматривать зачатки мысли о национальностях в истории, то нужно бы взять 1) Гердера, 2) Шеллинга и Гегеля, 3) Вильгельма Гумбольдта. Тут везде можно указать, что человечество все больше и больше оказывается отвлеченным понятием, а реальность народностей выступает все яснее». – Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 126-128. Все названные имена упомянуты в статье с краткой характеристикой их вклада в развитие темы в специальной главке VIII «Развитие взглядов на историю». – Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского. С. 173-176.

⁴³⁹ См.: Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского. С. 155.

⁴⁴⁰ Там же. С. 157-158.

не был, а теперь, когда есть теория, дело все-таки никак нельзя считать законченным⁴⁴¹.

Н.Н. Страхов в последние годы потому и не хотел продолжать писать на эту тему, что видел необъятность исследовательских задач для прояснения понимания национального характера, культурных основ языка, экономики, государственности, религии, в общем и на исторических примерах охарактеризованных в «России и Европе», но не приведенных еще к ясному понятию ни в какой из отдельных областей культурно-исторических исследований. Имея в виду чрезвычайную обширность, сложность и трудность предмета, Страхов обратил внимание на методологическое значение вопроса о языке. Данилевский полагает в основу каждого типа особое племя, которое отделяется от других племен особым языком. «Но что значит особый язык?»⁴⁴². Страхов переводит фрагмент начала книги В. фон Гумбольдта «О различии строения человеческих языков», чтобы показать несведущим в языкознании читателям значение языка в национальной истории и «высший интерес» сравнительного языкознания. «Итак, – подытоживает смысл выдержки Н.Н. Страхов, – особый язык есть проявление особого национального духа», в языке обнаруживается та сила, которая создала и сохраняет народ, говорящий на этом языке. Всю всемирную историю можно понять как историю этих духовно-языковых проявлений, важных именно тем, что в них «дух человеческий обнаруживается все в новых и часто более высоких формах», что так происходит некоторое «возвышение или расширение внутреннего бытия»⁴⁴³. Здесь можно усмотреть интуицию Страхова о перспективах будущих лингвокультурных семантических изысканий, а можно заметить некую уступку метафизической предпосылочности в духе «искусственной» традиции немецкого идеализма, но нельзя не согласиться, что вопрос

⁴⁴¹ Там же. С. 175.

⁴⁴² Там же.

⁴⁴³ Там же. С. 175-176.

действительно слишком труден и требует специального научного рассмотрения.

Вопрос о национально-культурной идентичности в русской социальной мысли XIX в. не может быть представлен в концептуально завершенном виде, схематически или универсалистски. Постановка этого вопроса и поиск ответов на него в течение XIX в. отличались широким разнообразием. В этом разнообразии следует обратить особое внимание на среднюю линию, развивавшуюся в форме литературно-философской критики “почвенниками” Ап. Григорьевым и Н. Страховым, которые ставили этот вопрос и предлагали решать его, по существу, с точки зрения мистико-христианского понимания духовных основ исторического поведения и исторических взаимоотношений народов. Тем самым создавалась традиция целостного социального мышления, герменевтически-ответного, рационального и свободного. Такое понимание вопроса о национально-культурной идентичности является вполне актуальным не только в рамках истории социальной мысли, но и в современном, смятенном глобальном мире, который нуждается в обновлении теоретических оснований, новой теоретической жизненности.

Осмысление славянского и, шире, национального вопроса у Страхова предполагало глубокую историческую проработку новых для научной сферы понятий, интенсивный диалог, «совместное мышление» со своими старшими и младшими современниками, единомышленниками и оппонентами, учет всего богатства художественного опыта народа, содержало потенциальную необходимость междисциплинарных исследований. Целостность и открытость страховских размышлений по национальному вопросу была поучительной в свое время и до сих пор остается образцом ответственного философского мышления. В первых десятилетиях XXI в., в обстановке резкого возобновления полемик о национальном, следовало бы учитывать и то далекое, герменевтически перспективное понимание национального вопроса.

4.2. Эпистемологическая асимметрия (контуры спора В.С. Соловьева и Н.Н. Страхова)

Спор о концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, состоявшийся между В.С. Соловьевым и Н.Н. Страховым, – одно из самых крупных и досадных недоразумений в истории русской философии. Теперь хорошо известны фактические перипетии этого спора и вполне прояснена его фабула – обвинение Н.Я. Данилевского (1822–1885) в концептуальном, а то и дословном плагиате у немецкого историка Г. Рюккерта (1823–1875)⁴⁴⁴.

Стороной обвинения стал В.С. Соловьев, стороной защиты – Н.Н. Страхов. В этом споре не было победителей. Вспыхнув в 1888 г., этот спор был прерван со смертью Н.Н. Страхова (в 1896 г.), но не был прекращен по существу. Оставшийся без оппонента В.С. Соловьев утвердил свою уничижительную точку зрения на предмет спора и на своего покойного оппонента вполне директивно, закрепив ее в памяти своих учеников, которые, свою очередь, оставили соловьевские оценочные суждения в своих работах, в том числе масштабном энциклопедическом издании Брокгауза и Евфрона⁴⁴⁵; крупным исключением был разве что А.Ф. Лосев⁴⁴⁶.

⁴⁴⁴ McMaster R.E. The question of Heinrich Ruckert's influence of Danilevskiy // The American Slavic and East European review. Vol. 14. № 1. 1955. P. 59-66., p. 61, 63, 65, 66; Балугев Б.П. Споры о судьбах России Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 2001.; Белов А.В. Спор Вл. Соловьева и Н.Н. Страхова о теории культурно-исторических типов // Очистительный гений славянства. Ростов н/Д., 2002. С. 28-44; Фатеев В.А. «...в Страхове я вижу миниатюру современной России»: полемические заметки об отношениях Н. Н. Страхова и Вл. С. Соловьева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Том 11. № 1. С. 111–128.

⁴⁴⁵ Страхов Николай Николаевич (писатель) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона. Т. XXXIa. С. 783–787. То же: [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Страхов,_Николай_Николаевич_\(писатель\)](https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Страхов,_Николай_Николаевич_(писатель))

Лосский Н.О. Вырождение славянофильства // Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 97–100. Сомнительную информацию о Н.Я. Данилевском В.С. Соловьев поместил в 1893 г. в статью о нем в очередном (10) томе Энциклопедии Брокгауза и

Положение каждого из участников спора – признанных интеллектуалов своего времени – заставляет недоумевать всех, кто вникает в его историю. Выдающийся философ, ученый-энциклопедист, литературный критик, авторитетный эксперт в системе народного просвещения своего времени Н.Н. Страхов и философ и поэт В.С. Соловьев много лет не просто были хорошими знакомыми, людьми одного интеллектуального круга, но регулярно переписывались, часто общались, обсуждали текущие и «вечные» вопросы жизни, поэзии, философии. В.С. Соловьев неоднократно подолгу засиживался в гостях в богатой библиотеке своего старшего товарища, ночевал у него. Они поддерживали постоянный контакт и интересовались мнениями, оценками друг друга по поводу написанного ими самими и других актуальных текстов. Сложились эти теплые отношения еще в тот первый

Ефрона, в которой в это время работал редактором философского отдела (вместо того, чтобы попросить написать эту статью того же Н.Н. Страхова – лучшего знатока личности и творчества Н.Я. Данилевского. Н.Н. Страхов познакомился с Н.Я. Данилевским в 1868 году, дружил с ним и его семьей всю оставшуюся жизнь и, не во всех вопросах совпадая с автором, печатал книгу «Россия и Европа», начиная с ее первой журнальной версии 1869 года, когда недолго был редактором журнала «Заря». Будучи душеприказчиком Н.Я. Данилевского, он закончил разбирать его архив в разгар полемики с В.С. Соловьевым и издал в 1890 г. объемистый, в 647 страниц, «Сборник политических и экономических статей» покойного друга, в который включил и критическую антисоловьевскую статью о теократической идее.). Вся статья представляет собой краткий конспект всех искажений, передержек и предвзятостей, уже убедительно разоблаченных к тому времени Н.Н. Страховым и другими критиками для всех (немногих), кто интересовался именно сутью дела [см.: Соловьев В.С. Данилевский, Николай Яковлевич [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_0280-1.shtml.] До сих пор эта энциклопедия является неиссякаемым (поддержанным и в советской историографии авторитетными марксистскими историками и философами) источником воспроизведения лжи о вторичности работы Н.Я. Данилевского, невзирая на абсолютно полно и безальтернативно доказанную оригинальность его теории культурно-исторических типов, о чем знают точно все специалисты.

⁴⁴⁶ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 66–69, 310–313, 315–318.

период послеуниверситетского творчества В.С. Соловьева, когда он входил в «высокие научные сферы» с блестящей критикой западной философии – «Критикой отвлеченных начал» – которая была воспринята (без встречных возражений) как свидетельство славянофильских умонастроений автора.

Спора этого не должно было быть. Со стороны В.С. Соловьева этот спор начался и происходил как «странность» (А.Ф. Лосев), некий розыгрыш, игровая расправа с концепцией, автор которой уже не мог ему ответить⁴⁴⁷, а затем и с ближайшим другом автора концепции и близким товарищем самого Соловьева – мыслителем, годившегося ему в отцы, остро рациональным и нравственно щепетильным философом. Со стороны Н.Н. Страхова этот спор – с дерзким, молодым и модным интеллектуалом, пусть и искусным в своих полемических построениях, – был своего рода потерей лица. Аргументативная структура этого спора не менее странна: Соловьев допускает в нем простые уловки и делает ошибки логического характера; Страхов, не решаясь на прямое порицание вдруг проявившейся ученической небрежности оппонента, аргументирует к точности перевода, которую не соблюдает Соловьев и пр.

Спора этого не должно было быть, но он состоялся. Его исследование, как я полагаю, требует особого внимания к его смысловой возможности, тем ценностно-эпистемологическим контурам, в которых он возник и никак не прекращался.

Le style, c'est l'homme. За сто лет до начала этого спора умер Ж.-Л. Леклерк де Бюффон (1707–1788), автор фразы *le style, c'est l'homme*,

⁴⁴⁷ В.С. Соловьев знал Н.Я. Данилевского только заочно, по его быстрому критическому отзыву в феврале-марте 1885 г. на едва прозвучавшую теократическую идею, которую Н.Я. Данилевский сразу квалифицировал как «метафизическую схему» и указывал на историческую несостоятельность, пристрастность и предвзятость соловьевского толкования истории церквей с позиции метафизического противопоставления Востока и Запада.

полюбившейся в скептическом XIX столетии людям самого разного умственного и жизненного склада, отчетливо сознававшим, что при всех обретениях и утратах, которые случаются с каждым, сам человек остается в качестве неотменяемой жизненной, или «стилистической» величины. «Стиль же – это сам человек: стиль нельзя изъять, похитить, исказить... Прекрасный же стиль прекрасен лишь благодаря бесконечному числу воплощаемых им истин»⁴⁴⁸. Познавательное разнообразие жизненных занятий Н.Н. Страхова и В.С. Соловьева вполне описывается при помощи того понимания стиля, которое было предложено Бюффеном.

Н.Н. Страхов, подобно Бюффону, был математиком и естествоиспытателем, автором новаторской диссертации⁴⁴⁹ и десятков переводов научных и философских книг, знал цену хорошему литературному слогу и стремился мыслить и говорить разнообразно и целостно, не теряя из виду перспективу истинного знания и логически точного слова. Склонный к стилистическим вольностям и, особенно в молодые годы, к стилистическому карнавалу, Страхов *не играл в стиль* – стремился обходиться в своей стилистической игре без умозрительной напраслины, «без свиста»; его обращение к стилю последовательно герменевтично⁴⁵⁰.

Стилистическая размерность познавательного опыта В.С. Соловьева была иной. Еще Н.Я. Данилевский в своем критическом отзыве 1885 г. на теократическую идею, высказанную Соловьевым, указывал на ее

⁴⁴⁸ Бюффон Жан-Луи Леклерк де. Речь при вступлении во Французскую Академию [Discours sur le style] // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. То же: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/BUFFON.HTM>

⁴⁴⁹ Шилов Е.И. О первом научно-мировоззренческом опыте Н. Н. Страхова // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 71-77. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://rr.bsu.edu.ru/images/issue2/soc_gum/selection%20%287%29.pdf

⁴⁵⁰ См.: Ольхов П.А. Здравый смысл и история. Заметки к полемической эпитафии Н.Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина» // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125-132.

самодовлеющий стилистический схематизм. Он рассуждал диалектически: признавая несомненно философское направление ума Вл. Соловьева и давая высокую оценку этому редкому качеству, Данилевский напоминал, что у всякого умственного и нравственного свойства есть своя обратная слабая сторона, «заставляющая впадать в пороки своих добродетелей». Со ссылкой на опыт наблюдений, Данилевский называет главным недостатком или пороком метафизически философствующих умов, – *склонность к симметрическим выводам* [курсив мой. – Е.М.]. Разъясняет, как при логических построениях мира неизбежно является схематизм и искусственная симметрия, а уж в конце этот схематизм оправдывают якобы соответствующими ему объективными законами⁴⁵¹. Такое пристрастие к «симметрически-схематической троичности» Данилевский позволил себе заметить и у молодого философа, заподозрив, что именно эта схема легла в основу всего его теократического построения⁴⁵².

Спор Страхова и Соловьева, эпистемологически, с самого начала есть стилистическое разногласие, конфликт «эпистемологических стилей», за каждым из которых – разные смысловые миры.

Низкий жанр. Концептуальные разработки Н.Я. Данилевского и в самом деле схожи с тем, что предложил Г. Рюккерт; но в низком жанре спора дело не идет о выявлении смысловых сходств или смысловых разниц, нет никакого плодотворного взаимного прояснения «случая Рюккерта – Данилевского» (типичного повтора-*inventio*, познавательное значение которого хорошо известно в современной археологии культуры). Стилистическая «разноголосица» (Н.Н. Страхов), не принесла особой пользы ни одной из обсуждаемых концепций, но оказалась герменевтической коллизией, конфликтом в области предельных жизненных смыслов.

⁴⁵¹ См.: Данилевский Н.Я. Владимир Соловьев о православии и католицизме // Известия Славянского Общества. 1885. Март. То же: [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/d/danilewskij_n_j/text_1885_vladimir_soloviev_o_pravoslavii.shtml

⁴⁵² Там же.

К.В. Мочульский, биограф Соловьева, характеризуя Соловьева как спорщика, отмечал, что он проявлял темперамент бойца, страстную убежденность, нравственный пафос, праведный гнев. Борьба его вдохновляла: он наносил жестокие удары и как будто любовался их меткостью и силой. Холодная беспощадность его и «непогрешимая ловкость» создавали порой весьма тяжелое впечатление. «Он действует во имя христианской любви, но в нем есть какое-то нездоровое упоение разрушением»⁴⁵³.

Первичный полемический настрой Соловьева почти академичен. Он сообщает о подготовке Страховым четвертого издания «России и Европы» и о своем желании выступить с обстоятельным критическим разбором, направленным против идей этой книги. Соловьев здесь же признается, что хотел назвать статью свою «Философия пустых претензий», но передумал ввиду уважения к памяти Данилевского, известного ему в других отношениях как человек разумный и почтенный, и решил переменить заглавие⁴⁵⁴. В.С. Соловьев просит М.М. Стасюлевича, редактора «Вестника Европы», в котором публикуется его статья, одну из двух корректур статьи прислать Страхову), поясняя опять же этически, что дело исключительно в личных отношениях, что нужно предоставить Страхову смягчить выражения, оскорбительные («буде он найдет такие») для памяти Данилевского, к которому он благоволит. Не разделяя этого чувства, Соловьев не желал бы слишком оскорблять его «ради старых приятельских отношений к Страхову». «Впрочем, кажется, ничего обидного для Данилевского лично в моей статье не находится. Может быть, смягчу что-нибудь сам...»⁴⁵⁵. Но корректура Страхову так и не посылается.

Прочитав соловьевскую статью уже опубликованной в книжке журнала, Страхов, благоволивший к молодому таланту Соловьева,

⁴⁵³ Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vehi.net/mochulsky/soloviev/09.html>

⁴⁵⁴ Владимир Соловьев. Письма. Т. IV. Пб., 1923. С. 32.

⁴⁵⁵ Там же. С. 34.

недоумевают и досадует, прочитав в письме Соловьева, что Стасюлевич не захотел его посредничества, и статья явилась в № 2 Вестн. Европы, миновав его руки. «Это мне досадно». ... Страхов уже начал ворчать на Соловьева за слишком далекую дистанцию, с которой он говорит о предмете и за нежелание понять книгу, за противоречия в тексте, за «зыбкий ум»... «Буду писать ему, хотя чувствую, что столкнуться нет почти возможности»⁴⁵⁶.

С течением времени полемическая безапелляционность Соловьева становится все заметнее, оскорбительнее: «...нельзя оставить без ответа искусное литературное ... моего старого приятеля»⁴⁵⁷. Или: «Мне *может быть* придется на днях просить у Вас нескольких страниц в *хроническом отделе Ноябрьской* книги для моего ответа помешавшемуся от злобы Страхову. ...Вы меня очень обяжете, напечатавши у себя, так как оставить кажущуюся победу за моим другом-скорпионом было бы мне неудобно»⁴⁵⁸.

Самому Страхову Соловьев пишет, что последнее слово в этом важнейшем и принципиальном для него споре из-за России и Европы должно, во всяком случае, непременно остаться за ним – так «написано на звездах». Просит Николая Николаевича не сердиться и объявляет всех поклонников новой концепции «мерзавцами и глупцами», желающими гибели России⁴⁵⁹. Страхов, втянутый своим молодым, «нахрапистым» *l'amie-cochon* в низкий жанр спора, с трудом удерживает себя в его игровых рамках; но ему дорог труд Данилевского, как и важно распутать полемические упреки вдохновенного, уверенного в своей правоте оппонента. Но постепенно приходит разочарование, и Страхову уже не верится ни в ум, ни в искренность его. Так как Соловьев постоянно «выкидывал фокусы» для

⁴⁵⁶ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 365-366.

⁴⁵⁷ Владимир Соловьев. Письма. Т. IV. С. 39-40.

⁴⁵⁸ Там же. С. 45-46.

⁴⁵⁹ См.: Лосев А.Ф. Вл. Соловьев и литературные деятели 80-х годов (А.А. Фет, И.С. Аксаков, Н.Н. Страхов) / Владимир Соловьев и его ближайшее литературное окружение // Литературная учеба. 1987. № 4. С. 167.

того, чтобы поразить читателей и слушателей и выставить себя – таковы были и его лекции в Университете, и его статьи, и публичные лекции, то, несмотря на его удивительные способности, Страхов начал видеть в нем актера, а не мыслителя и писателя, «да и актера, чем-то одурманенного». Страхов снова размышляет о необходимости искреннего и добросовестного отношения к делу, о необходимости думать о последствиях своих публичных выступлений и разжигания страстей⁴⁶⁰. Очень огорчен Страхов тем, что полемика не была использована по своему главному назначению – для прояснения вопроса о культурных типах, о национальной и мировой истории, о методах исследования этих вопросов⁴⁶¹.

Смысловая асимметрия. Весь спор Н.Н. Страхов ведет в поисковом, философском ключе. В.С. Соловьев – наоборот – всегда уже сначала знает, как должно быть; его стиль – «стиль уверенности», уверенного в своей победе интеллектуального игрока. Это, конечно, не философский стиль, но и не страстный, не фанатичный, потому что «привлекательная черта фанатического стиля – обиженность, фанатик борется с бесконечно сильнейшим, и неодолимым»⁴⁶². Н.Н. Страхов со своей установкой на истину остался бы цел, даже если бы втянулся в жесткую эристику. Но, теряя лицо, Страхов все же оставался собою – мыслителем аналитического, герменевтического стиля мышления. Встретив серьезного оппонента, он старался перевести спор в дискуссию, потому что целью всех его многочисленных философских исследований и разговоров всегда было всестороннее освещение самого спорного вопроса, приближение к истине в отношении предмета исследования. Убедившись, что В.С. Соловьева истина в данном случае вовсе не заботит, он, конечно, должен был выйти и вышел из разговора.

⁴⁶⁰ См.: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 368-370.

⁴⁶¹ См.: Там же. С. 373.

⁴⁶² Пумпянский Л.В. Заметка о Вл. Соловьеве // Бахтинский сборник. Вып. IV. Саранск, 2000. С. 56.

Одно из последних соловьевских признаний-розыгрышей: «Примирение же со Страховым я видел только во сне. Когда увижу наяву, то подумаю, не наступил ли мой смертный час»⁴⁶³. Формальное личное примирение Н.Н. Страхова и В.С. Соловьева состоялось незадолго до смерти Страхова, но оно никак не изменило смысловой, ценностно-эпистемологической асимметрии их долгого спора.

4.3. Н.Н. Страхов в кругу учеников: В.В. Розанов, Ю.Н. Говоруха-Отрок, Ф.Э. Шперк. Герменевтические установки общения

Николай Николаевич Страхов как опытный критик и публицист интересовал в 80-90-е годы XIX в. многих молодых журналистов со склонностью к философскому литературоведению – в том числе благодаря все более успешным переизданиям своих работ за многие годы в книжных сборниках статей (три книжки знаменитой «Борьбы с Западом», «Из истории литературного нигилизма», «Критические очерки» в двух томах и другие). Страхов не навязчиво, но внимательно и заботливо помогал им войти в журналистику, найти свой стиль, тему, свое лицо. Бессемейный, в отставке, похоронивший к концу 1880-х гг. нескольких важнейших в своей жизни собеседников, Страхов радовался появлению в столичных журналах новых

⁴⁶³ Владимир Соловьев. Письма. Т. IV. С. 127. Это фраза из письма В.С. Соловьева брату Михаилу, 30 июля 1893 г. (в год публикации статьи о Н.Я. Данилевском в Словаре Брокгауза и Ефрона). О том, что В.С. Соловьев правильно оценивал в то лето перспективы примирения с бывшим другом, свидетельствует и воспоминание В.В. Розанова: «Последующее [после «приторного любезничания» во время печатания враждебной статьи] отношение Страхова к Соловьеву было отвращающееся. Так, идя с похорон Я.К. Грота, я от него выслушал негодующее упоминание о нечаянном и невольном столкновении с Соловьевым на улице: «Как же, и он (Соловьев) *был* (на похоронах)! Разве вы его не знаете в лицо? И опять подошел ко мне и протянул руку, которую я, взяв, – с отвращением *бросил*» (Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 69). Я.К. Грот умер 24 мая 1893 г., так что в июле В.С. Соловьев еще хорошо помнил этот эпизод.

серьезных, уважающих традицию и мыслящих самостоятельно в религиозно-консервативном направлении писателей, критиков, публицистов.

Среди самых талантливых молодых поклонников и единомышленников Н.Н. Стрхова – ровесники Василий Васильевич Розанов (1856-1919) и Юрий Николаевич Говоруха-Отрок (1854?-1896)⁴⁶⁴. Талант их был особенно близок умонастроению Стрхова, кроме серьезности, чуткости и глубины мышления, именно склонностью к герменевтическому проникновению в замысел и предпосылки анализируемого произведения и его автора. В этом ключе они оценивали и работы друг друга в журнальных разборах, этим развивающимся «взаимоисследованием» полны их письма друг к другу, такие привлекательные и поучительные своей герменевтичностью. При этом отношения их живые, не гладкие, каждый индивидуально и открыт и закрыт для другого.

В.В. Розанов почти всегда восхищался книгами и статьями Стрхова, своего «крестного отца» в литературе. Признавая безусловный авторитет личности Стрхова, его превосходство как классика, опытного ученого, философа, эрудита и мудреца, он позволял себе лишь уточняющие вопросы, (например, по поводу К.Н. Леонтьева), не спорил, а пытался понять позицию Стрхова, его мотивы, предпосылки, аргументы, и так – до конца понять не мог, но всегда признавал и соглашался с чужой правдой.

Публичную критику стрховского любимца Л.Н. Толстого Розанов позволил себе еще при жизни Стрхова (статья «Два исхода» (1891)), но тут же и искренне раскаялся, особенно прочитав «Толки о Л.Н. Толстом»: «...Простите мне в высшей степени неудавшийся фельетон от Толстом, за кот[орый] у меня краска залила лицо, когда я начал только читать Вашу

⁴⁶⁴ См. о загадках биографии Ю.Н. Говорухи-Отрока: Каплин А.Д., Гончарова О.А. Предисловие // Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. М., 2015. С. 5.

статью»⁴⁶⁵. Страхову действительно приходилось неоднократно прощать стихийность, неуправляемость розановского таланта за необыкновенную точность его интуиции. Особенно он был удивлен, когда прочел в статье Розанова упрек в недоговоренности по отношению к читателям, в нежелании обнаруживать перед толпой свои самые заветные убеждения, в стремлении быть всегда и непременно разумным, быть «правильным, размеренным, добродетельным»⁴⁶⁶. Удивительное состояло в том, что подобные же предложения «рассказывать себя, выйти перед читателем без мундира и без орденов» неоднократно высказывал Л.Н. Толстой, обладавший высочайшим для Страхова нравственным и писательским авторитетом. Совпадение мнений столь несхожих между собой своих почитателей заставило Страхова «прилежно думать» над этим, и в итоге он пишет Толстому одно из самых своих длинных исповедальных писем, в котором старательно и подробно разъясняет невозможность выполнить пожелание. Страхов не может дать того, чего от него ждут, и потому, что такова его натура, его склад ума и характера⁴⁶⁷, в котором, конечно, как у всех людей, происходит борьба, но выставлять ее на суд и обсуждение других людей – для Страхова абсолютно неприемлемо, а с его точки зрения, и не полезно, и не интересно ни для кого⁴⁶⁸. Высказаться же «до конца», раскрыть во всей полноте свои мысли, на которые намекает и о которых умалчивает в своих статьях, Страхов, может, и хотел бы, но это очень трудно, «гораздо труднее, чем полагают те, кто этого требует»⁴⁶⁹.

⁴⁶⁵ Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым // Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 275.

⁴⁶⁶ Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым. С. 104-105.

⁴⁶⁷ См.: Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки. В 2 т. Т. 2. Ottawa, 2003. С. 909.

⁴⁶⁸ См.: Там же. С. 910.

⁴⁶⁹ Там же. С. 911.

В письме к Розанову, написанном чуть позже, Страхов уже ни в какие объяснения не вдается, пишет только, что выражение «пленка благоразумия» показалось ему странным, но он понял, что его молодой друг хотел сказать и благодарит за сказанное, хотя смотрит на это «несколько иначе»⁴⁷⁰. Издавая письма Страхова в 1913 году, Розанов написал в комментарии к «пленке благоразумия», что это был полу-упрек, сделанный по молодой неопытности, от непонимания естественной слабости и необходимости защиты от людей, с которыми жизнь связывает многообразными отношениями⁴⁷¹. Переписка Толстого и Страхова была опубликована в следующем, 1914 г., но в нее не попало цитированное письмо, в котором зрелый Розанов мог бы прочесть подтверждение правильности своего позднего понимания страховской сдержанности, органической чуждости для него экзистенциального стиля письма. Вряд ли они могли вполне понять друг друга в 1892 году.

Н.Н. Страхов высоко ценил и критические статьи Ю.Н. Говорухи-Отрока, для которого сам был одним из главных людей в жизни, поскольку непосредственно представлял в своем лице и «Время» и «Эпоху» Ф.М. Достоевского, и «органическую критику» Ап. Григорьева, и теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского – всех тех, кто внес основной вклад в перевоспитание бывшего народника-революционера в православного консерватора. Благодаря личному знакомству и общению со Страховым, Говоруха-Отрок углубился и в философию⁴⁷².

Ю.Н. Говоруха-Отрок с 1889 года вел постоянную рубрику «Литературные заметки» в газете «Московские ведомости», в которой он опубликовал несколько статей, посвященных книгам Страхова, и после его смерти успел трижды посвятить рубрику Страхову: некролог 27 января, большой очерк 1 февраля и 20 июня, за месяц до своей смерти, – рецензию на первую биографию философа, критико-биографический очерк о Страхове

⁴⁷⁰ Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым. С. 111-112.

⁴⁷¹ См.: Там же. С. 111.

⁴⁷² См.: Каплин А.Д., Гончарова О.А. Предисловие. С. 19-20.

Б.В. Никольского, еще одного его молодого почитателя из когорты переболевших левизной консервативных литераторов⁴⁷³.

Став сам на позиции православного монархизма, Говоруха-Отрок тонко чувствовал неортодоксальность страховских текстов, его умную ересь, на которую указывал так же тонко и умно. «Можно в ином не соглашаться с почтенным автором», но поскольку его мысли всегда выражены очень ясно и понятно, то и спор с ним всегда протекает правильно и полезно, служит «большему выяснению дела»⁴⁷⁴, – писал он в 1892 г. по поводу религиозно-нравственной концепции, изложенной Страховым в статье «Справедливость, милосердие и святость». Что же Говоруха-Отрок находит спорным у Страхова, выделяющего три ступени нравственного совершенствования личности? Главное – это то, что свойственные даже и поврежденной человеческой природе доброта сердца, милосердие и любовь к ближним не имеют *принудительной* силы для этой поврежденной природы⁴⁷⁵. Соглашаясь с автором в том, что совершенство святости состоит в свободе от всякого страха, кроме Бога и совести, Говоруха-Отрок настаивает, что «без веры невозможен страх Божий, без него невозможны ни любовь, ни святость...»⁴⁷⁶.

Еще более показательна герменевтическая чуткость Говорухи-Отрока в его трактовке смысла страховских «Воспоминаний о поездке на Афон». Перед первой журнальной публикацией этого очерка в 1890 г. Страхов писал Толстому, что замысел его «в сущности, есть маленькая защита монашеской жизни»⁴⁷⁷. А после сожалел в письме к Толстому же, что его апология монашества наивно принята читателями за исповедание православия:

⁴⁷³ См.: Никольский Б.В. Н.Н. Страхов, критико-биографический очерк. СПб., 1896.

⁴⁷⁴ Говоруха-Отрок Ю.Н. Любовь и страх. (По поводу статьи Н.Н. Страхова «Справедливость, милосердие и святость») // Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. С. 291.

⁴⁷⁵ См.: Там же. С. 293.

⁴⁷⁶ Там же. С. 299.

⁴⁷⁷ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 390.

«...Мне было очень совестно, когда Александра Андреевна⁴⁷⁸ и разные другие благочестивые люди причисляли меня к своим. Перед Ал. Андр. я прямо отрекся: “нет, графиня, я нигде не выразил, что я верующий”. – Чувствовал я, что Поездка Вам не может понравиться; но как из церковно-верующих никто (впрочем, кроме Ольги Александровны⁴⁷⁹) не заметил, что Поездку писал не верующий?»⁴⁸⁰. Когда же в 1892 г. Страхов включил «Поездку на Афон» в сборник «Воспоминания и отрывки», Ю. Николаев (псевдоним Говорухи-Отрока) в своей рецензии на книжку выбрал для подробного рассмотрения именно этот очерк, и назвал статью недвусмысленно: «Мнение светского писателя о монашестве». Изучив мотивы путешествия, он одобрил их: «Если народ наш *паломничает* на Святую гору, пусть наши образованные люди *пока* хотя только изучают Афон. И это уже будет шагом вперед»⁴⁸¹.

Ю. Николаев усиливает мысль Страхова о том, что мирским людям жизнь монахов часто представляется путем мучительных лишений – как будто удовлетворение плотских потребностей действительно составляет главную радость жизни. Приводит Ю. Николаев и итоговое впечатление путешественника – признание, что воспоминания о пребывании на Афоне вызывают умиление и «то чувство, которое так ярко горит на Афоне, – жажда молитвы»⁴⁸². В тоне и построении всего этого изложения критик сохраняет ощущение дистанцированности автора («светского писателя») от афонской монашеской жизни, его позицию внимательного и чуткого наблюдателя, проникающего в чужую жизнь, но не паломника, «жажду молитвы», но не

⁴⁷⁸ Графиня А.А. Толстая, тетка Л.Н. Толстого.

⁴⁷⁹ Данилевская, вдова Н.Я. Данилевского.

⁴⁸⁰ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 405.

⁴⁸¹ Говоруха-Отрок Ю.Н. Мнение светского писателя о монашестве. (Н. Страхов. Воспоминания и отрывки) // Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. С. 305.

⁴⁸² Там же. С. 311.

молитву. «Вот какое впечатление от соприкосновения с Афоном вынес один из образованнейших русских людей...»⁴⁸³, – заканчивает Ю. Николаев свой очерк. Похоже на то, что Говоруха-Отрок лучше многих распознал религиозную проблему Н.Н. Страхова, помешавшую органичному слиянию его скептического духа с духом Святой горы⁴⁸⁴.

Ю.Н. Говоруха-Отрок и В.В. Розанов много спорили между собой, обнаруживая сходство и противоречия в понимании литературных явлений; на почве спора они и познакомились по переписке. Говоруха-Отрок писал Розанову из Москвы в Елец о том, что рад возможности завести хоть и письменные, но «непосредственные отношения» после того, как уже выразил свою заинтересованность розановским творчеством в ряде статей⁴⁸⁵. Оба скоро обнаружили множество точек соприкосновения и большую идейную близость в самых главных вопросах, вскоре лично познакомились и подружились.

В споре о Гоголе Розанов просил быть судьей Страхова: «Если б Вы мне написали – угадал ли я?»⁴⁸⁶ Он признавался в письме, что свой талант «по читаемому разгадывать душу пишущего» считает своим даром от Бога, и что сам Страхов ему об этом писал и говорил. А этим, в свою очередь, поддержал уверенность Розанова в правильности его «разгадки Гоголя», «внутренность» которого он тщательно разобрал «по указанию свыше». И

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Хотя, скорее всего, в этой поездке, предпринятой Н.Н. Страховым на шестом десятке своих лет, отразилась и его глубинная «энтелехия путешествия» (см.: Синеокая Ю.В. Путешествие как философский проект // Философский журнал. 2014. № 1 (12). С. 58–77.): Страхов, по обеим линиям происходивший из церковнослужителей, остро чувствующий и мысливший всю жизнь над религиозными проблемами в экзистенциальном и общественном планах, конечно, стремился попасть в средоточие истинного православия, родной для него религиозной формы жизни.

⁴⁸⁵ См.: Ю.Н. Говоруха-Отрок в нескольких письмах // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. С. 440.

⁴⁸⁶ Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым. С. 262–263.

Говоруха-Отрок – тоже апеллировал к авторитету Страхова, цитировал его слова в письме Розанову и просил подумать над ними⁴⁸⁷.

Интересно, что в этом «треугольнике» Розанов воспринимал и вспоминал через многие годы Говоруху-Отрока не как своего ровесника, а отчего-то относил его к «отцам», к поколению Страхова и Толстого. Говоруха – «больше наш, чем великолепный и ученый Страхов, хотя он и не так солиден и надежен»⁴⁸⁸ – сравнивал он их образы в 1913 г. А в примечании к фрагменту письма, в котором Говоруха-Отрок высказывал намерение написать монографию о Гоголе, Розанов еще более конкретен в обосновании своего недоверия к этому замыслу, даже ретроспективно. Даже самое тщательное фактуальное обеспечение самой подробной работы, самые высокие качества ума и таланта автора, уверен Розанов, не могли бы ничем помочь, поскольку «*Не убо прииде час...*»: историческая мера понимания Гоголя людьми 60-х и 70-х годов (как реалиста, обличителя и проповедника) исчерпана и оказалась теперь уже недостаточной, несмотря на искренность и талант Чернышевского, Добролюбова, Овсяннико-Куликовского, Страхова или Говорухи-Отрока⁴⁸⁹.

А ведь Ю.Н. Говоруха-Отрок старше В.В. Розанова всего на несколько лет. Отчего же он казался ему таким «старым»? Почему был помещен в круг людей возраста Страхова, с которыми – Розанов об этом писал в некрологе 1896 г. – у Говорухи-Отрока было так мало общего, что истолковывалось Розановым как некое «заметное и ценное звено перехода» в нечто противоположное: «Человек, его лицо, его сердце, и никогда “человечество” 60 годов – его занимало»⁴⁹⁰.

⁴⁸⁷ Ю.Н. Говоруха-Отрок в нескольких письмах. С. 451.

⁴⁸⁸ Там же. С. 443.

⁴⁸⁹ Ю.Н. Говоруха-Отрок в нескольких письмах. С. 440-441.

⁴⁹⁰ Розанов В.В. Вечная память. 24 января – 27 июля 1896 г. // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. С. 463.

Если Н.Н. Страхов на пороге семидесятилетия понимал, что его время в журналистике закончилось и все больше уединялся в своих философских занятиях, если сорокалетний В.В. Розанов, напротив, был на пороге выхода на новый виток творчества, «в нечто новое и противоположное», то судьба Н.Ю. Говорухи-Отрока оборвалась внезапно, перечеркнув его замыслы развития традиций «органической критики». Несмотря на столь различные мировоззрения, исторические и литературные судьбы, Страхов, Говоруха-Отрок и Розанов представляют единое направление, надолго забытое в XX в., почти не известное широким кругам специалистов, не говоря уже о публике. Интерес к нему, однако, уже возродился и растет, обещая немало новых открытий в истории русской мысли и слова. В последний год жизни Н.Н. Стрхова и сразу после его смерти, с промежутком в полтора месяца, были опубликованы очерки его мышления и личности, авторы которых принадлежали к сторонникам мыслителя и, вместе с тем, были его молодыми критиками. Автор первого из очерков, Ф.Э. Шперк (1872–1897), по возрасту годился Стрхову во внуки; автор другого, Ю.Н. Говоруха-Отрок (1850–1896) – в сыновья.

Отзывчивость и свобода толкования, с которыми были написаны очерки о «просвещеннейшем человеке России», весьма выгодно отличают их от попыток понять страховское мировоззрение линейно или дисциплинарно, через отнесение его к существующим школам и направлениям в едва развившейся профессионально, только обретавшей свой голос русской философии. Такие попытки делались в кругу университетских профессоров философии – Н.Я. Гротом, А.И. Введенским, Э.Л. Радловым – и затем много послужили сохранению памяти о Стрхове, сосредоточению общих положительных представлений об особом нравственном и творческом облике мыслителя, его «светлом рационализме» (Н.Я. Грот), но в

эпистемологическом отношении были довольно поверхностны⁴⁹¹. Куда больший вклад в понимание оснований мировоззрения Страхова внесли Б.В. Никольский и В.В. Розанов. Каждый из них по-своему уточнял «географию» страховского мировоззрения как целостного, тяготеющего к органическим формам выражения; но в обоих случаях оставался без внимания собственно «органон», личностная рациональная герменевтика Н.Н. Страхова.

Очерки Ф.Э. Шперка и Ю.Н. Говорухи-Отрока оказались малозамеченными – и тогда, когда они только были опубликованы, и теперь, в ситуации довольно стремительного развития современного страховедения. Представленные в публицистической форме на страницах «Нового времени» и «Московских ведомостей», они принадлежали авторам, ушедшим из жизни вскоре после смерти Страхова и не были интересны философскому сообществу, тяготевшему то к софиологии, то к марксизму, то к его антиподам. Страхов быстро забывался и в течение многих десятилетий оставался на крайней периферии литературоведческого внимания. К середине 10-х годов ХХI в. многое изменилось; в обстановке всевозрастающего интереса к страховскому наследию появились и новые оценочные расхождения, и новые конфликты интерпретаций. Исследование очерков Ф.Э. Шперка и Ю.Н. Говорухи-Отрока, опубликованных теперь

⁴⁹¹ Наименее удачными были размышления Э. Радлова, в которых явным образом дала себя знать идеологическая мотивация, приверженность Радлова идеям В.С. Соловьева и, судя по всему, квазикритическим соловьевским оценкам страховской философии, – вплоть до насыщенной отрицательными оценочными суждениями статьи о Стракове, подготовленной Э. Радловым и С. Венгеровым для Энциклопедического словаря Брокгауза и Евфрона (см.: Николай_Николаевич_(писатель) // <https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Страхов>), Радлов свел понимание философии Страхова к пропедевтическому минимуму, представив ее как философию для начинающих. Это было подменой – своего рода онтологизацией стиля Н.Н. Страхова, стремившегося к ясности своего письма; легкое чтение при этом никогда не предполагалось.

вполне репрезентативно, в контексте их биографий, на мой взгляд, позволяет существенно уточнить историю памяти и забвения Страхова-философа.

Ю.Н. Говоруха-Отрок был ярко выраженной художественной натурой, его литературные и театральные интересы с юности дополнялись общительностью и увлеченностью социальными вопросами, что привело его к сближению с народниками. После вызванного этими контактами ареста, в тюремном заключении, с ним произошел религиозный переворот и радикальный перенастрой на православие и славянофильство⁴⁹². Современники отмечали в нем некую загадочность, задумчивость, рассеянность при чрезвычайной работоспособности и глубине мысли литературного критика⁴⁹³. Для Говорухи-Отрока Страхов был одним из тех учителей, благодаря которым состоялось его второе рождение⁴⁹⁴. Личное знакомство и периодическое общение со Страховым в 90-е годы во время его приездов в Москву еще усилили симпатии Говорухи-Отрока к философу⁴⁹⁵.

Страхов со своей стороны тоже заинтересованно приглядывался к талантливому, проницательному критику, который в статьях своих не скрывал славянофильской ориентации и сочувствия к Страхову, активно полемизировал с главным оппонентом Страхова в 80-90-е гг., Вл.С. Соловьевым⁴⁹⁶. В письмах к Толстому Страхов оставил о Говорухе немногословные, но красноречивые замечания. Так в сентябре 1891 г. он писал: «В Москве я ... познакомился с Говорухой-Отроком, провел с ним целый вечер, но к удивлению нашел в нем что-то загадочное...»⁴⁹⁷, а через

⁴⁹² Каплин А.Д., Гончарова О.А. Предисловие // Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. М., 2015. С. 5-26.

⁴⁹³ Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. С. 459-462, 467-469.

⁴⁹⁴ Другим главным его учителем был К.Н. Леонтьев.

⁴⁹⁵ Каплин А.Д., Гончарова О.А. Предисловие. С. 19-20.

⁴⁹⁶ См. раздел IV в книге: Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. М., 2015.

⁴⁹⁷ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 436.

два с половиной года, в марте 1894 г., – все еще как о малознакомом: «А что Вы скажете о Говорухе? Он пишет, что пленен Вами, что с Вами разговаривал. ...несомненно – человек с умом и характером»⁴⁹⁸. Хорошо знавший и любивший обоих В.В. Розанов отмечал, что Страхов находил в нем «существеннейшую» черту критика – «любовь к литературе в ее *собственных* задачах» и умение дать оценку отдельному литературному произведению с точки зрения правильности выбора и употребления способов осуществления этих задач⁴⁹⁹. Собственную же задачу литературы писатели страховского круга понимали в духе принципов «органической критики» Ап. Григорьева – не эстетически только и не в служении социальной злобе дня, а как духовную задачу, решаемую художником и проясняемую для читателя критиком. Понимающие стратегии были руководящими для критической работы Говорухи-Отрока. Черта человеческого характера, изображенная в литературном произведении, «черта характера, не скрытая в себе писателем», – вот что его занимало более всего⁵⁰⁰. С этим же ключевым вопросом в уме – о человеческом и писательском характере – написана и интересующая нас статья Говорухи-Отрока о Страхове.

Сторонником и продолжателем традиции григорьевской «органической критики» был и Федор Эдуардович Шперк, человек с оригинальным, свободным и страстным мышлением. В отличие от Говорухи-Отрока, который развивался вглубь, от слова к мысли, Шперк трудно двигался от мысли – от увлечения Спинозой, от построения «своей» философии – к слову, к умению выражать мысль понятно⁵⁰¹. Шперк познакомился с

⁴⁹⁸ Там же. С. 456.

⁴⁹⁹ Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. С. 458.

⁵⁰⁰ Там же. С. 463.

⁵⁰¹ См. особенно: Письма Ф. Э. Шперка к В. В. Розанову // Шперк Ф.Э. Как печально, что во мне так много ненависти... Статьи, очерки, письма. СПб., 2010. С. 39-74; о проблеме языка у Шперка и ее решении, в котором принимал непосредственное учительское

Розановым по переписке, так же, как сам Розанов двумя годами раньше познакомился со Страховым, но если Розанов был всегда почтителен со Страховым, то Шперк позволял себе в письмах к Розанову весьма дерзкие замечания, которые потом перешли в его статьи и стали причиной скандальной репутации молодого критика⁵⁰².

Ко всем без исключения пишущим современникам Шперк относился резко, без пиетета, в том числе и к Страхову, часто высказываясь о нем критично и даже местами уничижительно. Но часто его собственные суждения о разных предметах до странности похожи на страховские: «прекрасно мыслящих на свете много, а методически мыслящих — очень мало»⁵⁰³; восхищение прочитанными в подлиннике схоластами, их блестящим умом и выделение из них особенно блестящего Франсиско Суареса, которым Страхов тоже восхищался⁵⁰⁴; суждение о противоречии Вл. Соловьева: «Неужели честный по отношению к своей мысли, он может быть бесчестным по отношению к чужой»⁵⁰⁵ и множество других. Иногда эти сближения принимают вид некоей герменевтической переклички. Так, например, Н.Н. Страхов писал В.В. Розанову о слабости его философской книги «О понимании», что в ней слишком мало «твердости и определенности» слишком подвижной мысли, «много систематичности и общих обзоров и новых категорий»⁵⁰⁶. Перечитывая это письмо, Розанов вспомнил, что и Шперк называл эту же книгу неодобительно «*географией*

участие Н.Н. Страхов, см.: Розанов В.В. Ф. Э. Шперк // Шперк Ф.Э. Как печально, что во мне так много ненависти... С. 302-303.

⁵⁰² См.: Письма Ф.Э. Шперка к В.В. Розанову, особенно см. с. 53 и 55; а также Розанов В.В. Ф. Э. Шперк. С. 303, Шперк Ф.Э. Как печально, что во мне так много ненависти... С. 287-289; Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 250-251.

⁵⁰³ Письма Ф. Э. Шперка к В. В. Розанову. С. 56.

⁵⁰⁴ Там же. С. 58.

⁵⁰⁵ Там же. С. 63.

⁵⁰⁶ Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 12.

ума человеческого». Очевидно, словцо это вспомнилось Василию Васильевичу по аналогии со страховской оценкой, тоже подчеркивающей масштабность и описательность в подходе молодого автора к задаче понять и выразить все формы и направления деятельности ума человеческого. Но только Страхов писал аккуратно, щадяще и сопровождал критику полезными рекомендациями, а Шперк прямо говорил, что ему не нравится «ездить по географии», он предпочитает «странствовать». Или, например, с точки зрения наших историко-философских «общих мест», странно признание Шперка, сделанное в письме Розанову после смерти Страхова. Шперк вспоминал, что Страхов однажды сказал ему о глубоких основаниях пессимизма как мировоззрения, и эта мысль тогда не привлекла его внимания и не заставила переспросить Страхова, в чем именно он видел правильность пессимизма. А вот теперь, когда Страхов умер, ему, Шперку пришло на ум, что пессимизм действительно прав в своей основе – как указание отрицательным отношением к земному существованию на положительность «некоторого иного рода бытия»⁵⁰⁷. Реплика эта появляется в контексте суждений об индивидуальной и абсолютной воле, о Ницше, о психологическом и религиозном мистицизме, – Шперк, впрочем, совершенно не связал оставшееся в его памяти высказывание Страхова с Шопенгауэром, хотя считал их ближайшими по духу философами. Ему, по-видимому, не пришлось и прочитать страховского предисловия к переводу А.А. Фета книги «Мир как воля и представление», где речь шла как раз о религиозном пессимизме.

Розанов познакомил Страхова со Шперком – и они успели почти подружиться в последнюю зиму жизни Н.Н. Страхова. Розанов писал об их встречах, как больной Страхов, не расположенный к нему прежде за некоторые статьи, после двух-трех свиданий уже стал искать новых

⁵⁰⁷ Письма Ф. Э. Шперка к В. В. Розанову. С. 66.

встреч.⁵⁰⁸. Такой переход от взаимной антипатии к симпатии Розанов объяснял больше всего диалогическим талантом Шперка, который умел в беседе держаться совершенно открыто и вызывать собеседника на такую же откровенность чутким и точным отношением к слову и к мысли, отсутствием всяких преград взаимного недоверия или непонимания⁵⁰⁹.

Взгляд внимательного В.В. Розанова отметил среди прочих характерные черты, противопоставляющие Шперка «рассеянному» Говорухе: в отличие от последнего, он был всегда насторожен ко всему окружающему; никакой рассеянности, ничего наивного не было в его суждениях⁵¹⁰; его нельзя было обмануть никакой мишурой или мнимой «знаменитостью». Его недолгое участие в литературной жизни отмечено яркой и агрессивной борьбой со всякими сомнительными авторитетами, с «общими местами» в отношениях, в оценках, в понятиях⁵¹¹. Здесь Шперк в изображении Розанова «неподкупен», как Страхов, но только зол и горяч, неутомим и инициативен – Страхов все-таки, когда мог, позволял себе (а еще больше мечтал позволить) не вмешиваться в споры из-за «общих мест».

Один из сравнительно тихих шагов вступления Шперка в литературу – его очерк о почтенном писателе Н.Н. Страхове в «Новом времени»⁵¹², очевидно, положительно тем оцененный (в день выхода статьи, 15 декабря 1895 г., Страхов подписал свою летнюю яснополянскую фотографию

⁵⁰⁸ См.: Розанов В.В. Ф. Э. Шперк. С. 304.

⁵⁰⁹ См.: Там же.

⁵¹⁰ Там же.

⁵¹¹ См.: Там же.

⁵¹² Статья Шперка «Н. Н. Страхов. Критический этюд» была подписана псевдонимом «Орь», опубликована в газете «Новое время» 15 декабря 1895 г. (№ 7112). Последняя (она же вторая) публикация: Шперк Ф.Э. Н.Н. Страхов. Критический этюд // Шперк Ф. Как печально, что во мне так много ненависти... Статьи, очерки, письма. СПб., 2010. С. 122-128.

«Федору Эдуардовичу Шперку для начала дружбы»⁵¹³). Шперк начинает этот свой очерк с указания на 40-летие литературной деятельности Н.Н. Страхова и задается вопросом: почему так мало внимания уделялось за эти годы столь немало потрудившемуся автору? Через ответ на этот вопрос критик решается «в некоторой степени, разгадать и самого писателя»⁵¹⁴. Три части статьи посвящены анализу препятствий для широкой популярности Страхова – качеству его философии, индивидуальным особенностям стиля мышления и письма и его методу.

Первая из трех частей статьи утверждает сходство судьбы и личности Страхова с Шопенгауэром «в общем духовном облике и родственной писательской участи»⁵¹⁵, а именно: (1) превосходная степень начитанности и преданности литературе⁵¹⁶; (2) «прямота, добросовестность их мысли, этический характер их философской деятельности»⁵¹⁷; (3) не понятость современниками в своих главных трудах, имеющих аналогичные названия – «Мир как воля и представление» Шопенгауэра и «Мир как целое» Страхова –

⁵¹³ Опубликовано в составе иллюстраций книги: Шперк Ф.Э. Как печально, что во мне так много ненависти....

⁵¹⁴ Шперк Ф.Э. Н.Н. Страхов. Критический этюд. С. 122.

⁵¹⁵ Там же.

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ Там же. С. 123. Здесь Ф.Э. Шперк, по-видимому, впервые в широкой печати публикует сравнение не мнений и взглядов, а целостных личностей Н.Н. Страхова и В.С. Соловьева, в своем стиле прямо «выгодно отличая» первого: «Вообще, Страхов и В. Соловьев – антиподы. В Страхове как писателе так же мало поэтичности или, вернее, поэтического излишества г. В. Соловьева, как мало в г. Соловьеве прямоты и писательской искренности Страхова». – Шперк Ф.Э. Н.Н. Страхов. Критический этюд. С. 122. Уместно вспомнить, что именно «проницательному и гениальному» Шперку принадлежит афористическая характеристика Соловьева как не этической, а эстетической личности, высказанная в частном разговоре с Розановым (См.: Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев, С. 20) и, думаю, по-прежнему нуждающаяся в тщательном исследовании.

и являющихся наиболее ясными философскими системами своего времени⁵¹⁸. Если искать причины непризнания не в «судьбе», а в самих произведениях, то ответ Шперка таков: «...Ясные, определенные философские произведения всегда труднее темных и неопределенных». Неопределенным и темным текстам мы можем приписать все, что хотим, любые мысли, которые нам понятны, нами же и истолкованы. Точным и определенным мыслям мы ничего своего приписать не можем. И мыслителей ясных нельзя истолковать по-своему, а надо непременно стараться их понять; «понять же истинного мыслителя нелегко: на то требуется и труд, и время»⁵¹⁹. Н.Н. Страхову, должно быть, пришлось по душе этот пассаж – во всех своих статьях и книгах он обращался к читателям и критикам именно с призывом мыслить самостоятельно и понимать чужую мысль.

В заключение этого рассуждения Шперк подчеркивает непростую герменевтическую задачу, вытекающую из «совершенно своеобразной индивидуальности» Страхова: «надо обладать известным чутьем индивидуальности, чтобы не ошибиться в нем, а то как раз не заметишь «слона» в его произведении»⁵²⁰. Характеризуя во второй части статьи особенные «свойства ума нашего писателя», Шперк дает оригинальную стилистическую характеристику Н.Н. Страхова, продолжая и развивая тем самым усилия В.В. Розанова, который больше всех систематически рецензировал страховские работы при жизни философа и писал в них, в том числе, и об особенностях личности Н.Н. Страхова.

Ф.Э. Шперк придумал назвать ум Страхова «периферийным», подразумевая под этим «такой ум, который тяготеет не к средоточию, а к периферии созерцаемых явлений»⁵²¹. В этом он находит причину главной претензии читателей к Страхову, «некоторой неполноты», «отрывочности

⁵¹⁸ Шперк Ф.Э. Н.Н. Страхов. Критический этюд. С. 123.

⁵¹⁹ Шперк Ф.Э. Н.Н. Страхов. Критический этюд. С. 124.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Там же.

или, вернее, недосказанности» его статей⁵²², неоднократно отмеченной и Розановым, и Толстым. Шперк рассматривает «периферийность» как недостаток, обусловленный «крупным достоинством» – обстоятельностью, детальностью мысли. У центральных умов не бывает этой обстоятельности, подробности мышления, – развивает Шперк свою мысль, – например, Страхов – автор прекрасных характеристик литературных явлений, но у него почти не встретишь так обычных для европейских критиков сжатых и точных определений индивидуальности⁵²³. Главной же стилистической характеристикой Страхова Шперк считает чрезвычайно редкую у современных писателей «цельность и связность»⁵²⁴. «Стилистическая связность, однако, есть не что иное как внешне обнаружившаяся связность, неразрывность цельности умственной», встречающаяся только у великих мыслителей⁵²⁵. Обращая внимание на страховскую требовательность в плане естественности, искренности мысли и речи (отсутствия «деланности», «ходульности», как говаривал Страхов словами Ап. Григорьева. – *Е.М.*), Шперк подчеркивает одно из наиболее характерных отличительных качеств страховского «писательства», а именно, отсутствие всякой риторики, т.е. выражения того, чего нет в самом писателе. «Всякое слово Страхова есть продукт мысли. В мышлении же Страхова нет никаких “пробелов” – факт не только замечательный, но и чрезвычайно редкий»⁵²⁶. И, возвращаясь к «простоте» страховских текстов, «не особенно выгодной для писателя» с точки зрения привлечения внимания, еще раз выделяет ценность внутренней оригинальности мысли, скрывающейся под внешней простотой выражения⁵²⁷.

⁵²² Там же. С. 124-125.

⁵²³ См.: Там же. С. 125.

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ Там же. С. 126.

В последнюю, третью часть статьи Шперк поместил рассмотрение главного свойства мышления, а по мнению Шперка, и самой личности Страхова – его философского метода, причем особенно его восхитило замечательное самопонимание, самопознание Страхова в этом своем свойстве⁵²⁸. И симпатия Страхова к Декарту, и признание Ап. Григорьева «самым содержательным и философичным из русских критиков» – все эти предпочтения, утверждает Шперк, основаны на общем для них методологизме мышления. Соглашаясь с правотой страховских методологических оценок и самооценок, Шперк делает от себя два интересных замечания, помогающих объяснить, почему при всей ясности и кажущейся популярности изложения Страхов может быть всегда только «писателем для немногих»⁵²⁹. Эти взаимосвязанные замечания суть (1) формализм и (2) отсутствие стилистического чутья, «которое есть достояние современности». Для литераторов поколения Шперка и моложе – Страхов архаичен в своих критических приемах формально-содержательного анализа художественных произведений⁵³⁰: на дворе уже эпоха символизма и декадентства, к которым «старомодный» Страхов если не враждебен, то и «нечувствителен» (а по существу, конечно, глубоко чужд как приверженец «архаического» чтения древних и средневековых книг и толстовского художественного реалистического идеала «красоты, добра и правды» – *Е.М.*). Но и в научной и философской областях, где формальная методология, наоборот, стала к концу века общепризнанной и «законной», Страхов не может рассчитывать на популярность у молодых читателей в силу своей акцентированной формалистичности, «некоторого особого рода “бессодержательности”»⁵³¹. Этот формальный методологизм просто

⁵²⁸ См.: там же.

⁵²⁹ Там же. С. 127.

⁵³⁰ Там же. С. 128.

⁵³¹ Там же. С. 127.

неинтересен молодежи⁵³², а в главных задачах и непонятен в силу отсутствия у нее необходимого рефлексивного опыта. Страхов по своему значению – истинный учитель, но не молодежи, а учителей этой молодежи. Он истинно полезный писатель «для созревших продуктивных умов»⁵³³. Сам Ф.Э. Шперк, очевидно, не успел вполне развить свои философские задатки – и его «Диалектика бытия»⁵³⁴, и концептуализация «христианского стиля русской литературы»⁵³⁵ грешат не только всегдашними недостатками теоретизма. Похоже, что избыток критицизма и энтузиастическое стремление выйти на некие небывалые прежде рубежи истинного миропонимания помешали Шперку заметить существенную вторичность своих идей, являющихся, на мой взгляд, продолжением и приложением философского и литературного органицизма.

В отличие от сугубо оригинального Ф.Э. Шперка, Ю.Н. Говоруха-Отрок в своих «Литературных заметках»⁵³⁶ о Страхове не скрывает своей идейной близости к славянофильским кругам и, между прочим, не маскирует прямых параллелей с недавно изданной статьей Шперка. Как и Шперк, он начинает со стихотворного эпиграфа и заканчивает статью рассуждением о трудности понимания страховских внешне простых и ясных текстов. При этом статья Говорухи окрашена глубоким личным чувством к только что скончавшемуся писателю-философу. Вспоминая слова из письма, в которых Страхов выражал признание и признательность за верное понимание своих писаний, Говоруха-Отрок ставит перед собой задачу написать очерк «кратко, ясно, точно», как любил писать и читать сам Страхов, постараться выполнить

⁵³² Как видно, здесь Шперк радикально противоречит Радловской оценке философии Страхова как пропедевтической (см. сноску выше).

⁵³³ Шперк Ф.Э. Н. Н. Страхов. Критический этюд. С. 127.

⁵³⁴ См.: Шперк Ф.Э. Как печально, что во мне так много ненависти... С. 272-285.

⁵³⁵ См.: Шперк Ф.Э. Как печально, что во мне так много ненависти... С. 80-101.

⁵³⁶ Постоянная рубрика Говорухи-Отрока в «Московских ведомостях», в которой он писал под псевдонимом «Ю. Николаев» и в которой была опубликована статья «Н. Н. Страхов».

завет учителя «выбрать как центральный пункт» правильный подход, наилучшую постановку вопроса⁵³⁷.

Определяя главную особенность творчества Страхова в области философии и литературной критики, Говоруха опирается на суждение рассматриваемого писателя о том, что они «находятся в тесной и органической связи. В истинной критике он совершенно основательно видел “некоторое философское рассуждение”, как однажды выразился он сам»⁵³⁸. Говоруха-Отрок обходится без аналогий и сравнений, сразу переходит к характеристике индивидуальности Н.Н. Страхова. Более того, Говорухе, очевидно, были хорошо известны возражения Страхова против зачисления его в определенную литературную «партию», он хорошо знал разнообразное по идейному содержанию творчество писателя и поэтому считал, что Страхова можно понимать только как индивидуальность. Для того чтобы выполнить «большой труд», самому определить симпатии и антипатии, понять мировоззрение писателя, нужно тщательно изучить его произведения, проникнуться его духом. Все эти трудности устраняет ярлык: раз писатель зачислен в определенную категорию, то все уже с ним ясно и не о чем много думать. К Н.Н. Страхову этот легкий прием применить почти невозможно: он не был ни консерватором, ни либералом, ни славянофилом, ни западником – в его статьях есть оттенки, отделяющие его ото всех этих мнений, и сам он никогда не причислял себя ни к одному из этих литературных течений⁵³⁹.

В статье Говорухи-Отрока, так же как и у Шперка, содержится немало формулировок, ставших «классикой» современного страховедения. К таким классическим афоризмам относится приводимое Говорухой определение, данное Страхову «одним высшим духовным лицом», назвавшим его

⁵³⁷ Говоруха-Отрок Ю.Н. (Ю. Николаев) Н. Н. Страхов // Московские ведомости. 1896. 1 февраля. № 32. С. 4

⁵³⁸ Там же.

⁵³⁹ См.: Там же.

«просвещеннейшим человеком в России»⁵⁴⁰. Говоруха это определение горячо поддерживает и истолковывает в конечном счете своеобразно: склоняясь своими симпатиями более всего к славянофильству, Страхов «подвергал своему *просвещенному* суду и славянофильство, точно так же как и западничество». Как истинно просвещенный человек, он был независимый литератор. Он признавал авторитетом только то, что выдерживало критику серьезной мысли, что и в свете *вечного* не только не теряло, но и выигрывало. «Свободу суждения, свободу критики он ценил выше всего, и этим ярко отличался от иных наших проповедников свободы...»⁵⁴¹. Страхов судил Запад и западные авторитеты, и наших, российских западников с точки зрения тех научных и философских вечных истин, которые были выработаны вековой культурой самого Запада, вековыми усилиями его гения. Все его три книги, названные «Борьба с Западом», посвящены именно такому суду»⁵⁴². Литературная критика Страхова тоже носит философский характер, поскольку все его, даже самые незначительные текущие статьи, содержат обнаружение самых общих, глубинных оснований рассматриваемого явления, критику его с позиций «вечных истин»⁵⁴³. Как видим, ключевым понятием при истолковании Говорухой-Отроком «просвещенности» Страхова является не «свет разума», а свет «вечных истин», лишь открытых разумом, который затем в своей свободе (индивидуалистически трактуемом «просвещении») впадает в заблуждение, теряет вечные истины и именно за это попадает под огонь страховской критики. Статья Говорухи помогает понять, почему оппоненты Страхова обвиняли его одновременно с разных сторон в «фальшивости» и «хитрости», в «скрытом западничестве» и в «реакционном мракобесии». Говоруха-Отрок в этом смысле стоял на конгениальных Страхову позициях в отношении «вечных истин», и потому

⁵⁴⁰ Там же.

⁵⁴¹ Там же.

⁵⁴² См.: Там же. С. 5.

⁵⁴³ Там же. С. 4.

Страхов, посылая Говорухе последний третий том «Борьбы с Западом», написал ему «Вы меня так хорошо знаете и понимаете, что сами увидите все, что я хотел бы вам сказать»⁵⁴⁴. «...*Вечность* он особенно любил, на ней фиксировал свой взгляд» – писал Розанов о Говорухе⁵⁴⁵. И он же писал о Страхове, что тот «стоял около “вечных истин”»⁵⁴⁶.

Своеобразный аспект выделяет Говоруха и во второй части статьи, посвященной научно-философским работам Страхова. Он считает важным обратить внимание на различие, часто ускользающее от внимания далекой от научного мира публики. Страхов, «глубоко уважая науку, очень скептически относился к ученым» как узким специалистам, очень невысоко ценил знания, взятые сами по себе, не просветленные глубокою мыслью, «проникновением таланта», не собранные воедино в строгом философском мировоззрении. В ученом, как и в литераторе, он прежде всего ценил талант, *дарование*. Будучи сам глубоким ученым, но стоя вне касты, он и здесь сохранял свободу своего взгляда, совершенную свободу от какого бы то ни было слепого преклонения перед какими бы то ни было авторитетами⁵⁴⁷. В своих книгах научных и философских Н.Н. Страхов «противопоставлял *голос науки* голосу ученого мира»⁵⁴⁸.

Наконец, Говоруха-Отрок пишет еще о литературном критике Страхове. Напоминая, что Страхов считал себя последователем Ап. Григорьева, Говоруха считает, что это «слишком скромно»: правильное сказать, что, разделяя взгляды Григорьева на задачи критики, он «развивал эти взгляды и прилагал их к делу чрезвычайно оригинально»⁵⁴⁹. Вспоминая заслуги Страхова в оценке и анализе творчества Толстого, Говоруха

⁵⁴⁴ Там же.

⁵⁴⁵ Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. С. 462.

⁵⁴⁶ Там же. С. XI.

⁵⁴⁷ См.: Говоруха-Отрок Ю.Н. (Ю. Николаев) Н. Н. Страхов. С. 5.

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Там же.

выражает оригинальное мнение, что работа «гораздо более значительная» – «Заметки о Пушкине»: «на мой взгляд, никогда еще до тех пор поэзия Пушкина, его личность и его трагическая судьба не были объяснены с такою глубиной и ясностью, как на этих немногих страницах»⁵⁵⁰. Малоизвестность этой книжки, как предполагает Говоруха-Отрок, происходит от того, что изложение Страхова, несмотря на свою простоту, ясность и точность, или даже именно вследствие этих своих качеств, представляется очень трудным для большинства читателей. Такие простые, ясные, точные тексты требуют для усвоения чрезвычайного напряжения мысли – тут каждое слово на месте, нет и тени фразеологии. Между тем читающее общество своим обыкновенным чтением приучено именно к неопределенности мысли и к неопределенности ее выражения. «Чтобы читать Страхова, надо совершенно отказаться от умственной лени»⁵⁵¹. Здесь, с одной стороны, – полное совпадение в суждении со Шперком – очевидно, мысль эта запомнилась Говорухе из статьи Шперка, и она вполне созвучна его собственному пониманию истоков «простоты» страховских текстов. Но есть и неожиданный новый поворот в этом «повторе»: примером трудной книги взят не философский и не научный труд, а «Заметки о Пушкине» – книга статей, которую академические литературоведы оценивали и оценивают до сих пор очень скромно, «по-радловски», как книгу для школьников, повторение Григорьева и Белинского. Пока остается не вполне ясным, почему Говоруха-Отрок, довольно решительно заявивший, что Достоевский в своей знаменитой «Пушкинской речи» 1880 г. «лишь повторил Григорьева и развил его мысли»⁵⁵², счел пушкинские заметки Страхова – важнейшими.

Н.Н. Страхов, автор, стремившийся и умевший писать прозрачно ясные тексты о самых сложных вопросах философии, науки и поэзии, неоднократно

⁵⁵⁰ Там же.

⁵⁵¹ Там же.

⁵⁵² Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. С. 205.

вызывал упреки в недосказанности, неясности его собственных философско-мировоззренческих оснований и принципов. Он многократно признавался, что чувствует и понимает себя сам как человек скептический, колеблющийся, сомневающийся⁵⁵³. Выступая в своих статьях, книгах и письмах с разумным убеждением читателя-собеседника в абсолютности «вечных истин», Страхов признавался, что не чувствует себя спокойно и твердо «верующим», т. е. вполне охваченным и проникнутым этими истинами⁵⁵⁴. При всей своей богатой, разносторонней натуре Страхов виделся разным «наблюдателям» в разном свете их собственных «очков»: никто не мог вполне причислить его к своему лагерю, удержать под своими «знаменами», но каждый при желании всегда находил у него подтверждения своим самым заветным идеям – так же как и оппонент находил свои опровержения. Страхов много спорил со своими современниками по актуальным проблемам развития науки, литературы, общественных идей и снискал у них репутацию писателя, у которого «все только тонкая и верная критика, да разные “уклонения”, “умалчивания”, “нерешительность” и “притворство”»⁵⁵⁵. Но так о нем судили люди, сформировавшиеся в бурные полемические 60-е годы, его боевитые и решительные сверстники-концептуалисты – И.С. Аксаков, А.М. Бутлеров, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Н.А. Некрасов, И.М. Сеченов, Л.Н. Толстой, Н.Г. Чернышевский и др. Когда же в большой разговор вступили «дети» страховского поколения – Вл.С. Соловьев, В.В. Розанов, Н.Я. Грот и пр., ровесники же стали один за другим стремительно уходить, Н.Н. Страхов оказался в конце своей жизни в ситуации «отцов», которых судят уже не только с точки зрения их правоты и убедительности, но и с точки зрения продуктивных предрассудков нового времени, новой «эпохи». Страхов откровенно был рад узнать, что он интересен молодым

⁵⁵³ См.: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 162, 168, 214, 289, 328 и др.; Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки. С. 994.

⁵⁵⁴ См.: Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. С. 473-478, 487-491

⁵⁵⁵ Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 343.

поколениям⁵⁵⁶, внимательно следил за новыми именами в литературе и радовался каждому новому таланту.

Среди этих молодых одаренных писателей, встретившихся Н.Н. Страхову в 90-е годы, на исходе его дней, выделяются особо Ю.Н. Говоруха-Отрок и Ф.Э. Шперк. Первый – из «сыновей», второй – уже из «внуков», они внезапно ушли из жизни сразу вслед за Страховым, и уже этим привлекают внимание исследователей страховского окружения. Можно обнаружить немало интересных проявлений «духа новых генераций»⁵⁵⁷, поколенческих черт различия в понимании личности и творчества философа, в которых проявляется постепенное увеличение дистанции, отдаление Страхова в историю, в прошлое, которое должно было еще через поколение увенчаться историческим «разбором» и оценкой его места и роли в русской философии, науке, литературе, – но в силу трагического поворота истории (предсказанного Страховым в его «Письмах о нигилизме») отложенного до нашего времени.

Размышление над первыми критическими очерками о Н.Н. Страхове наводит на оптимистический вывод-надежду на то, что и мы с нашей исторической дистанции можем не только лучше современников оценить его роль и место в русском интеллектуальном процессе, но и более частным образом оценить ранее не замеченные сюжеты и оттенки страховского философского творчества, его глубокой и привлекательной личности.

⁵⁵⁶ См., напр., сообщение Л.Н. Толстому в июне 1893 г. о «колонии славянофилов» – сообществе консервативно настроенных молодых литераторов: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С. 443–444.

⁵⁵⁷ Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 70.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый в диссертации анализ и историко-философская реконструкция основных герменевтических стратегий (принципов и типичных приемов) философской публицистики Н.Н. Стрхова в контексте русской философской мысли второй половины XIX столетия позволяет уточнить основные смысловые контуры русской философской публицистики, ее общий социально-скептический и критический строй. Россия, по замечанию Н.Н. Стрхова, принимала участие в европейской культуре XIX века преимущественно через литературу, которая долгое время была заменой и социальным наукам, и была массовой формой научно-гуманитарных практик. Философские теоретические программы, привходящие со стороны зарубежных исследователей и встречавшиеся с отечественными традициями философского мышления, давали себя знать прежде всего с некоторой публицистически-речевой, жанровой определенностью, герменевтически встречно. Соответственно, стратегии участия в философских публицистических практиках – удел большинства русских мыслителей XIX века – предполагали установку на личностно ответственное или, во всяком случае, отчетливо индивидуальное познавательное действие и конкретное аргументативное единство каждого возникавшего таким образом философского разговора. Типы аргументационной стратегии и общие черты герменевтико-эпистемологического стиля русской философской публицистики XIX в. в последние годы изучаются все подробнее в ретроспективном анализе полемического поведения русских ученых и писателей разных профессиональных и социально-политических ориентаций. Наибольшие достижения здесь ожидаются и уже наметились в философской герменевтике и в истории и методологии литературной критики.

Н.Н. Стрхов одним из первых русских мыслителей с публицистической конкретностью указал на границы эффективности теоретически отвлеченного мышления и конкретно-исторически описал опасности отвлеченного схематизма в познании мира как целого, уточнил

необходимость гуманитарной поликонцептуальности в онтологической перспективе «вечных истин». Самобытность мышления, изощренность аргументативных приемов, избегание шаблонов, простота и литературное изящество стиля, ирония и языковая игра, выступление «под маской» и строгое воздержание от высказывания недодуманной мысли – эти черты философской публицистики Н.Н. Страхова были ему сознательно дороги и являлись непривычными для современного ему массового читателя, склонного к следовать за идейно-типическими сюжетами или усматривать в истории философской мысли идеологическое противостояние, борьбу за или против объявленных *urbi et orbi* новых или возобновляемых идей.

Разрабатывая герменевтические стратегии философских исследований, Страхов способствовал формированию конкретно-теоретических идеалов и эпистемологически ответственной культуры русского философского мышления, исторически основательного и онтологически ответного, органического, избегающего крайностей догматизма и скептицизма, или абстрактно-теоретической самодостаточности. При этом, органическое историческое понимание, которое разрабатывалось Страховым в кругу своих ближайших собеседников, в «совместном мышлении» с А.А. Григорьевым, Л.Н. Толстым, Н.Я. Данилевским, И.С. Аксаковым и др., имела в своем основании непосредственное «историческое чувство» как некий первичный герменевтический акт, позволяющий с метафизической сдержанностью и последовательно рационально понять историю как жизненное целое в противоположность метатеоретическим, универсализирующим воззрениям на историю. В своем собственном историческом развитии философия Страхова была вполне в духе «долгого» XIX столетия энциклопедична и скептична, однако и вполне осмотрительна. В опыте страховского «всепонимающего» мышления дает себя знать как западная (прежде всего немецкая, кантовская) интеллектуальная традиция, так и русское научное и философское движение, с его всегда активными социально-жизненными приоритетами.

Герменевтический настрой, характеризующийся стилистическим единством содержательной ясности, метафизической осмотрительности и концептуального плюрализма, имеют историко-философские исследования Страхова. Большая их часть полемична. Одно из важнейших событий истории русской философской публицистики XIX в. – спор между Н.Н. Страховым и В.С. Соловьевым, возникший в связи с концепцией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Неидеологический со стороны Н.Н. Страхова, этот спор уникален своей смысловой, стилистически-познавательной асимметрией, радикальным расхождением в ценностно-эпистемологических предпосылках оппонентов. Важным для понимания герменевтических установок Н.Н. Страхова являются его работы по «роковому вопросу» о национально-культурной идентичности. В исследованиях, полемике и проясняющих разговорах с А.А. Григорьевым, Н.Я. Данилевским, Л.Н. Толстым и В.С. Соловьевым Страхов находил возможным полагать, что поиск решения этого вопроса должен вестись в социально-исторической практике, в конкретно-смысловой реальности (органическом полноте) жизненных поступков.

Вполне последовательными были отношения Н.Н. Страхова с немногочисленными преемниками (учениками); эти отношения основались на взаимности познавательного интереса, принципах и практиках философского мышления, которое стремится к уточнению и соблюдению меры своей свободы и ответственности, – в том числе были обусловлены поколенческой дистанцией, с которой его преемники усматривали возможность продуктивного применения герменевтических стратегий философского творчества своего учителя. Сохранилось немало интересных проявлений «духа новых генераций», в которых дает себя знать смысловое остранение страховского философского наследия; через поколение, у тех, кто стал бы учениками учеников Страхова, это первичное остранение должно было преобразоваться в исторический разбор и оценку его места и значения в русской философии, науке, литературе XIX столетия. В силу трагического

поворота истории (предсказанного и самим Страховым в его «Письмах о нигилизме») это преобразование оказалось отложенным до нашего времени и относится, надо полагать, к числу наиболее актуальных перспектив в исследовании истории философской публицистики в России, насущных, впрочем, для понимания исторического потенциала и современных познавательных возможностей всей русской философской герменевтики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 320 с.
2. Аверинцев С.С. Риторика как подход к обобщению действительности // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 158–190.
3. Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов М.: Изд-во МГУ, 1992. 195 с.
4. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 503 с.
5. Ажимов Ф.Е. Герменевтика как метафизика социально-гуманитарного знания // Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод. Коллективная монография / под общ. ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 188-200.
6. И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка / Сост. М.И. Щербакова. Группа славянских исследований при Оттавском университете и ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Оттава, 2007. 192 с.
7. Антонов Е.А. Антропоцентрическая философия Н.Н. Страбова как мыслителя переходной эпохи. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 165 с.
8. Антонова Г.Н. Социально-политический роман в критике Н. Страхова: «Отцы и дети», «Что делать?», «Кто виноват?» // Антонова Г.Н. Герцен и русская критика 50-60-х годов XIX века : пробл. худож.-филос. прозы / под ред. Е.Г. Бушканца. Саратов, 1989. С. 137–169.
9. Апель К.-О. Трансформация философии / Пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 344 с.
10. Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. Влад. Княжнина. Изд. Пушкинского Дома при АН. Пг., 1917.

11. Артемьева Т.В., Микешин М.И. Архетипы российского исторического сознания // Человек. 1999. Вып.1. С. 185–187.
12. Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / Пер. с нем. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 511 с.
13. Бабаев Э.Г. Критическая поэма // Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 88–97.
14. Бажанов В.А., Баранец Н.Г. Полемика о способах аргументации и философском доказательстве на рубеже XIX–XX вв. // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 18. СПб., 2007. С. 230–241.
15. Балуев Б.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М.: Булат, 2001. 416 с.
16. Барт Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
17. Баткин Л.М. Пристрастия: Избранные эссе и статьи о культуре. М.: ТОО «Курсив-А», 1994. 288 с.
18. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
19. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
20. Бахтин Н.М. Философия как живой опыт. Избранные статьи. Составл., послесл., комментарии С. Федякина. М.: Лабиринт, 2008. 240 с.
21. Белов А.В. Органицистская концепция культуры в философии русского консерватизма: Дис. ... доктора философских наук : 24.00.01 – Теория и история культуры. Ростов-на-Дону, 2004. 326 с.
22. Белов А.В. Спор Вл. Соловьева и Н.Н. Стрхова о теории культурно-исторических типов // Очистительный гений славянства: [сб. ст. к 180-летию со дня рожд. Н.Я. Данилевского] / отв. ред. А.В. Белов. Ростов н/Д., 2002. С. 28–44

23. Бердяев Н.А. Духи русской революции. [Электронный ресурс]
Электронная библиотека Грамотей: URL:
<http://www.gramotey.com/books/371140173942.htm>
24. Берков П.Н. Об авторском понимании идеи художественного произведения и степени его обязательности для литературоведения // Историко-филологические исследования. К 75-летию акад. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1967. С. 230–236.
25. Бессчетнова Е.В. Диалог Вл.С. Соловьева и К.Н. Леонтьева : проблема бытия России : автореферат дис. ... канд. филос. наук 09.00.03. Москва, 2015. 25 с.
26. Бестужев-Рюмин К. Н. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Сочинение профессора С.-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича. С.-Петербург. 1884. // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. № 1. С. 95–140.
27. Бестужев-Рюмин К.Н. Н.Н. Страхов. (Некролог) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1896. № 2. С. 114–117.
28. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2001. 144 с.
29. Биbihин В.В. Внутренняя форма слова. М.: Наука, 2008. 432 с.
30. Биbihин В.В. Дневники Льва Толстого. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. 480 с.
31. Битюгова И.А. Голохвастов Павел Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 618.
32. Битюгова И.А. Голохвастова Ольга Андреевна // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 618-619.
33. Богданов А.В. Почвенничество: между славянофильством и западничеством // Schola-2001 / под ред. Д.В. Ермашова,

- Е.Н. Мошелкова / сост. А.В. Воробьев и др. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. С. 129–137.
34. Бонецкая Н.К. Д.С. Мережковский: герменевтика и экзегетика // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 97–113.
35. Бонецкая Н.К. Предтечи русской герменевтики // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 90–98.
36. Бонецкая Н.К. У истоков русской герменевтики // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 83–91.
37. Бочаров С.Г. Книга о Достоевском на пути Бахтина // Бахтинский сборник. Вып. 5 / Ответ. ред. и сост. В.Л. Махлин. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 281–314.
38. Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М.: «Языки русской культуры», 2007. 654 с.
39. Бросова Н.З. Н.Н. Страхов как историк философии // Credo. Оренбург, 2000. № 1. С. 23–32.
40. Бутина Е.А. Рецепция идей Э. фон Гартмана в русской философской мысли конца XIX - начала XX веков : дис. ... кандидата философских наук : 09.00.03 Москва, 2013. 259 с.
41. Бюффон Жан-Луи Леклерк де. Речь при вступлении во Французскую Академию [Discours sur le style] // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. То же: [Электронный ресурс] URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/BUFFON.HTM>
42. Вайман С. «К сердцу сердцем...» (Об «органической критике» Аполлона Григорьева) // Вопросы литературы. 1988. № 2. С. 150–181.
43. Васильев А.А. Мировоззрение почвенников (Ф.М. и М.М. Достоевских, А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова): забытые страницы русской консервативной мысли / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2010. 243 с.
44. Васильева Т.В. "Стихослагающая" герменевтика М. Хайдеггера как метод историко-философского исследования // Проблемы марксистско-

- ленинской методологии истории философии. М.: Наука, 1987. С. 198–208.
45. Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 480 с.
46. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. Перевод М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Изд-во Гнозис, 1994. XXI, 612 с.
47. Введенский А.И. Значение философской деятельности Н.Н. Страхова // Образование. 1896. № 3, отд. II. С. 1–8.
48. Введенский А. Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом // Мысль. 1922. № 2. С. 3–20.
49. Введенский А.И. Общий смысл философии Н.Н. Страхова. М.: Унив. тип., 1897. 25 с.
50. Ведерникова Т.В. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов в их переписке: к вопросу о творческих взаимосвязях // Л.Н. Толстой – писатель, мыслитель, философ (к 180-летию со дня рождения): материалы Международной научно-практической конференции / И.И. Кулакова, В.В. Кичигина. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. С. 52–57.
51. Виликотская Л.А. Н.Н. Страхов и П.Е. Астафьев: проблема человека // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов н/Д. 2006. № 1. С. 28–32.
52. Владиславлев Михаил Иванович // «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества», 2012–2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.fedordostoevsky.ru/around/Vladislavlev_M_I/
53. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науках о языке. Л.: Прибой, 1929. 188 с.
54. Волынский А.Л. Русские критики: литературные очерки. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1896. IV, IV, 827 с.
55. Волынский А.Л. Христианство и буддизм // Волынский А.Л. Борьба за идеализм: крит. ст. СПб., 1900. С. 73–94.

56. Гаврюшин Н.К. За кулисами философской драмы: метафизика и историософия Н.Н. Страхова. 23 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]
URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3693498.html>
57. Гаврюшин Н.К. Христианство и экология // Вопросы философии. 1995. №3. С. 53–59.
58. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. М.: Искусство, 1991. 367 с.
59. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Пер. с нем. /Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
60. Гачева А.Г. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров. Духовно-творческий диалог. Дисс. ... канд. филологических наук. М., 2006. 450 с.
61. Гинзбург В. Вера в Бога несовместима с научным мышлением [Электронный ресурс] URL:
http://www.atheism.ru/library/Ginzburg_2.phtml
62. Ю.Н. Говоруха-Отрок в нескольких письмах // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. С. 437–454.
63. Говоруха-Отрок Ю.Н. Любовь и страх. (По поводу статьи Н.Н. Страхова «Справедливость, милосердие и святость») // Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. С. 289–298.
64. Говоруха-Отрок Ю.Н. Мнение светского писателя о монашестве. (Н. Страхов. Воспоминания и отрывки) // Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. С. 299–311.
65. Говоруха-Отрок Ю.Н. Н.Н. Страхов // Московские ведомости. 1896, №№ 27, 32, 167.
66. Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея / сост. А.Д. Каплина, предисл., примеч. А.Д. Каплина и О.А. Гончаровой /отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 768 с.

67. Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянской культуры. 2006. 720 с.
68. Гольцев В.А. Н.Н. Страхов как художественный критик // Вопросы философии и психологии. 1896. кн. 3. С. 431–440.
69. Горбанев Н.А. Аполлон Григорьев и Н.Н. Страхов // Филологические науки. 1988. № 1. С. 19–25.
70. Градовский А. По поводу одного предисловия // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 271–288.
71. Гранин Ю.Д. «Нация» и «этнос»: эволюция подходов и интерпретаций в философии и науке XVIII–XX столетий // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 5–16.
72. Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Статьи. Письма. / Сост. с науч. подгот. текста и коммент. Б. Егорова. М.: Художественная литература, 1990. С. 48–124.
73. Григорьев А.А. Воспоминания. М.-Л.: Academia, 1930. VIII, 699 с.
74. Григорьев А.А. Искусство и нравственность. Новые Grübeleinen по поводу старого вопроса (Н.Н. Страхову) // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Статьи. Письма. / Сост. с науч. подгот. текста и коммент. Б. Егорова. М.: Художественная литература, 1990. С. 246–260.
75. Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Статьи. Письма. / Сост. с науч. подгот. текста и коммент. Б. Егорова. М.: Художественная литература, 1990. С. 7–47.
76. Григорьев А.А. Парадоксы органической критики (Письма к Ф.М. Достоевскому) // Григорьев А.А. Эстетика и критика / Вступ. статья, сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 134–168.
77. Григорьев А.А. Полное собрание сочинений и писем Аполлона Григорьева. В 12-ти томах под ред., с биограф. очерком и примеч. Василия

- Спиридонова, со статьями проф. С.А. Венгерова и приват-доцента В.А. Григорьева. Пг., П.П. Иванов, 1918.
78. Григорьев А.А. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Статьи. Письма / Сост. с науч. подгот. текста и коммент. Б. Егорова. М.: Художественная литература, 1990. С. 212–245.
79. Григорьев А.А. Реализм и идеализм в нашей литературе (По поводу нового издания сочинений Писемского и Тургенева) // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Статьи. Письма / Сост. с науч. подгот. текста и коммент. Б. Егорова. М.: Художественная литература, 1990. С. 261–279.
80. Гринева С.П. Страхов – литературный критик и публицист // Литературная Белгородчина в контексте истории русской литературы: учеб. пособие. 2-е изд. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. С. 83–126.
81. Грифцова И.Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 152 с.
82. Громов М.Н. Судьба философии в России: типологический анализ // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом: Сб. науч. статей, посвященных 70-летию кафедры истории русской философии / Под общ. ред. В.А. Кувакина и М.А. Маслина; сост. М.А. Маслин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013.
83. Гроссман Л. Аполлон Григорьев. Основатель новой критики // Русская мысль. 1914. XI. № 2. То же: [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/g/grossman_1_p/text_1914_osnovatel_novoy_kritiki.shtml
84. Грот Н.Я. Памяти Н.Н. Страхова: к характеристике его философского мировоззрения. Оттиск из № 32 «Вопросов философии и психологии». М., 1896. 40 с.
85. Гуральник У.А. Ап. Григорьев и Н.Н. Страхов // Академические школы в русском литературоведении / АН СССР, Ин-т мировой лит. М.: Наука, 1975. С. 456-477.

- 86.Гуральник У.А. Н.Н. Страхов – литературный критик // Вопросы литературы. 1972. № 7. С. 137–164.
- 87.Гуральник У.А. «Современник» в борьбе с журналами Достоевского: идейно-политическое содержание полемики // Известия АН СССР. 1950. Т. IX. Вып. 4. С. 265–285.
- 88.Гуторов В.А. Социально-политическая теория А.Д. Градовского // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 18. СПб., 2007. С. 169–214.
- 89.Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 4. СПб.: ООО «Диамант», 2002.
- 90.Данилевский Н.Я. Владимир Соловьев о православии и католицизме // Известия Славянского Общества. 1885. Март. То же: [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/d/danilewskij_n_j/text_1885_vladimir_soloviev_o_pravoslavii.shtml
- 91.Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование. М.: Изд-во «ФИВ», 2015. 976 с.
- 92.Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Тип. Бр. Пантелеевых, 1895. 667 с.
- 93.Дмитриева Н. «Летучий голландец» российской интеллигенции (очерки истории «Философского парохода») // Скепсис. 2005. № 3-4. С. 79–102. [Электронный ресурс] URL: http://scepsis.ru/library/id_2593.html
- 94.Дмитриева Н.А. Русское неокантианство : «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: РОССПЭН, 2007. 512 с.
- 95.Достоевская А.Г. Мой муж – Федор Достоевский. М.: АСТ, 2014. 416 с.
- 96.Евгеньев-Максимов В.Е. Н.А. Некрасов и люди 40-х годов // Голос минувшего. 1916. № 10. С. 92-93.
- 97.Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX веках: русская философия в поисках Абсолюта. В 2-х тт. СПб.: Алетейя. 2014, 416 с.

98. Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев. М.: Мол. гвардия, 2000. 216 с.
99. Едошина И.А. Страхов и Розанов // Энтелехия. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. № 21. С. 83–86.
100. Ермичев А.А. Имена и сюжеты русской философии. СПб.: Наука, 2014. 710 с.
101. Ермичев А.А. О философии в России: Исследования, полемика, заметки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 117 с.
102. Ермичев А.А. Философские журналы в России в конце XIX начале XX века [Электронный ресурс] URL: http://journals.rhga.ru/articles/index.php?ELEMENT_ID=42165
103. Жукова Н.А. Полемика Н.Н. Страхова с В.С. Соловьевым // Schola-2001 / под ред. Д.В. Ермашова, Е.Н. Мощелкова / сост. А.В. Воробьев и др. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. С. 162–167.
104. Журавлева А.И. Аполлон Григорьев // Русская драма и литературный процесс: к 75-летию А.И. Журавлевой. М.: Совпадение, 2013. С. 42–60.
105. Журавлева А.И. «Органическая критика» Аполлона Григорьева // Григорьев А.А. Эстетика и критика / Вступ. статья, сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 7–47.
106. Жучков В.А. Комментарий к работе Н.Н. Страхова «Главная черта мышления» // Кант: pro et contra / Сост. А.И. Абрамов, В.А. Жучков, предисл. и коммент. СПб.: РХГИ, 2005. С. 847–878.
107. Загадка человеческого понимания. М.: Политиздат, 1991. 352 с.
108. Забелин И.Е. Минин и Пожарский: Прямые и кривые в Смутное время. М.: К.Т. Солдатенков, 1883. 336 с.
109. Замалеев А.Ф. Философия и русская журналистика // Вече. Журнал русской философии и культуры. Вып. 20. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 5–9.
110. Захаров В.Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX

- веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 7. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 14–24.
111. Зельдович М.Г. О теории истории критики, историзме и системном подходе // Зельдович М.Г. «Творческое поведение». О феномене литературной критики, логике ее развития в русской культуре середины 19 века и общих принципах подобных штудий. Проблемно-систематизированные фрагменты избранных работ автора. Часть 1. Харьков: Права людини, 2010. С. 13–60.
112. Зельдович М.Г. Поэтика годовых обзоров Аполлона Григорьева (1991) // Зельдович М.Г. «Творческое поведение». О феномене литературной критики, логике ее развития в русской культуре середины 19 века и общих принципах подобных штудий. Проблемно-систематизированные фрагменты избранных работ автора. Часть 2. Харьков: Права людини, 2010. С. 546–556.
113. Зельдович М.Г. Творческая парадоксальность литературной критики. Осмысление проблемы Ап. Григорьевым // Зельдович М.Г. «Творческое поведение». О феномене литературной критики, логике ее развития в русской культуре середины 19 века и общих принципах подобных штудий. Проблемно-систематизированные фрагменты избранных работ автора. Часть 1. Харьков: Права людини, 2010. С. 96–109.
114. Зельдович М.Г. Творческое самоопределение критика в контексте современных литературно-критических течений (К интерпретации статьи Ап. Григорьева «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства») // Зельдович М.Г. «Творческое поведение». О феномене литературной критики, логике ее развития в русской культуре середины 19 века и общих принципах подобных штудий. Проблемно-систематизированные фрагменты избранных работ автора. Часть 2. Харьков: Права людини, 2010. С. 496–518.

115. Зеньковский В.В. История русской философии в 4 кн. Л.: «ЭГО», 1991.
116. Зеньковский В.В. «Почвенники». Аполлон Григорьев. Н.Н. Страхов. Ф.М. Достоевский // Зеньковский В.В. История русской философии в 2 т., 4 кн. Т. I. Ч. 2. Л.: "ЭГО". С. 386–416.
117. Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с.
118. Иванов И.И. История русской критики: ч. 1-4. Ч. 3, 4. / Издание журн. «Мир божий», СПб., 1900. 716 с.
119. Ильин (Мальчевский) Н.П. Заклинатель стихий. Аполлон Григорьев и философия творческой личности. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hrono.ru/proekty/metafizik/fk26gri.php>
120. Ильин Н.П. Последняя тайна природы. О книге «Мир как целое» и ее авторе // Страхов Н.Н. Мир как целое. М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007. С. 5–62.
121. Ильин Н.П. Трагедия русской философии. М.: Айрис-пресс, 2008. 608 с.
122. Исупов К.Г. Русская философская культура. СПб.: Университетская книга, 2010. 592 с.
123. Казакова О.А. Стилевой подход как выражение личностно-ориентированной эпистемологии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций. 2009. № 9. С. 126–131.
124. Казакова О.А. Единство научного метода и стиля деятельности ученого. Автореферат дисс. ... канд. филос. наук 09.00.01 –онтология и теория познания. Киров, 2010. 181 с.
125. Калягин Н.И. Последний романтик (к 175-летию Аполлона Григорьева). [Электронный ресурс] URL: <http://glfr.ru/biblioteka/nikolaj-kaljagin/poslednij-romantik.html>

126. Камынин И.А. Розанов и его учитель // Schola-2001 / под ред. Д.В. Ермашова, Е.Н. Моцелкова / сост. А.В. Воробьев и др. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. С. 145–150.
127. Кантор В.К. Густав Шпет как историк русской философии // Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. I. М.: РОССПЭН, 2008. С. 5–34.
128. Кантор В.К. Русский философ в эпоху безумия Разума // Октябрь. 2001. № 6. То же: [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/october/2001/6/rfyn.html>
129. Каплин А.Д., Гончарова О.А. Предисловие // Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. М., 2015. С. 5–26.
130. Карнап Р., Ганс Г., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок // Логос. 2005. № 2. С. 13–26.
131. Карпов Г.Ф. Г. Костомаров как историк Малороссии. М., 1871. 35 с.
132. Кирпотин В.Я. Достоевский в шестидесятые годы // Кирпотин В.Я. Мир Достоевского: Этюды и исследования. М.: Советский писатель, 1980. С. 119–167.
133. Климова С.М. На пороге диалогии культуры (на примере философских исканий Н.Н. Страхова) // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 115–125.
134. Козырев А.П. Соловьёв и гностики. М.: Савин С. А., 2007. 543 с.
135. Кокшенева К.А. О русском типе критики. [Электронный ресурс] URL: <http://moloko.ruspole.info/node/850>
136. Кокшенева К.А. Русская критика. М.: ПоРог, 2007. 489 с.
137. Колубовский Я.Н. Н.Н. Страхов : материалы для истории философии в России. 1855-1888 // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 4. С. 1–32; 1891. Кн. 5. С. 33–44; кн. 6. С. 45–96 ; кн. 7. С. 89–121.

138. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829-1897)
[Электронный ресурс] URL: <http://spbu.ru/about/arc/chronicle/156.../421-b-estuzv-riumin>
139. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829-1897) // Биографика СПбГУ [Электронный ресурс] URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/20.html>
140. Коптелова Н.Г. Биография Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в интерпретации Д.С. Мережковского // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15. Вып. 3. С. 104–108.
141. Коптелова Н.Г. Специфика рецепции русской литературы XIX века в критике Д. С. Мережковского (1880–1917 гг.). Автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01. Кострома, 2001. 46 с.
142. Костомаров Н.И. Ответ Г. Карпову // Беседа. 1871. № 1. С. 1–9.
143. Кривушина В.Ф. К проблеме межкультурного общения в искусстве. Аполлон Григорьев и Ганс Георг Гадамер // Credo New. 2002. № 3 [Электронный журнал] URL: <http://credonew.ru/content/view/286/27/>
144. Кривушина В.Ф. О генезисе понятия «тип» в «органической критике» Аполлона Григорьева: Григорьев и И.В. Гёте // Credo New: электронный журнал. 2006. № 2. [Электронный журнал] URL: <http://credonew.ru/content/view/544/31/>
145. Круглов А.Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 480 с.
146. Круглов А.Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 568 с.
147. Круковский А.В. Забытые критики (К 50-летию смерти А.В. Дружинина и Ап. Григорьева). Из «Русского Филологического Вестника» 1916 г. №№ 1 и 2. М.: Синодальная Типография, 1916. 34 с.
148. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во МГУ, 1991. 192 с.

149. Кузнецова Н.И. Наука в средоточии европейских ценностей: ретроспективная панорама // История науки в философском контексте (памяти В. И. Кузнецова) / Отв. Ред. А. А. Печенкин. СПб., 2007. С. 155–196.
150. Кузнецова Н.И. Философия науки и история науки: эволюция взаимоотношений на фоне XX столетия // Философия науки. 1998. Вып. 4. С. 61–72.
151. Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина / Отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Т.Г. Щедрина; науч. ред. Т.Г. Щедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 599 с.
152. Лабанов С. Философ-почвенник: к 175-летию со дня рождения Н.Н. Стрхова // Интернет-журнал Сретенского монастыря / Православие.ru; гл. ред. архимандрит Тихон (Шевкунов). М., 1999–2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/70.htm>
153. Лавров П.Л. Ответ г. Стрхову. 1860. // Лавров П.Л. Философия и социология : избр. произведения : в 2-х т. М.: Мысль, 1965. Т. 1. С. 493–507.
154. Лазари А. де. В кругу Федора Достоевского : почвенничество. М.: Наука, 2004. 207 с.
155. Левицкий С.А. Н.Н. Стрхов (Очерк его философского пути) // Новый журнал. 1958. № 54. С. 164–185.
156. Легошина Л.Л. Философско-этический смысл русской ментальности в романах А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и Л.Н. Толстого «Война и мир» в интерпретации Н. Стрхова // Этнонациональная ментальность в художественной литературе: материалы всерос. науч. конф., Ставрополь, 22–24 сент. 1999 г. / Ставроп. гос. ун-т ; отв. ред. Л.П. Егорова. Ставрополь, 1999. С. 82–87.

157. Леонтьев К.Н. Несколько воспоминаний о покойном Ап. Григорьеве (письмо к Ник. Ник. Страхову) // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. Т. 6. Ч. 1. СПб., 2003. С. 7–26.
158. Липич В.В. А.С. Пушкин-романтик и проблема формирования национального самосознания // Научный результат. Серия Социальные и гуманитарные исследования. 2014. № 1. С. 46–53.
159. Литвак Б.Г. Николай Иванович Костомаров. Очерк жизни и творчества // Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М.: Республика, 1992. С. 6–106.
160. Лобов Л.П. Памяти Аполлона Григорьева. [Оттиск из «Славянских Известий»] СПб., 2 марта 1905. 15 с.
161. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
162. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его ближайшее литературное окружение // Литературная учеба. 1987. № 4. С. 159–168.
163. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
164. Лосский Н.О. Вырождение славянофильства // Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высш. шк., 1991. С. 97–100.
165. Лыкова В.С. Философия Н.Н. Стрхова (1828-1896) как теоретико-методологическая основа обновленного миропонимания современного педагога // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров: межвуз. сб. науч. тр. Челябинск, 2003. Вып. 3. С. 35–46.
166. Малецкая Ж.В. Н.Н. Стрхов – критик И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого: дисс. ... кандидата филологических наук. 10.01.01. Махачкала, 2007. 181 с.

167. Малинов А.В. К. Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов (К 175-летию со дня рождения) // Вече. 2004. № 16. С. 113–170.
168. Марченко О.В. Сократическая тема у Достоевского // Историко-философский ежегодник'2001 / Институт философии. – М.: Наука, 2003. – С.144–155.
169. Маслин М.А., Алексеев В.А. «Русская социальная философия конца XIX – начала XX века: психологическая школа». М., 1992. 194 с.
170. Маслобоева О.Д. Н.Н. Страхов и отечественная философия науки // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 106–115.
171. Махлин В.Л. Второе сознание: Подступы к гуманитарной эпистемологии. М.: Знак, 2009. 632 с.
172. Махлин В.Л. М.М. Бахтин и гуманитарная эпистемология (постановка проблемы) // Филологические исследования. 2007. № 9. С. 71–126.
173. Махлин В.Л. Я и Другой (истоки философии «диалога» XX века). СПб.: РХГИ, 1995. 148 с.
174. Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л.: Прибой, 1928. 232 с.
175. Мельгунов С.П. Ап. Григорьев и «Современник». (Материалы для истории журналистики) // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1922. № 1. С. 129–137.
176. Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. Изд. 2-е, дополн. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 560 с.
177. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007. 439 с.

178. Микитюк Ю.М. Категории органической теории в идеологии почвенничества // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Том 12. № 1. С. 208–216.
179. Минералов Ю. Концепция литературоведческого синтеза // Сайт поэта Юрия Минералова [Электронный ресурс] URL: <http://mineralov.narod.ru/sakul.htm>
180. Михайлов А.В. Избранное. Завершение риторической эпохи. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2007. 480 с.
181. Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2006. 560 с.
182. Михайлов Д.Н. Аполлон Григорьев: жизнь в связи с характером литературной деятельности. СПб., 1900.
183. Михайловский Н.К. Литературная критика : статьи о русской литературе XIX – нач. XX в. / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Аверина. Л.: Худож. лит., Ленингр. отд-ние, 1989. 605 с.
184. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. М., 1994.
185. Мотовникова Е.Н. «Под знаменем марксизма» – «Мысль»: герменевтическая коллизия 1922 года // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 123–136.
186. Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vehi.net/mochulsky/soloviev/09.html>
187. Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / С.М. Климова, Е.А. Антонов, Н.П. Ильин и др. СПб.: Алетейя, 2010. 208 с.
188. Невский В. Нострадамусы XX-го века» // Под знаменем марксизма. 1922. № 4. С. 95–100.

189. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861-1863 / АН СССР. Ин-т мировой лит. М.: Наука, 1972. 317 с.
190. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864-1865 / АН СССР, Ин-т мировой лит. М.: Наука, 1975. 303 с.
191. Николаев Н. И. Л. В. Пумпянский о стиле Н. М. Карамзина // LITTERARUM FRUCTUS: Сборник статей к 60-летию С.И. Николаева. Под ред. Н.Ю. Алексеевой и Н.Д. Кочетковой. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: «Альянс-Архео», 2012. С. 289–295.
192. Никольский Б.В. Николай Николаевич Страхов : критико-биографический очерк. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1896. 56 с.
193. Николукин А.Н. Феномен Мережковского // Д. С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: Антология / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. А.Н. Николукина. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 1–22.
194. Носов С.Н. Аполлон Григорьев. Судьба и творчество. М.: Советский писатель, 1990. 192 с.
195. Носова Т.В. Проблема метода в философии Н.Н. Стрхова // Credo. Оренбург, 1999. № 4. С. 58–64. [Электронный журнал] URL: <http://credonew.ru/content/view/143/24/>
196. Ольхов П.А. Здравый смысл и история : Заметки к полемической эпитафии Н.Н. Стрхова "Вздых на гробе Карамзина" // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125–132.
197. Ольхов П.А. Историзм Льва Толстого в интерпретации Аполлона Григорьева и Николая Стрхова // Культурология. 2011. № 1. С. 218–233.
198. Ольхов П.А. История как искусство: «Война и мир» Л.Н. Толстого в истолковании Н.Н. Стрхова // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2010. № 4. С. 181–192.

199. Ольхов П.А. Свободный консерватор: на подступах к философии истории Н.Н. Страхова // Философия и культура. 2010. № 8. С. 103–109.
200. Ольхов П.А. Эпистемология исторического знания: историко-философский анализ. Дисс. ... доктора философских наук. 09.00.03 – история философии. М., 2012. 259 с.
201. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений [Электронный ресурс] URL: http://krotov.info/lib_sec/15_o/rl/ov3.htm
202. Первушин Н.В. Н.Н. Страхов – жертва «достоевщины» // Новый журнал. 1970. Кн. 99. С. 125–138.
203. Переписка Ап. Григорьева с Н.Н. Страховым (1860-1864 гг.) / вступ. ст., публ. и примеч. Б.Ф. Егорова // Труды по русской и славянской филологии. Сер. 8. Литературоведение. Тарту, 1965. С. 163–173.
204. Переписка В.В. Розанова и П.А. Флоренского // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Кн. 2: П.А. Флоренский, С.А. Рачинский, Ю.Н. Говоруха-Отрок, В.А. Мордвинова. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 9–412.
205. Переписка К.Р. с Н.Н. Страховым // Русская литература. 1993. № 2. С. 148–187.
206. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894 / Толстовский музей. Том II. С предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб.: Изд. Об-ва Толст. Музея, 1914. 478 с.
207. Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым // Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 13. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Изд-во «Республика», 2001. С. 5–315.
208. Переписка с Н.Н. Страховым. 1877–1892 / Вступ. ст., публикация и комм. Н.П. Генераловой // А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. Литературное наследство. Т. 103. В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 233–550.

209. Першкина А.Н. Журнал братьев Достоевских «Время»: история, поэтика, проблемы атрибуции. Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. 10.01.01. М., 2013. 22 с.
210. Першкина А.Н. Н. Косица как полемическая литературная маска Н. Н. Страхова // Памяти Анны Ивановны Журавлевой: сборник статей / сост.: Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская. Москва : Три квадрата, 2012. С. 397-418.
211. Письма Н.Н. Страхова к Н.Я Данилевскому // Русский Вестник. 1901. Т. 271. № 1. С. 127–142; № 2. С. 453–469; Т. 272. № 3. С. 125–141.
212. Письма Н.Н. Страхова Ф.М. Достоевскому // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению / Под ред. Н.К. Пиксанова и О.В. Цехновицера. М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 255–280.
213. Письма Ф. Э. Шперка к В. В. Розанову // Шперк Ф.Э. Как печально, что во мне так много ненависти... Статьи, очерки, письма / науч. ред. А.Н. Николукин; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Т.В. Савиной. СПб.: Алетейя, 2010. С. 39–74.
214. Повилайтис В.И. О проблеме свободы в философии всеединства // Проблемы русской философии и культуры: сборник научных трудов. Вып. 4. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. С. 35–45.
215. Померанц Г.С. Догматы полемики и этнический мир // Звезда. 2003. № 6. С. 171–178.
216. Порус В.Н. Перекрестки методов. Опыты междисциплинарности в философии культуры. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 384 с.
217. Порус В.Н. У края культуры: (Философские очерки). М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2008. 464 с.
218. Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. То же: [Электронный ресурс] URL:<http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/>

219. Поселягин Н. Re // Новое литературное обозрение. 2012. № 113.
То же: [Электронный ресурс] URL:
<http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/po19.html>
220. Протопопов М.А. Кладбищенская философия (Н. Страхов. Борьба с западом в нашей литературе. Исторический и критический очерки. СПб. 1882) // Дело. 1882. № 6, о. II. С. 1–20.
221. Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009. 423 с.
222. Пружинин Б.И. Специфика культурно-исторической эпистемологии // Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина / Отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Т.Г. Щедрина; науч. ред. Т.Г. Щедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 7–42.
223. Публицистика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. [Электронный ресурс] URL:
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/brok/120.php
224. Пумпянский Л.В. Заметка о Вл. Соловьеве // Бахтинский сборник. Вып. IV / Под ред. В.Л. Махлина. Саранск, 2000. С. 56–57.
225. Пумпянский Л.В. Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 847 с.
226. Пушкирев А.П. Н.Н. Страхов и журнал «Вопросы философии и психологии» // Schola-2001: сб. ст. М., 2001. С. 151–161.
227. Пятигорский А. Философия или литературная критика / пер. с англ. И. Пильщикова // Пятигорский А. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 256–263.
228. Радлов Э.Л. Несколько замечаний о философии Н.Н. Страхова // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CCCV. 1896. № 6. С. 339–361. То же: СПб.: Тип. "В.С. Балашевъ и К°", 1900. 23 с.
229. Разеев Д.Н. О журнале [Электронный ресурс] URL:
<http://www.spho.ru/mysl/>

230. Раков В.П. Аполлон Григорьев – литературный критик : Текст лекции. Иваново: Изд-во Ив. гос. ун-та, 1980. 54 с.
231. Раков В.П. Новая «Органическая» поэтика (Литературные теории В.Ф. Переверзева, В.М. Фриче и П.Н. Сакулина). Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2002. 350 с.
232. Резниченко А.И. Генезис и артикуляционные формы языка русской философии (С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, А.С. Глинка-Волжский, П.П. Перцов, С.Н. Дурылин) : историко-философский анализ: дис. ... доктора философских наук : 09.00.03 М., 2013. 357 с.
233. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. 695 с.
234. Робертс М. Поэтика, герменевтика, диалогика: Бахтин и Поль де Манн // Бахтинский сборник. Вып. 5. / Ответ. ред. и сост. В.Л. Махлин. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 119–137.
235. Розанов В.В. Вечная память. 24 января – 27 июля 1896 г. // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. С. 455–531.
236. Розанов В.В. Идеиные споры Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова // Новое время. 1913. 24, 25 ноября, 4 декабря.
237. Розанов В.В. Идея рационального естествознания (Рецензия на книгу Н. Страхова «Мир как целое. Черты из науки о природе») // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том 1. СПб., 1913. С. 65–106. То же // Страхов Н.Н. Мир как целое / предисловие, комментарий Н.П. Ильина (Мальчевского). М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007. С. 522–548.
238. Розанов В.В. К литературной деятельности Страхова. Н.Н. Страхов. Критические статьи (1861–1894). Том второй. Издание И.П. Матченко. Киев. 1902. // Новое время. 1902 г. 22 августа. № 99.
239. Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. СПб., 1913. XII, 532 с.

240. Розанов В.В. О борьбе с Западом, – в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. СПб., 1913. С. 3-64.
241. Розанов В.В. Памяти Страхова. Публ. Г.В. Нефедьева, коммент. И.А. Едошиной // Энтелехия. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. № 21. С. 59–77.
242. Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. 477 с.
243. Розанов В.В. Собрание сочинений. Последние листья / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. 382 с.
244. Розанов В.В. О трех фазисах в развитии нашей критики // Русское обозрение. 1892. № 8. С. 576–594.
245. Розанов В.В. Ф. Э. Шперк // Шперк Ф.Э. Как печально, что во мне так много ненависти... Статьи, очерки, письма / науч. ред. А.Н. Николюкин; вступ. ст., сост, подгот. текста и коммент. Т.В. Савиной. СПб.: Алетейя, 2010. С. 300–306.
246. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность / Пер. с нем. Предисл. К. Гарднера, послесл. В. Махлина. М.: Лабиринт, 2008. 223 с.
247. Саводник В.Ф. А.А. Григорьев. Биографический очерк // Собрание сочинений Аполлона Григорьева / Под ред. и вступ. ст. В.Ф. Саводника. Вып. 1. М., 1915. С. I–LIV.
248. Сакулин П.Н. Историко-литературные беседы. «"Органическое" мировосприятие» // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 95-112.
249. Семенова А.Л. Русская философская публицистика начала XX века. Автореферат дис. ... доктора филологических наук. 10.01.10 – журналистика. СПб., 2012. // Диссертации по гуманитарным наукам [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/russkaya-filosofskaya-publitsistika-nachala-xx-veka#ixzz3jQf9wHeo>

250. Синеокая Ю.В. Путешествие как философский проект // Философский журнал. 2014. № 1 (12). С. 58–77.
251. Скабичевский А.М. Граф Л.Н. Толстой как художник и мыслитель: Критич. очерки и заметки. СПб., 1887. [4], 235 с.
252. Скатов Н.Н. Н.Н. Страхов (1828-1896) // Страхов Н.Н. Литературная критика / Вступит. статья, составл. Н.Н. Скатова, коммент. В.А. Котельникова. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 3–41.
253. Слесинский Р. Поиски в понимании. Введение в философскую герменевтику. Гатчина: Изд-во СЦДБ, 2001. 95 с.
254. Сметанников А. Критика духа времени в русской консервативной публицистике «периода контр-реформ» (1880-1890-е гг.) : Н.Н. Страхов, К.П. Победоносцев, К.Н. Леонтьев: Дис. ... д-ра философии. [Иерусалим], 2008. 257 с.
255. Снетова Н.В. Философия Н.Н. Страхова (Опыт интеллектуальной биографии): монография / Перм. ун-т. Пермь, 2010. 352 с.
256. Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод. Коллективная монография / под общ. ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 526 с.
257. Соловьев В.С. Данилевский, Николай Яковлевич [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_0280-1.shtml
258. Соловьев В.С. О грехах и болезнях // Вестник Европы. 1889. № 1. То же: [Электронный ресурс] URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm>
259. Соловьев В.С. Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. № 2, № 4. То же: Соловьев В.С. Собрание сочинений. Том V. 1883–1897. СПб.: Изд. Товарищества «Общественная польза», 1901. С. 76–138.
260. Соловьев В.С. Письма / Под ред. Э.Л. Радлова. Т. 1. СПб., 1908. 283 с.

261. Соловьев В.С. Письма / Под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Время, 1923. 244 с.
262. Сочинения Аполлона Григорьева. Том первый (с портретом). Издание Н.Н. Страхова. СПб.: Тип. товарищества «Общественная Польза», 1876. X, 643 с.
263. Страхов Николай Николаевич (писатель) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIа. С. 783–787. То же: [Электронный ресурс] URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Страхов,_Николай_Николаевич_\(писа-тель\)](https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Страхов,_Николай_Николаевич_(писа-тель))
264. Страхов Н.Н. Английская психология («Немецкая психология в текущем столетии» М. Троицкого. М., 1867) // Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб., 1895. С. 201-267.
265. Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы: критический и исторический очерк. СПб., 1868. 73 с. То же // Страхов Н.Н. Литературная критика: сб. ст. /вступ. ст. и сост. Н.Н. Скатова, коммент. В.А. Котельникова. СПб.: РХГИ, 2000. С. 42-95.
266. Страхов Н. Н. – Бестужеву-Рюмину К. Н., 24 июля 1879 г. ПД Ф. 25059/ CZXXXIб.1 Л.2-3.
267. Страхов Н.Н. Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве (С примечанием Ф.М. Достоевского) // Эпоха. 1864. № 9. С. 1–50.
268. Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0580.shtml
269. Страхов Н.Н. Всегдашняя ошибка дарвинистов. По поводу статьи проф. Тимирязева: “Опровергнут ли дарвинизм?” // Русский Вестник. 1887. № № 11, 12.

270. Страхов Н.Н. Гартман и Шопенгауэр («Кризис Западной философии» Владимира Соловьева. М., 1874) // Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб., 1895. С. 374–427.
271. Страхов Н.Н. Главная задача истории // Исторический вестник. 1901. Т. 83. № 3. С. 1012–1020.
272. Страхов Н.Н. Главная черта мышления // Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб., 1895. С. 100–122.
273. Страхов Н.Н. Дарвинизм. Критическое исследование Н.Я. Данилевского. СПб., 1885 // Гражданин. 1886, 7 марта. № 25.
274. Страхов Н.Н. Женский вопрос: разбор сочинения Джона Стюарта Милля “О подчинении женщины” // Заря. 1870. № 2, о. 2. С. 107–149. То же: [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1870_zhensky_vopros.shtml
275. Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. 3-е изд. СПб., 1888. С. V–XXXII. То же: 4-е изд. СПб., 1889. С. IX–XXXIV.
276. Страхов Н.Н. Заметки летописца // Эпоха. 1864. № 3. С. 1–65 325–347. То же: [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0380oldorfo.shtml
277. Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. Киев, 1897. То же: [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0090.shtml
278. Страхов Н.Н. Западничество и славянофильство // Страхов Н.Н. Критические статьи (1861–1894). Том II. Изд. И.П. Матченко. Киев, 1902. С. 135–202.
279. Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. третья. Изд. 2-е. Изд. И.П. Матченко. Киев, 1898. С. 153–188. То же: [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1894_istoricheskie_vzglyady.shtml

280. Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862-1885). СПб., 1885. X, 484 с.
281. Страхов Н.Н. Мир как целое / предисловие, комментарий Н.П. Ильина (Мальчевского). М.: Айрис-пресс : Айрис-дидактика, 2007. 576 с.
282. Страхов Н.Н. Н. А. Добролюбов. По поводу первого тома его сочинений // Время. 1862. № 3, о. II. С. 30–54. То же: [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0290oldorfo.shtml
283. Страхов Н.Н. Наша культура и всемирное единство // Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. 2. Изд. 3-е. Изд. И.П. Матченко. С. 179–234. То же: [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/DNY/dny18.htm>
284. Страхов Н.Н. Некрасов и Полонский // Заря. 1870. Сентябрь. То же: [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1870_nekrasov_i_polonsky_olorfo.shtml
285. Страхов Н.Н. Новые письма Аполлона Григорьева // Эпоха. 1865. № 2. С. 152–182.
286. Страхов Н.Н. О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). СПб. 1887. XXXVIII, 130 с.
287. Страхов Н.Н. О времени // Страхов Н.Н. Философские очерки. 2-е изд. Киев, 1906. С. 405–414.
288. Страхов Н.Н. О задачах истории философии // Вопросы философии и психологии. М., 1894. Год V. Кн. 1 (21). С. 1–34. То же: Философские очерки. 2-е изд. Киев, 1906. С. 433–480.
289. Страхов Н.Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. Изд. 2-е, доп. Изд. И.П. Матченко. Киев, 1900. XVI, 186 с.
290. Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии // Философская культура. 2006. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hrono.ru/proekty/metafizik/fk303.html>

291. Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. 2-е изд. СПб., 1894. XIX, 318 с.
292. Страхов Н.Н. Органические категории: по поводу статьи г. Эдельсона «Идея организма». Библиотека для чтения. 1860 г. № 3. СПб., 1861. 15 с.
293. Страхов Н.Н. Ответ на письмо неизвестного // Вопросы философии и психологии. 1892. № 11. С. 94–100.
294. Страхов Н.Н. Письмо к редактору «Дня» // И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка / Сост. М.И. Щербакова. Группа славянских исследований при Оттавском университете и ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Оттава, 2007. С. 173–179.
295. Страхов Н.Н. Полное опровержение дарвинизма // Русский вестник. 1887. № 1, 2.
296. Страхов Н.Н. Предисловие // Сочинения Аполлона Григорьева. Том I. Изд. Н.Н. Страхова. СПб., 1876. С. I–X.
297. Страхов Н.Н. Психологические этюды И.М. Сеченова // Гражданин. 1873. № 47. С. 1260–1262; № 48. С. 1286–1289. То же: [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0490oldorfo.shtml
298. Страхов Н.Н. Роковой вопрос // И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка / Сост. М.И. Щербакова. Группа славянских исследований при Оттавском университете и ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Оттава, 2007. С. 157–167.
299. Страхов Н.Н. Смесь // Исторический вестник. 1896. Т. 63. Март. С. 1047–1052.
300. Страхов Н.Н. Толки об Л. Н. Толстом (Психологический этюд) // Вопросы философии и психологии. 1891. № 9. С. 98–132.
301. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
302. Тимирязев К.А. Бессильная злоба антидарвиниста // Русская мысль. 1889. № 5–7.

303. Тимирязев К.А. Опровергнут ли дарвинизм? // Русская мысль. 1887. № 5, 6.
304. Тихомиров В.В. Л. Н. Толстой и возрождение религиозного искусства : (Н. Н. Страхов о Л. Н. Толстом) // Вестник Ивановского гос. ун-та. Сер. Филология. 2000. № 1. С. 17–27.
305. Тихомиров В.В. Н.Н. Страхов: движение к религиозной эстетике // Энтелехия. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. № 21. С. 86–94
306. Тоичкина А.В. Заметки Д.И. Чижевского о Достоевском и Н.Н. Страхове // Вопросы философии. 2014. № 5. С.104–109.
307. Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки: в 2 т. / сост.: Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова; ред. А.А. Донсков. М.: Государственный музей Л.Н. Толстого; Ottawa, 2003. 1080 с.
308. Л.Н. Толстой и С.А. Толстая. Переписка с Н.Н. Страховым / Сост.: Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова; Ред. А.А. Донсков. Из архивов Государственного музея Л.Н. Толстого. М., Оттава, 2000.
309. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. (Юбилейное). М. 1928–1958, 1964.
310. Троцкий. Письмо // Под знаменем марксизма. 1922. № 1/2.
311. Тулмин С. Человеческое понимание / перев. с англ. З.В. Кагановой. М.: Прогресс, 1984. 327 с.
312. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 717 с.
313. Фатеев В.А. «... в Страхове я вижу миниатюру современной России»: полем. заметки о отношениях Н.Н. Страхова и Вл.С. Соловьева // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. Вып. 1. С. 111–127.
314. Фатеев В.А. О жизни и мировоззрении Н.Н. Страхова. Выступление // «Русская мысль»: Историко-методологический семинар в РХГА 27 ноября 2009 г. [Электронный ресурс] URL:

<http://www.rchgi.spb.ru/science/conferences/seminar/russsm/stenogramms/strakhov.php>

315. Федотова В.Г. Объяснение и понимание – проблема бытия и познания // Объяснение и понимание в социальном познании. М.: Институт философии, 1990. С. 7–23.
316. Филатов В.П. К типологии ситуаций понимания // Вопросы философии. 1983. № 10. С. 31–40.
317. Философия Шеллинга в России XIX века / Под общ. ред. В.Ф. Пустарнакова. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. 528 с.
318. Филюшкина С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4 (49). С. 141–155.
319. Фирсова Л.В., Черных И.П. Страхов и русская публицистика второй половины XIX века // Творческое наследие Н.Н. Стрхова и современная социально-гуманитарная мысль : материалы всерос. науч. конф., Белгород, 31 окт.-1 нояб. 2003 г. / гл. ред. Е.А. Антонов. Белгород, 2003. С. 36–39.
320. Флоренский П.А. Собрание сочинений в 2-х т. М.: Правда, 1990.
321. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 93–118.
322. Ходаневич М.А. Влияние философии Шеллинга на мировоззрение почвенников А.А. Григорьева и Н.Н. Стрхова // Философия Шеллинга в России XIX века / Под общ. ред. В.Ф. Пустарнакова. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. С. 449–476.
323. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд., перераб. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
324. Хоружий С. С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. 480 с.
325. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. 448 с.

326. Чалая Т.П. Н.И. Костомаров (1817–1885 гг.): общественно-политические взгляды и деятельность. Автореф. дис. ... канд. исторических наук. Воронеж, 2006.
327. Черняев А.В. Г.В. Флоровский как философ и историк русской мысли. М.: ИФРАН, 2010. 200 с.
328. Чижевский Д.И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. 411 с.
329. Шарова М.А. Философия образования в русской мысли второй половины XIX века: историко-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. М., 2010. 185 с.
330. Шаулов С.С. Н.Н. Страхов как творец и персонаж литературных контекстов: между Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым. Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. 84 с.
331. Шах-Паронианц Л.М. Критик-самобытник Аполлон Александрович Григорьев. (К XXXVлетию со дня его смерти) Биографический очерк. СПб.: Типо-Литография А.Е. Ландау, 1899. 169, IVс.
332. Шекунова Т.В. История русской философии в журнале «Под знаменем марксизма». Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Екатеринбург, 2012.
333. Шестакова М.А. Функции здравого смысла в герменевтике Гадамера // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1999. № 4. С. 90–100.
334. Шило Е.И. О первом научно-мировоззренческом опыте Н. Н. Страхова // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 71–77. [Электронный журнал] URL: http://rr.bsu.edu.ru/images/issue2/soc_gum/selection%20%287%29.pdf
335. Шмурло Е. Ф. Бестужев-Рюмин Константин Николаевич // Русский Биографический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulex.ru/01020003.htm>

336. Шмурло Е. Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829 – 1897. Юрьев, 1899. 428 с.
337. Шперк Ф.Э. Как печально, что во мне так много ненависти... Статьи, очерки, письма / науч. ред. А.Н. Николукин; вступ. ст., сост, подгот. текста и коммент. Т.В. Савиной. СПб.: Алетейя, 2010. 312 с.
338. Шперк Ф.Э. Н.Н. Страхов. Критический этюд // Шперк Ф. Как печально, что во мне так много ненависти... Статьи, очерки, письма / науч. ред. А.Н. Николукин; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Т.В. Савиной. СПб.: Алетейя, 2010. С. 122–128.
339. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007. 712 с.
340. Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2004. 688 с.
341. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щедринной. М.: (РОССПЭН), 2009. 845 с.
342. Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008. 422 с.
343. Щербакова М.И. «Вместо дневника – письма к вам»: (из переписки Н.Н. Страхова с Иоанном Скивским) // Москва. 2004. № 10. С. 186–206.
344. Щербакова М.И. Наследие Н.Н. Страхова и проблемы изучения Л.Н. Толстого // Известия РАН. Серия «Литература и язык». 2004. Т. 63. № 1. С. 44–50.
345. Щербакова М.И. Продолжение идей славянофилов в переписке И.С. Аксакова и Н.Н. Страхова // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., состоявшейся 14-17 апр. в г. Москве в Лит. ин-те. В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 321–327.
346. Эйхенбаум Б.М. Мережковский-критик // Д. С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке

- современников: Антология / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. А.Н. Николукина. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 322–331.
347. Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX-XX веков: От личности к традиции. Коллективная монография / под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щединой. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 447 с.
 348. Яхот И. Подавление философии в СССР (20-е – 30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9, № 10, № 11. То же: [Электронный ресурс] URL: http://scepsis.net/library/id_172.html
 349. Bauman Z. Hermeneutics and Social Science (Routledge Revivals): Approaches to Understanding. Taylor & Francis Ltd. 2010. 268 p.
 350. Belleau A. Surprendre les voix. Montréal, Boréal, 1986. 237 p.
 351. Donskov A. Leo Tolstoy and Nikolaj Strakhov: a personal and literary dialogue // Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки: в 2 т. Т. I. Ottawa, 2003. С. XIII–LI.
 352. Gerstein L. Nikolai Strakhov: philosopher, man of letters and social critic. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: Distributed by Oxford University Press, 1971. xi, 237 p.
 353. Groff L. & Smoker P. Spirituality, religion, culture, and peace: exploring the foundations for inner-outer peace in the twenty-first century. The International Journal of Peace Studies. 2014. 19-1 [Online] Available: http://www.gmu.edu/programs/icar/ijps/vol1_1/smoker.html
 354. Haarmann H. Foundations of culture: knowledge-construction, belief systems and worldview in their dynamic interplay. Frankfurt am Main: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften. 2007. 311 p.
 355. König H. Literarische bilder aus Russland. Stuttgart und Tübingen, 1837.
 356. Lowell J.R. Our literature (1889). Prose works. Vol. VI. Boston. 1896. 132 p.

357. McMaster R.E. The question of Heinrich Ruckert's influence of Danilevskiy // *The American Slavic and East European review*. Vol. 14. № 1. 1955. P. 59–66.
358. Rabow-Edling S. The Role of “Europe” in Russian Nationalism: Reinterpreting the Relationship between Russia and the West in Slavophil Thought // Susan P. McCaffray & Michael Melancon (Ed.) *Russia in the European Context, 1789-1914: A Member of the Family*, N.Y.: Palgrave Macmillan. 2005. P. 97–109.
359. Sugar P.F. Nations and nationalisms in East-Central Europe, 1806-1948: a festschrift for Peter F. Sugar / ed. by Sabrina P. Ramet, James R. Felak, Herbert J. Ellison. Bloomington, Ind. Slavica. 2002. 283 p.
360. Fleischhauer I. Philosophische Aufklärung in Russland: rationaler Impuls und mistischer Umbruch: N.N. Strachov. Roma: Pont. Institutum Orientalium Studiorum, 1977. 203 S.
361. Walas T. (ed.) *Stereotypes and Nations*. Kracow: International Cultural Centre. 1995. 255 p.
362. Wachtel A.B. & Vinitsky I. *Russian Literature*. John Wiley & Sons. 2013. 328 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фрагмент 1.

Н.Н. Страхов – Л.Н. Толстому, 21 мая 1890 г.⁵⁵⁸

«Мне часто бывает очень грустно, когда подумаю, в каком фальшивом положении я стою. Когда я говорю против Дарвина, то думают, что я стою за катехизис; когда против нигилизма, то считают меня защитником государства и существующего в нем порядка; если говорю против вредного влияния Европы, то думают, что я сторонник цензуры и всякого обскурантизма и т.д. О, Боже мой, как это тяжело! А что же делать? Иногда приходит на мысль, что лучше бы молчать, – и не раз я молчал, чтобы не прибавлять силы тому, чему не следует. Я изворачиваюсь и изгибаюсь, сколько могу. ... Как быть, как писать, когда кругом непобедимый фанатизм, и когда всякое доброе начало отразилось в людских понятиях в дикой и односторонней форме? И разве я один в таком положении? Все серьезные люди терпят ту же беду и часто принуждены молчать».

Фрагмент 2.

Страхов Н.Н. О времени⁵⁵⁹

«Когда же мы просто говорим: *время идет, время движется*, то мы безразлично подразумеваем или то, или другое движение. Но если ... упустим из виду, что это лишь образ, а не прямое выражение того, что такое время, то мы можем впасть в большие недоразумения. Так, Кант часто впадает в объективное представление; он говорит: “Время не протекает, а в нем протекает существование того, что изменяется. Само время неизменно и пребывает” (Die Zeit verläuft sich nicht, sondern in ihr verläuft sich das Daseyn des Wandelbaren. Die Zeit selbst unwandelbar und bleibend ist) [в сноске: «*Kritik*

⁵⁵⁸ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894 / Толстовский музей. Том II. С предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб., 1914. С. 404.

⁵⁵⁹ Страхов Н.Н. Философские очерки. 2-е изд. Киев, 1906. С. 408-409.

d. r. Vernunft. S. 182 (2-е изд.). Подобным образом выразился Паскаль: “Не время движется, а мы движемся во времени”»].

Между тем неудержимое и непрерывное течение времени есть, конечно, его неотъемлемое свойство, входит в понятие о самой его сущности. Признать время неподвижным возможно только тогда, когда мы смешаем его с его изображением, *движением*. В самом деле, всякое движение действительно предполагает: 1) нечто неподвижное, напр., неподвижное пространство, и 2) течение времени. Только при этих предположениях мы и можем говорить о том, что предмет в разные времена находится в разных местах. Но время, взятое само по себе, не требует предположения чего-либо неподвижного; каждая точка времени определяется своим отношением только ко времени же, а не к чему другому.

Когда мы делаем пространственное изображение времени (в виде прямой линии и проч.), то мы уже представляем, как будто прошедшее, настоящее и будущее существуют вместе, одновременно, что есть величайшая нелепость относительно времени. Если мы потом придаем движение точке настоящего, то вместе с тем должны признать неподвижными прошедшее и будущее. Но таким образом то, что вовсе не существует (прошедшее и будущее), мы обращаем во что-то неизменное и пребывающее, а то, что одно существует (настоящее), будет у нас определяться местом, которое оно занимает на линии этого несуществующего.

По-видимому, всего удобнее *субъективное* представление движения времени, – то, которое получается, когда мы настоящее делаем неподвижным и заставляем двигаться всю линию времени (от будущего к прошедшему), подобно тому, как река течет мимо человека, стоящего на берегу. Но в таком представлении мы слишком выделяем настоящее из потока времени. Между тем настоящее постоянно порождается будущим и поглощается прошедшим.

Оно есть их постоянный предел, а не какая-то независимая от них точка, взятая где угодно на неподвижном берегу»⁵⁶⁰.

«Идеал мышления – бытие непреходящее, занимающее всю линию времени, т. е. вечное в обыкновенном, мыслительном значении этого слова. В сущности только такое бытие признается мышлением за истинно существующее. Так, физик признаёт вечные неизменные частицы-атомы, богослов – неизменное, вечное Божество. Вечность созерцательная и вечность мыслительная суть два различные представления. Одна есть всегдашнее настоящее и составляет как бы остановку течения времени; другая состоит из бесконечного прошедшего и бесконечного будущего, и представляет непрерывное и беспредельное течение времени. Мышление приходит к полному отрицанию созерцания, когда истинно существующим признаёт лишь свое вечное, продолжающееся без конца. Созерцание приходит к полному отрицанию мышления, когда истинно существующим признает лишь настоящее, существующее налицо»⁵⁶¹.

Фрагмент 3.

Страхов – Толстому 12 октября 1876 г.⁵⁶²

«...Мне очень хочется заинтересовать Вас своей работой, и в голове я уже давно пишу к Вам, давно придумываю, как это сказать кратко и полно. Послушайте.

Науки делают огромные успехи; но чем быстрее они движутся, тем яснее видно, что они не приближают нас к решению вопросов, наиболее для нас интересных. Очевидно, их движение косвенное, а не прямое. То, что называется знанием, не есть знание существенного, и чем научное знание

⁵⁶⁰ Страхов Н.Н. О времени // Страхов Н.Н. Философские очерки. 2-е изд. Киев, 1906. С. 408-409.

⁵⁶¹ Страхов Н.Н. О времени // Страхов Н.Н. Философские очерки. С. 414.

⁵⁶² Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 88-91.

тверже и яснее, тем менее в нем существенного. Это зависит от самой природы познания. Наше познание есть некоторое измерение наших отношений к вещам. Вещи со всею своею сущностью окружают нас со всех сторон, прикасаются к нам и стоят перед нашими глазами; но когда мы их познаем, мы как будто выбираем произвольно точки, проводим произвольные линии, составляем произвольные фигуры и только так можем что-нибудь узнать. Возьмем самое простое. Я считаю людей, с которыми живу... <...> Получилось число пять, которое имеет для меня некоторый смысл, содержит знание, но не имеет никакого отношения к сущности вещей, нигде не существует, кроме моей головы.

Этот пункт очень трудный; я не сумею теперь вполне его объяснить, но надеюсь, что чем дальше буду работать, тем он будет для меня яснее. Скажу так: *при всяком познании мы делаем некоторое построение, без такого построения познание невозможно.*

Теперь, так как мы ищем всегда сущности вещей, то мы, по жадности так сказать, принимаем это наше построение за нечто существующее. Это главная и постоянная ошибка нашего ума. Мы принимаем за сущности – пространство, время, числа, общие понятия, законы природы, небесный свод, горизонт, сохранение вещества, сохранение силы и т.д. Во всем этом главную часть составляет нами сделанное построение, то есть нечто априорное и к сущности вещей не относящееся. Мы же это самое принимаем за нечто данное, следовательно, апостериорное, эмпирическое, за свойство самих вещей.

Так, чтобы получить *число*, нужно *считать*, чтобы получить *пространство*, нужно *смотреть*. <...> Между тем числа и пространство принимаются за эмпирические данные, за нечто существующее в самих вещах независимо от считания и смотрения. <...>

Относительно чисел задача очень простая; очевидно, если мы будем так считать, как теперь считаем, то дважды два всегда будет четыре; и житель Сириуса или сам Бог, если будет так же считать, не в силах получить

другого результата. Задача относительно пространства сложнее, но не очень трудна, и мне показалось, что на ней разъяснить вопрос всего удобнее. А тут, кстати, с 1868 года учение об *эмпиричности* нашего пространства стало сильно распространяться и принято первыми авторитетами. Родоначальником его был действительно Лобачевский у нас, но силу ему дали Гаусс и Риман в Германии. Я принялся все это разбирать, и оказалась целая литература по этому предмету. <...>

Вся загадка состоит в том, что математики успели *обобщить* представление пространства. По-видимому, мы всегда имеем право считать предмет частным и особенным, когда нашли для него общее понятие. Напр., если *человек есть животное*, то это значит *одно из животных*, отличающееся особыми признаками. Так и математики говорят: пространство есть один из способов определять отношения между вещами, и следовательно, в других мирах может существовать другой способ. Мое опровержение будет состоять в следующем: я покажу неправильность обобщения и невозможность его, когда оно делается правильно. Обобщение математиков подобно такому: *все люди крадут*. Если кто ничего не украл, то это лишь один из частных случаев, именно когда величина кражи *равна нулю*; если кто свое отдал, то это значит только *он украл отрицательную величину*.

Для кражи нелепость этого ясна, но для пространства неуловима. Мне она, однако же, живо представляется и хотелось бы показать ее вполне, на многих сторонах дела.

Математики с торжеством выводят следствие, что значит, пространство познается эмпирически, что оно есть частный факт. Если я докажу противное, то этим докажется априорность пространства, т. е., что мы его сами создаем, следуя известному правилу, именно безразличному соотношению вещей. Сюда войдет и опровержение Канта, принимавшего пространство за готовую форму, хотя и *a priori*. <...>

Познание пространства не есть познание какой-либо сущности, какого-либо действительного предмета. И таковы все наши познания. Но оно не содержит в себе и никакой лжи; напротив, оно незыблемо верно. И такой верности достигают все наши познания, когда они достаточно развиты. <...> Но нам мешает то, что нашим построениям мы беспрестанно придаем существенность; мы не в силах правильно развивать наши мысли, потому что ошибаемся в их значении, признаем знание сущности там, где его нет.

Таким образом, путь этих построений никогда не приведет нас к тому, чего одного мы желаем, то есть, к познанию сущности. Сущность открывается иначе, и во-первых следует сбросить все то, что я называл построениями. Тогда получится, может быть, другое знание, которое мне хотелось бы назвать *живым*, но о котором пока ничего не умею сказать.

По крайней мере, я надеюсь таким образом сбросить иго естественных наук, тяготеющее над нынешнею философией; я дам отчет в том, почему все их исследования так мертвенны, так мало нам дают, и в то же время почему они несомненны и успешны. Одно с другим связано.

Вот мои планы, бесценный Лев Николаевич. Мне мерещатся целые ряды статей; первую я назвал *о свойствах пространства* и буду доказывать, что пространство не имеет никаких свойств (Eigenschaften), и что в этом его натура.

Фрагмент 4.

Страхов – Толстому 16-23 ноября 1875 г.⁵⁶³

«Строгих судей, напряженных идеалистов очень много на свете. Еще больше людей, ... ищущих и находящих только то, что благочестивые люди иронически называли *благами жизни*. Но люди с Вашим взглядом –

⁵⁶³ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 69.

величайшая редкость. Вы для меня похожи на благодушнейшего христианского монаха, у которого прощения и снисхождения столько же, сколько и самых высоких и строгих требований. И вот черта, на которой я хочу остановиться. Нравственные правила не должны быть жестоки: они должны быть милосердны. Это следует уж из того, что нравственность должна существовать *для всех*, а люди большею частью очень слабы и ограничены.

Из трех главных вопросов, которые указывает Кант в Критике Чистого разума: 1, что я могу знать? 2, что я должен делать? 3, чего мне следует надеяться? – я считаю самым важным второй. Как бы ни были решены первый и третий, и хотя бы я вовсе не умел их решить, на второй я должен отвечать сейчас же, он один неотложен и существенно необходим. Скажу Вам прямо, что таково именно мое душевное настроение, то есть, что я стал очень равнодушен к познанию и к вопросу о будущности души. Я, кажется, легко бы отказался от желания ясных ответов на этот вопрос, если бы только мне было твердо указано, что делать, – в переводе на христианский язык: как спасти свою душу.

Но посмотрите, какой это страшный вопрос. Кто и когда может иметь на него полный ответ? <...> Отшельник, ежеминутно думающий о подвигах, политик, без устали работающий для прогресса и своей партии, – вот люди деятельного долга, которые знают, *что они должны делать*. Но ведь это фанатическая борьба с самим собою или с ходом всемирной истории; это задача отрицательная, восстание против каких-то сил, не от нас зависящих. Что это за силы? Как с ними бороться? И могу ли я их победить? Вообще говоря, конечно, не могу. Если же так, то мне остается как-нибудь *принять* их. Мне нужно научиться не *делать* свою жизнь, а как-нибудь принимать ту, которая мне дается. Я должен покориться неведомому мне творчеству

Буду продолжать в следующем письме.

Ваш всей душой Н. Страхов.

1875 г. 16 ноября.

P.S. <...> Я проведу дальше различие между деятельным и пассивным отношением. Во мне самом так мало деятельного начала, что я часто дивлюсь на самого себя, как на урод. А для того, чтобы проповедовать, убеждать, настаивать, нужно непременно какой-нибудь принцип деятельности. Когда же я перебираю всякие принципы, которые теперь выставляются, я не нахожу ни одного достойным понятия, – такого принципа. Вот мое положение. В нем лучше всего молчать, а не говорить.

<...>

23 ноября 1875.»

Фрагмент 5.

Страхов – Толстому октябрь-ноябрь 1887⁵⁶⁴

«Должен признаться, что Критики Практ. разума я не читал, но знаю ее содержание по чужим изложениям, напр., по подробному изложению у Куно Фишера. Тот поворот, который тут делает Кант, конечно, важен в высшей степени; но обыкновенно, как Вы и пишете, его оставляют без внимания. Скажу Вам еще более: у Фихте и Шеллинга этот самый поворот выразился еще резче; но обыкновенно об этом рассказывают как об упадке, различают у этих философов два периода, и сочинения второго периода считаются неважными, ничего не вносящими в науку. У одного Гегеля нельзя было различить двух периодов: слишком цельный был ум; но его вообще рассматривают, как пантеиста чуть не в материалистическом духе, тогда как он есть чистейший мистик и совпадает с Баадером, Мейстером Экгардом, Ангелом Силезским и т. п. Это одно из самых удивительных и самых ясных явлений: все эти философы приходили к самой чистой форме религии и проповедовали эту форму. Но эта проповедь осталась бесплодной, не нашла никакого отзыва и почти не упоминается в “Истории философии”

⁵⁶⁴ Там же. С. 357-358.

[Куно Фишера. – *Е.М.*]. Я давно ношусь с мыслью написать эти свои сближения, напр., показать, что Гегель и Спиноза были мистики, и что мистика есть нечто, не смутное и неопределенное, как всегда понимают, а напротив, самое ясное и чистое, так что к ней приходит всякое строгое мышление. <...> От Платона и до Гегеля я нахожу у философов то же стремление, как у мистиков, и никто так часто прямо на них не ссылается, как Гегель. Весь вопрос поэтому: отчего же происходит недоразумение, недопонимание? Шопенгауэр хорошо отвечал: потому что ум заправляется волею, нашими желаниями. Религии нельзя научиться, ее можно только выжить, приобрести жизнью. А человеческий ум так загроможден своими собственными построениями, что немецкие философы, как ни работали, не пробивались сквозь них, да, кажется, сами же подбавили новых построений».

Н.Н. Страхов – К.Н. Бестужеву-Рюмину⁵⁶⁵

Кременчуг, 24 июля 1879 г.

С половины июня я разъезжаю по знакомым, глубокоуважаемый Константин Николаевич, и, имея много свободного времени, давно основательно решил, что откажусь от лекций психологии. Но, когда получил Ваше письмо и мне живо представились Вы, я опять почувствовал себя в величайшем затруднении; мне ужасно тяжело отказывать Вам. Целый день я думал и решил написать Вам все откровенно. Две причины располагали меня не отказываться совсем от вашего предложения: первая – Вы, вторая – честолюбие, – меня соблазняла роль профессора. Но затем других побуждений у меня нет, то есть, нет самого главного и настоящего. Я не готов к курсу, у меня нет определенного взгляда на науку, который бы я хотел излагать. Потом – я чувствую большое равнодушие к «Высшим

⁵⁶⁵ Письмо хранится в рукописном отделе Пушкинского дома, в составе собрания писем Н.Н. Страхова к К.Н. Бестужеву-Рюмину (33 письма и почтовых карточек с записками). ПД Ф. 25059/ CZXXXI6.1 Л.2-3[с оборотами].

Курсам»; я предпочел бы самый глухой и безлюдный Университет, где на мне не лежало бы никакой задачи, кроме руководства молодых людей в изучении науки. А в «Курсах», согласитесь, задача напрашивается сама собою; так или иначе лекции постоянно будут принимать полемический характер, или я должен буду воздерживаться и лавировать; так или иначе, от меня потребуется отвечать на существенные вопросы. Не забудьте при этом, что у меня сквернейшая репутация. Если мои слушательницы заинтересуются моими лекциями и прочтут мой «Женский Вопрос»⁵⁶⁶, то мне от них может очень достаться. Да не упрекну ли и Вас, что взяли такого ретрограда? Как нарочно, перед самым отъездом из Петербурга я выслушал величайшие ругательства на этот «Вопрос» от Вл. Стасова⁵⁶⁷, который в последнее время все изучает мои произведения, и некоторыми даже доволен, но тут пришел в такую ярость, что нельзя было ничего понять из того, что он говорил. Не думайте, дорогой Константин Николаевич, что я прямой противник «Курсов»: я с умилением смотрю на Ваши труды и желаю им всяческого успеха. Но для такого дела нужны именно Ваши качества: Ваше несравненное благодушие и Ваш действительный либерализм, действительная терпимость чужих взглядов – черта необыкновенно редкая, почти нигде не существующая. Куда ж тут мне несчастному соваться! Я благодушен и терпим почти только в теории; и мне пришлось бы постоянно бороться с своим раздражением и воздерживаться от резких суждений. И все бы это наконец ничего, если бы я чувствовал в себе силы исполнить как следует предлагаемое мне дело. Между тем я так боюсь все испортить, что это удваивает мою слабость. Уверяю Вас, что кого бы Вы ни пригласили, все

⁵⁶⁶ Женский вопрос: разбор сочинения Джона Стюарта Милля “О подчинении женщины” // Заря. 1870. № 2. О. II. С. 107-149. Отдельным изданием книга вышла в 1871 г. (СПб.).

⁵⁶⁷ Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) – музыкальный критик, коллега Н.Н. Страхова по Императорской публичной библиотеке.

лучше исполняют, чем я. Очень радуюсь, что Владиславлев⁵⁶⁸ оставил за собой Логику. Отчего ему не продолжить и Психологию?

Вот кажется все. Вы видите, что меня не может тянуть к этим лекциям, и поверите мне, что с первого же раза я не отказался решительно только потому, что это было Ваше желание. Кого бы Вы ни пригласили, ни у кого нет ни такой репутации, ни такой неохоты, ни такой слабой силы, как у меня. Зачем Вам такого работника? Бросьте, дорогой Константин Николаевич.

Чичерина⁵⁶⁹ о Религии я начал было читать у Л.Н. Толстого, и хотел даже взять книгу с собой сюда, но пять-шесть страниц, которые я по жадности успел прочесть, поразили меня таким многословием, неточностью, отсутствием строгости мысли, что я отказался от книги. К Толстому она попала потому, что они на ты, и Чичерин прислал. Бог с нею! Жизнь коротка и время дорого, как говорит Шопенгауэр по поводу одного знаменитого сочинения, а мне и без того нужно много читать – я не умел, как Вы, вовремя прочесть все, что мне нужно.

На поле письма слева внизу, вертикально:

Письмо Ваше я получил только 23 июля, уже из Петербурга; пишу Вам наудачу в Ливадию – авось перешлют, если Вы уехали.

Ваш душевно Н. Страхов

⁵⁶⁸ Владиславлев Михаил Иванович (1840–1890) – философ и психолог, профессор Санкт-Петербургского университета, коллега Н.Н. Стрхова по журналам 1860-х гг. «Время» и «Эпоха».

⁵⁶⁹ Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) – правовед, философ, историк и публицист.

Письма Н.Н. Страхова П.Д. Голохвастову⁵⁷⁰

Н. Н. Страхов – П. Д. Голохвастову 12 марта 1885 г.⁵⁷¹

Очень я торопился, дорогой и многоуважаемый Павел Дмитриевич, отвечать Вам на Ваше горячее письмо; но, как видите, не быстра моя торопливость. Вы меня утешили Вашим вниманием, даже тем, что так принимаете к сердцу мои слова. Да хочется и оправдаться, и высказать многое, что Вы затронули.

Скажу прямо: лучше молчать, чем говорить (т. е. печатать); но какой-то бес меня толкает. Мне душно среди этого мертвого молчания, которое царит в нашей церкви и основано на невообразимой щепетильности, обнаруживающейся каждый раз, когда дело пойдет о религии. Успех Толстого, и дурной и хороший, только на этом и основан. Вы на него сердитесь, а на тот общий строй, от которого все зло, – не обращаете внимания. Церковь мертвеет (возьмите хоть Пастырское Послание), а ересь должна бы была возбуждать ее и приносить ей лучшую пользу, чем неверие, с которым она преспокойно обжилась.

Ваше замечание насчет Моей веры⁵⁷² поразило меня – оно попадает в болезненное место; и вообще я соглашусь, что Толстой грешит бессознательно и самолюбием, и славолубием. Но в корне у него искреннее, живое чувство и ~~только~~ бывает, что оно и подкупает, ~~только~~ бывает, что именно оно дает силу

⁵⁷⁰ ПД 11060/XVIIс.17. Лл. 36–45. Публикуемые письма хранятся в коллекции писем Н.Н. Страхова П.Д. Голохвастову, насчитывающей 22 письма, датированных 1874–1888 гг.. Все подчеркивания и зачеркивания в тексте сделаны Н.Н. Страховым.

⁵⁷¹ Основное содержание этого письма опубликовано М.И. Щербаковой в примечании: И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка. Оттава, 2007. С. 137-139.

⁵⁷² Главный религиозно-философский трактат Л. Н. Толстого «В чем моя вера?», изданный в Москве в 1884 г.

его проповеди⁵⁷³. Мне известны примеры хороших, даже прекрасных увлечений этого рода.

Вас смущают грубые выражения, Вы вспоминаете Вольтера и т.д. Но тут двойная ошибка: Толстой хотел быть простым, а вышел грубым (я не раз ему это говорил); а Вы и действительно простое принимаете за оскорбительное. Дело, однако, имеет глубокий смысл, и я на стороне Толстого. Если Вы не знали, что и я еретик, то тут я должен в этом сознаться. Именно:

Церковь совершенно отделилась от жизни. У нее свой язык, свой смысл для обыкновенных слов, свои приемы, свои понятия и цели. Она ушла от жизни в особую сферу, в которой всему дала значение высокое и священное. За то она потеряла возможность действовать на людей.

Между тем когда-то дело было не так. Был человек, сказавший людям, что они сыны Божии в прямом смысле этого слова. И простая, обыкновенная жизнь могла и должна была обратиться в Царство Божие. Ну, словом, христианство состояло в святости, и эту святость люди и выражали простыми словами, и исполняли в своих действиях.

Толстой и вздумал снять с Евангелия церковный покров, церковный тон и приблизить его к живому языку. Исполнил он это дурно, неряшливо и капризно, но, в сущности, сделал очень много для этой цели. Его толкования многих мест и отношений между отдельными местами – очень метки и глубоки. Натяжки тоже есть – не думаю отвергать; но хорошего гораздо больше, чем дурного.

Если бы это было возможно, я давно бы напечатал изложение мыслей Толстого в той форме, какую считаю сам наилучшею. Его изложение, по моему, очень дурно. Я был свидетелем того, как он мучился и волновался. Я помню ту минуту, когда он начал мне объяснять, как совершилось

⁵⁷³ Зачеркнуто Н.Н. Страховым и напротив этого места на левом поле вертикально приписано: «видите, как обмолвился!».

возрождение, какие мысли принести радость и покой. Отсюда все проясняется; получается непоколебимое убеждение, что в этом именно состояло учение Христа и раскрывается смысл Евангелия, его различных притчей и изречений.

Самая слабая черта Толстого – его полемический задор, его резкое и раздражительное отношение к Церкви и вообще ко всему, что не согласно с его квакерской ересью. По христиански нужно бы делать, как Макарий Египетский⁵⁷⁴. Молодой его послушник, встретив языческого жреца, обругал его дьяволом, и тот его жестоко прибил. Макарий пожурил послушника и, когда сам встретил того же жреца, почтительно его приветствовал. Жрец удивился, разговорился и принял христианство.

В письме всего не скажешь. Но прибавлю еще насчет нигилистов. Эта сторона дела меня также мучит. Две разные вещи – отрицание во имя отречения и отрицание во имя притязания⁵⁷⁵. Но они невольно

⁵⁷⁴ Макарий Великий – христианский святой, живший в IV в. и прославившийся подвигами смирения и милосердия. Автор «Духовных бесед». В библиотеке Н.Н. Страхова, переданной в Петербургский университет, имеются 2 издания этой книги: под № 6140 – Макарий Египетский. Духовные беседы. – Перевод, сделанный при Славяно-Греко-Латинской Академии Иеромонахом Моисеем (после Епископом) в 1782 г., без изменения перепечатанный в 1839 г. (М., Синодальная Типография) и № 6139 : Макарий Египетский. Дух. препол. беседы. – Макарий Египетский, пресвитер. Преподобного отца нашего Макария Египетского, нареченного великим, духовные преполезные беседы о совершенстве, христианам приличном и о снискании которого им стараться надлежит; в которых истинные христиане, яко в некоем священном кладезе, целение от недугов душевных и самое спасение неоскудно почерпать могут. Изд. второе. Пер. с еллиногреч. яз. в Моск. акад. Ч. 1-2. 255 с. М.: Синодальная типография, 1851.

⁵⁷⁵ Подробный анализ целей и мотивов революционно-демократического движения в России, его внешних и внутренних причин Н.Н. Страхов осуществил в цикле статей, опубликованных в газете И.С. Аксакова «Русь» в 1881 году (№ 23, 24, 25 и 27), после убийства Александра II и казни его убийц. Нравственному и религиозному смыслу деятельности «красных» посвящены особенно второе и третье письма. См. также

соприкасаются. Однако же я был не раз свидетелем, как Толстой проповедовал красным против насилия и ненависти. Он в этом тверд, но по несчастью не так горячо настаивает на этом, как следовало бы. Не могу не сожалеть, что ему не дают печатать; все бы уяснилось и развязалось – по крайней мере, натянутость положения пропала бы.

Простите, сам чувствую, что пишу неясно и неполно; но я не хотел оставить Ваши слова без ответа и не поблагодарить Вас за Ваше живое участие. Когда-нибудь поговорим поподробнее.

Наконец в Мартовской книжке Журн<ала> Мин<истерства> Н<ародного> Пр<освещения> появилась статья о Вашем стихе⁵⁷⁶. Если достанете в Воскресенске, прочтите; но во всяком случае пришлю Вам оттиск. Перечту и сам, чтобы проверить впечатление. Живу я по-прежнему, в известных Вам комнатах, подобных чердаку. Кажется, здоровье мое наладилось к моему собственному удивлению. Читаю много, пишу мало. Сегодня слышал, что Бутлеров готовится отвечать основательно⁵⁷⁷. Хотелось бы, чтобы это дело имело полную серьезность – постараюсь об этом. Физики и математики буквально в восхищении от моей статьи.

переписку Страхова и Аксакова по поводу этих событий и «Писем о нигилизме»: И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка. С. 47-53.

⁵⁷⁶ Истомин Ф. М. Законы стиха русского народного и нашего литературного. П. Д. Голохвастова. 1883 // ЖМНП. Часть ССХХХVIII. 1885. Март. Отд. 2. С. 135-150. Точное название книги : Законы стиха русского народного и нашего литературного. Опыт изучения. СПб., 1883. 87 с. Серия "Памятники общества любителей древней письменности". В конце текста статьи напечатано: «Окончание следует», но, по-видимому, она так и не была дописана.

⁵⁷⁷ На статью Страхова «Физическая теория спиритизма» (Новое время. № 3232. 26 февраля 1885 г.) А.М. Бутлеров ответил статьей «Медиумизм и умозрение без опыта» (Новое время. № 3411. 27 августа 1885). После смерти А.М. Бутлерова в августе 1886 г. все материалы дискуссии, начиная с первых «Писем о спиритизме» Н.Н. Страхова, опубликованных впервые в 1876 г. в журнале «Гражданин», составили книгу: Страхов Н.Н. О вечных истинах. Мой спор о спиритизме. СПб., 1887.

только знал, и с его смертью я, собственно, уже не могу ничего делать, как только готовиться к своей смерти. Стал я уже хилеть, да и чаще болеть; и сегодня не совсем здоров, уже пятый день сижу дома.

На обратном пути заезжал я на четыре – на пять дней к Толстому и видел его нынешнее житье. Не стану его описывать, а скажу только на Ваши слова, что винить его, право, мудрено. Немножко я знаю, чего ему стоит то, что он делает; не легко ему живется. А влияние его имеет всегда полезную сторону, и сильно оно потому, что других-то никаких влияний нет. Церковь у нас уже привыкла молчать и очень твердо убеждена, что вообще следует молчать, что это дело и наилучший способ действия. Литература кончила тем, что стала призывать власть, правительство, и думает, что только властью и можно что-нибудь хорошее сделать. Науки у нас не существует; общественное мнение потеряло всякую нить и не знает, куда ему напирать⁵⁸¹.

Государство во Франции держится только страхом коммуны и жаждою реванша; а у нас порядок (нынешний) держится страхом нигилизма. Я не вижу умственного движения, не вижу прогресса в мире, ни духовного, ни общественного! Утешьте меня, если можете, но право, чем дальше, тем мрачнее смотрю я на вещи.

каждом шагу нахожу растения, которые он сажал, растил, и которыми так любовался. Если разговариваю, то вспоминаю о нем или слушаю нескончаемые воспоминания. В урочный час иду на его могилу; она в дальней части сада, среди широкой полянки, кругом обставленной кипарисами и заслоненной отовсюду возвышениями. Чудесное место для могилы! И так как это самое святое место в Мшатке, то сюда приходят те, кто захочет молиться. ... Все погибнет, несмотря ни на какие старания. Обратить временное в вечное невозможно. Вечность доступна человеку только при его жизни, а не по смерти, когда все, что он был, делается временным. Попробую написать его биографический очерк; едва ли сумею так сделать, как хочется, но писать буду с любовью и радостью». – Переписка с Н.Н. Страховым. 1877–1892 // А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. Литературное наследство. Т. 103. М., 2011. С. 417-418.

⁵⁸¹ В этом месте меняется цвет чернил: до этих пор синими, после этого черными.

Посылаю Вам свою книгу: Об основных понятиях⁵⁸². Сам я считаю, что меня за нее следовало бы сделать доктором философии и членом Академии наук. Есть такие, которые думают, что и этого мало. Что Вы скажете?

Скоро пришлю Вам и другую: О вечных истинах⁵⁸³.

Донельзя мне интересно то, что Вы теперь пишете; Бог даст, авось доведется и прочесть.

Простите, дорогой Павел Дмитриевич. От души желаю Вам по-прежнему богатырствовать. Ольге Андреевне усердное почтение. Планов еще никаких не делал, но видеть Вас – мое душевное желание, и Ваше приглашение я поставлю в первую строку.

А может быть, еще напишете?

1887

начал 25 Янв.

Ваш душевно

конч. 4 Февр.

Н. Страхов

Вот она, моя мешкотность!

Спб.

*Н. Н. Страхов – П. Д. Голохвастову 19 июня 1888 г.*⁵⁸⁴.

Покорно Вас благодарю, многоуважаемый и дорогой Павел Дмитриевич, за то, что так душевно откликнулись на присылку моей статьи. А не стыдно Вам? Как превосходно Вы начали Ваш ответ Соловьеву! Но все

⁵⁸² Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб., 1886.

⁵⁸³ Страхов Н.Н. О вечных истинах. Мой спор о спиритизме. СПб., 1887. См. прим. к предыдущему письму. Об отношении к этому своему труду Страхов писал Фету 18 февраля 1887 г.: «Вообще, эту книжку выпускаю не совсем покойно. Пожалуй, найдутся такие, что обидятся за Бутлерова, а другие за самих себя. Пожалуй, найдут книгу неясною и неполною; и действительно, дело не доведено до конца. Со своею мешкотностию я дотянул до того, что Бутлеров умер». – Переписка [А.А. Фета] с Н.Н. Страховым. 1877–1892. С. 430.

⁵⁸⁴ Обычно Страхову хватает одного почтового листа для одного письма; здесь два почтовых листа, сложенные вдвое каждый.

дело окончилось несколькими строчками. Как я ни медлителен, как ни опаздываю, а все-таки я всегда первый, потому что другие вовсе не хотят писать⁵⁸⁵. Какие-нибудь Скабичевские⁵⁸⁶ – те пишут большие труды, и управляют общественным мнением; а Голохвастовы, обладающие обилием идей и мастерством языка, молчат и об них вовсе и не слышно. Теперь представляется превосходный случай – нужно отвечать Соловьеву на его *Philosophie de l'Eglise Universelle*⁵⁸⁷; кому же лучше, как не Вам? Вы мне предлагаете, – ни за что не буду; я не знаком хорошо с церковными вопросами и нет у меня расположения знакомиться. Непременно Вы должны написать – я буду считать это за Вами, как Ваш долг. И сколько подобных случаев! Костомаров⁵⁸⁸ всю жизнь преспокойно писал и преуспевал, считался

⁵⁸⁵ Очевидно, речь идет об ответах на статью Вл.С. Соловьева «Россия и Европа», опубликованную в «Вестнике Европы» №№ 2 и 4 за 1888 г., с которой началась широкая полемика вокруг концепции Н.Я. Данилевского.

⁵⁸⁶ Скабичевский Александр Михайлович (1838-1911) – литературный критик и публицист прогрессивного направления.

⁵⁸⁷ Страхов приводит первоначальное название книги Вл. Соловьева, опубликованной в конце концов во Франции под названием «*La Russie et l'Eglise universelle*». Paris, Alber-Savine, 1889. Русский перевод с французского Г.А. Рачинского: Вл. Соловьев. Россия и вселенская церковь. М., 1911. Соловьев работал над книгой в Воробьевке у Фета все лето 1887 г., а Страхов постоянно переписывался с Фетом и заезжал в Воробьевку в августе на неделю, когда и познакомился с работой Вл. Соловьева. Об этом же свидетельствуют строки о Соловьеве в следующем письме Страхова Голохвастову (см. письмо от 26 августа 1888 г.).

⁵⁸⁸ Костомаров Николай Иванович (1817–1885) был не симпатичен Н.Н. Страхову, как минимум, своей критической позицией в отношении истории Н.М. Карамзина и всей традиционной русской государственной, «москвоцентрической» исторической школы. Уже первая научная работа Н.И. Костомарова, магистерская диссертация 1841 г. «О причинах и характере унии в Западной России», предлагавшая переосмысление роли православия на Украине, вызвала недовольство со стороны министра народного просвещения С.С. Уварова, приказавшего сжечь труд молодого ученого. См.: Литвак Б.Г. Николай Иванович Костомаров. Очерк жизни и творчества // Костомаров Н.И. Очерк

и считается нашим лучшим историком. Между тем давно следовало бы низвести его в разряд болтунов, руководящихся притом всякими пристрастиями. Один Забелин⁵⁸⁹ возражал, да Геннадий Карпов⁵⁹⁰ – и мало, и робко, почему и не переменили дела.

Виноват я очень перед Вами, что не заезжал к Вам; но желание было у меня, а теперь даже и большое желание есть посетить Вас. Да пропала уверенность в себе: по дряхлости и тоскливости не чувствую возможности быть хорошим спутником и собеседником. Во время приезда Ольги Андреевны здоровье мое, что называется, скрипело; так и не услышал я ее драмы, чего очень хотел, зная чудесный дух ее творчества. А что, если я таки к Вам заеду? До сих пор сижу здесь и пока доволен: погода не только прохладная, а сегодня просто холодная – семь градусов! Может быть, в начале августа тронусь с места.

домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 14. Из современных контекстуальных исследований творчества Н.И. Костомарова и дискуссий, связанных с его именем, привлекает объективностью диссертация: Чалая Т.П. Н.И. Костомаров (1817–1885 гг.): общественно-политические взгляды и деятельность. Автореф. Дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2006.

⁵⁸⁹ Забелин Иван Егорович (1820–1908/1909) – выдающийся археолог и историк, исследователь жизни древней киевской и московской Руси. Полемические его статьи против Н.И. Костомарова, занимавшего критическую полемическую позицию в отношении сакрализации К. Минина и Д. Пожарского и других стереотипов русской исторической науки, были собраны в книге «Минин и Пожарский, прямые и кривые в Смутное время» (М., 1883) Интересно, что в наши дни оппонентов «примирили» в популярных учебных сборниках «О жизни, быте и нравах русского народа» (1996), «Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях» (2002, 2012), составленных из работ Н.И. Костомарова и И.Е. Забелина.

⁵⁹⁰ Карпов Геннадий Федорович (1839/1848–1890) – историк, ученик С.М. Соловьева, специализировавшийся на истории Малороссии; писал критически-оппозиционно об исследованиях Н.И. Костомарова в своих статьях и в докторской диссертации. См. также: Костомаров Н.И. Ответ Г. Карпову // Беседа. 1871. № 1. С. 1–9.

Наводил я справки: статья Ваша уже напечатана в Церковных Ведомостях (верно ли?) в № от 4-го Июня; Саблер⁵⁹¹ хотел послать Вам номер (Сам я его не видел, т.е. Саблера.) Непременно достану и прочту. Я до Вас большой охотник и буду ждать Вашей книги, как огромного литературного явления. После моей полемики с Тимирязевым⁵⁹² и Соловьевым для меня стало яснее, какую важность и пользу заключают книги Данилевского. Они не пропадут, тогда как Соловьев, сколько шуму не делай, пропадет как метеор.

Статья Соловьева в В<естнике> Евр<опы>⁵⁹³. не составляет части будущей книги, как Вы пишете; уже явилась его брошюра под заглавием

⁵⁹¹ Саблер Владимир Карлович (1845–1929) – российский юрист и государственный деятель, в 1888 г. – управляющий канцелярией Святейшего Синода.

⁵⁹² Весь предыдущий 1887 год прошел в полемике по поводу книги «Дарвинизм. Критическое исследование». Это был последний труд Н.Я. Данилевского, над которым он работал с редакторской помощью Н.Н. Страхова и издание которого Страхову пришлось заканчивать в одиночку после внезапной смерти Данилевского в ноябре 1885 г. Вышли 2 части 1-го тома (СПб., 1885) и одна посмертная глава 2 тома (СПб., 1889), общим объемом почти 1,4 тысячи страниц. Издав первый том, Страхов поместил в столичной газете «Гражданин» статью об этой книге, в которой дарвиновское учение о механизме эволюции, как он считал, «полностью опровергнуто». (Гражданин. СПб., 1886. 7 марта. № 25). В декабре 1886 г. Страхов закончил большую журнальную статью «Полное опровержение дарвинизма» (Русский вестник. 1887. №№ 1, 2.). На это выступление ботаник-дарвинист К. А. Тимирязев отреагировал публичной лекцией в Политехническом музее «Опровергнут ли дарвинизм?», которую, дополнив, опубликовал в виде большой 50-страничной статьи. (Русская мысль. 1887. №№ 5, 6.) В том же году Страхов успел ответить развернутым анализом этого текста: «Всегдашняя ошибка дарвинистов. По поводу статьи проф. Тимирязева: “Опровергнут ли дарвинизм?”» (Русский Вестник. 1887. №№ 11, 12) и считал, что «распутал дело до конца, так что всякому желающему понять оно будет вполне ясно». – Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 360-361. Polemika, однако, была далека от завершения.

⁵⁹³ Статья Соловьева «Россия и Европа» с критикой концепции Н. Я. Данилевского вышла практически одновременно с третьим изданием книги, в номерах «Вестника Европы» за

Национальный вопрос в России, в которой перепечатана и эта статья и другие мелкие, с грозным предисловием и двумя ядовитыми примечаниями. В одном он говорит: лживый и бессмысленный патриотизм, обнаруживающийся в делах злобы и насилия – вот единственный результат славянофильских мечтаний, а потому советует вступить на путь самоотречения. Он совсем помутился, да и никогда не был ясен. Это раб, очевидно зарывающий свои таланты в землю, не делающий своего дела со страхом и вниманием. Тут он водился со Стасюлевичами⁵⁹⁴, Гинцбургами⁵⁹⁵, Валуевыми⁵⁹⁶, и посланниками: английский был у него с длинным визитом⁵⁹⁷. Решительно, он агитатор, а не писатель!

Сам я теперь в жестоком положении: здоров, стар, свободен и покоен; следовательно, нужно что-нибудь писать и что-нибудь основательное.

февраль и апрель 1888 г., и в апреле же выпущена была брошюра «Национальный вопрос в России», о которой Страхов пишет дальше, в которую, кроме «России и Европы» и общего «грозного» предисловия, Соловьев включил еще пять «мелких» статей. См.: Соловьев В.С. Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. № 2, № 4. То же: Соловьев В.С. Собрание сочинений. Том V. 1883–1897. СПб., 1901. С. 76–138.

⁵⁹⁴ Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) – редактор журнала «Вестник Европы», историк и публицист.

⁵⁹⁵ Гинцбург Гораций Осипович (1833–1909) – барон, купец 1-й гильдии, финансист, промышленник и еврейский общественный деятель.

⁵⁹⁶ Валуев Петр Александрович (1815–1890) – граф, государственный и литературный деятель; министр внутренних дел в 1861–1868 гг., т. е., именно им был, в сущности, незаконно, закрыт в 1863 г. журнал братьев Достоевских «Время», в котором плодотворно трудился Н.Н. Страхов. Он же разрешил М.М. Достоевскому возобновить с 1864 г. журнал под именем «Эпоха», но этот проект уже не получился удачным.

⁵⁹⁷ 6 апреля 1888 г. Страхов писал Толстому: «Соловьев мне похвалился, что обедал у Гинцбурга, и были там кроме иных Стасюлевич, Валуев, Гончаров, Пыпин; кроме того, что он познакомился с посланниками и что английский посланник был у него. Говорю: похвалился, потому что на вопрос, о чем же шла речь, ничего ровно не сказал. Все это немножко обрисовывает его положение». – Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894. С. 370.

Например: Главная задача науки о познании, где, думаю, изложить давние свои мысли о времени, числе и пространстве⁵⁹⁸.

Но – не добро быть человеку единому – часто я вспоминаю первое правило, данное людям.

Простите меня по-христиански. Не находите Вы, что я бранчив и резок с Соловьевым? Ваше известие о действии моих статей против дарвинизма очень меня радует. В последнее время часто ко мне обращаются премилые и умные молодые люди с заявлениями всякого сочувствия и благодарности, да такими горячими, что лучше и желать нельзя⁵⁹⁹. А я думаю: вот, достались белки и орехи, а зубов уж нет!

Мой душевный привет Ольге Андреевне. Дай Бог Вам всего хорошего!

1888

Ваш искренно преданный

19 Июня.

Н. Страхов

Спб.

P.S. Мой ответ Соловьеву не возбудил в литературе ни звука, а об его статье все говорили. Вот и сравните силу западничества и его интерес для самих пишущих с глухим положением славянофильства.

⁵⁹⁸ Страхов успел написать только философский очерк «О времени», вошедший в посмертное 2-е издание его «Философских очерков» (Киев, 1906. С. 405-414).

⁵⁹⁹ С конца января этого года Страхова забросал длинными интересными письмами В. В. Розанов: за 4 с небольшим месяца он написал 6 писем почти на 2 печатных листа (См.: Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым // Розанов В.В. Собр. соч. Т. 13. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 144-171. В тот же день, что и П. Д. Голохвастову, 19 июня 1888 г. Страхов сообщал своему новому другу, что беспокоится о нем, не получая новых писем от Розанова уже больше месяца, и очень ждет его письма. См.: Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым. С. 15.

*Н. Н. Страхов – П. Д. Голохвастову 26 августа 1888 г.*⁶⁰⁰

Виноват, дорогой и многоуважаемый Павел Дмитриевич, – я не написал Вам вовремя, что решился вовсе не трогаться из Петербурга, и потому не воспользуюсь Вашим милым приглашением. Не браните меня, а пожалейте. Тут, в Петербурге, я живу в таком же уединении как Вы в Воскресенске. Да что я говорю об Вашем уединении, – с Вами Ольга Андреевна, а со мной никого нет. Но никакой связи с здешнею литературой и ученостию у меня нет; есть только три-четыре человека знакомых, которые так же уединенно сидят в своих углах, делая свое дело. Но у них есть свое дело, а у меня – слишком уж мало определенного в том, что я делаю.

Все это я веду к тому, что мне было бы отраднo побывать в Воскресенске и послушать Вашу работу и напитаться от Вас духом, который горит в Вас так ярко. В следующее лето, даст Бог, можно это будет устроить.

До сих пор я не читал еще L'Idée Russe Соловьева; но по тем страницам, которые прошлым летом он мне читал в Воробьевке⁶⁰¹, догадываюсь, в чем дело. Это рассуждения о том, что славянофилы неверно определили назначение России, почему и не имели успеха. Их ошибка – в понимании православия как довлеющей себе церкви.

Какая жалость, что все его рассуждения так отвлеченны; в них не слышно истинной духовной ревности, нет религиозного воодушевления, а только одна игра ума.

Читали ли вы в Гражданине К. Н. Леонтьева под заглавием Письма отшельника? Он живет теперь в Оптиной пустыни на пенсию, полученную при отставке. Вероятно, эти письма задели бы Вас за живое. Какое остроумие и какая путаница⁶⁰²!

⁶⁰⁰ Письмо на полутора почтовых листах.

⁶⁰¹ См. примечание к предыдущему письму.

⁶⁰² Ошибка Страхова: «Письма отшельника» К. Н. Леонтьева публиковались в 1879 г. в газете «Восток» и были посвящены славянскому вопросу. А здесь речь идет, очевидно, о статье «Записки отшельника», опубликованной в 1887 г. в газете «Гражданин», №№ 33,

А жизни нет в нашей литературе, если не считать жизнью бойкость и размашистость Шарапова⁶⁰³. Русский вестник безнадежен. Ну что ж? Времена тихие, а в тишине растут и накапливаются силы.

Дай Бог Вам всего хорошего. Ольге Андреевне мое усердное почтение. Не забудьте, если будет напечатана Ваша статья или ее драма – пришлите что можно.

Еще раз простите меня и не забывайте

Вашего душевнопреданного

1888

Н. Страхова

26 Авг.

Спб.

41, 45, 53, 61, 64, 67. Вероятно, Страхова подтолкнуло к чтению прошлогодней публикации письмо, полученное им от К.Н. Леонтьева, о котором он сообщал А.А. Фету в первых числах августа, приводя выдержки из этого письма и весьма критически их комментируя. См.: Переписка [А.А. Фета] с Н.Н. Страховым. 1877–1892. С. 463.

⁶⁰³ Шарапов Сергей Федорович (1855-1911) – писатель-публицист славянофильского направления, издатель, экономический и политический деятель. Несмотря на снисходительное отношение к нему Н. Н. Страхова, С. Ф. Шарапов произнес речь на похоронах философа наряду с его ближайшими друзьями-поэтами – старым другом П.А. Кусковым и молодым Б.В. Никольским. (См. обзор некрологов: Н.Н. Страхов / Смесь // Исторический вестник. 1896. Том LXIII. Март. С. 1047-1052.).